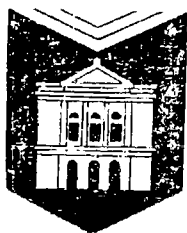

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
В СРЕДНЕМ ПРИОБЬЕ**

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СРЕДНЕМ ПРИОБЬЕ

Под редакцией доктора исторических наук Л. А. Чиндиной

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1993

Археологические исследования в Среднем Приобье/Под ред. Л. А. Чиндиной. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. — 174 с. 0504000000.

Сборник содержит новые материалы археологических раскопок поселений, могильников, культовых мест Среднего Приобья. На основе их исследования восстанавливается хронология, культурная принадлежность памятников, технология древних производств, быт, хозяйство, основы домостроительства и военного зодчества, особенности древних верований народов Среднеобья различных эпох — начиная с III тыс. до н. э. и до XVII в. н. э.

Для археологов, этнографов, историков, краеведов.

Рецензент—доктор исторических наук А. И. Мартынов

А 0504000000
177(012)—93 12—92

© Томский государственный университет, 1993

ОТ РЕДАКТОРА

Развитие археологической науки в Западной Сибири, интенсивное промышленное освоение региона резко увеличили объем археологических раскопок и скопление источников в отдельных центрах. В то же время публикация накопленных материалов, методический опыт, историко-культурные достижения с трудом находят путь в широкий научный мир.

Предлагаемый сборник представляет частичную реализацию работы группы археологов Томска, занимающихся по теме «Исследование памятников Томской области», входящей составной частью в общую программу подготовки материалов к «Своду археологических источников РСФСР». Первое направление работы над темой включает обследование и паспортизацию памятников, в связи с чем в каждой статье сборника даются подробные административная, геоморфологическая и общая археологическая характеристики памятников по единой схеме. Второе направление, которому следует сборник, связано с публикацией новых материалов раскопок ряда поселений и могильников региона, это традиционная их классификация, историческая интерпретация.

Исследователи определяют хронологию памятников, касаются спорных вопросов культурной принадлежности, взаимодействия культур, рассматривают хозяйство, быт, духовную культуру, этнические процессы в обществах, оставивших памятники (Ф. И. Мец, А. И. Боброва, Я. А. Яковлев, Л. А. Чишдина, Н. В. Березовская, Н. В. Петрова).

Во всех статьях авторы касаются вопросов методики археологических исследований разного уровня, либо специально уделяя этому внимание, либо подробно описывая процедуру исследования на конкретном источнике.

В статье С. А. Терехина излагаются результаты использования экспериментального метода в исследованиях техно-

логии бронзолитейного производства кулайцев; Э. В. Угдыжеков попытался исследовать керамику конкретного памятника в общей системе признаков, включая технологическое направление, что еще делается археологами недостаточно. Другие авторы более целенаправленно рассматривают методику полевых исследований. Здесь важное место занимает единообразная система стратиграфических наблюдений и описания наблюдаемого процесса, с учетом необходимого перечня признаков, характеризующих конкретные объекты изучения (статьи Н. В. Березовской, М. Г. Лоскутовой, З. М. Габдрахмановой, Л. А. Чиндиной, Я. А. Яковлева).

В работе над темой на протяжении ряда лет принимают участие студенты Томского университета, некоторые из них реализовали свои достижения в исследовании памятников статьями, включенными в сборник (А. В. Рейно, Э. В. Угдыжеков, Н. В. Березовская, Н. В. Петрова, З. М. Габдрахманова, М. Г. Лоскутова).

Ф. И. МЕЦ

ПОСЕЛЕНИЕ БЕРЕЗОВЫЙ ОСТРОВ — АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ВАСЮГАНСКОГО ПРИОБЬЯ

Поселение расположено в юго-восточной оконечности острова Березовый, в юго-западной части озера Среднее, входящего в систему качармских озер, через которые протекает р. Качарма (левый приток р. Васюган), примерно в 27 км северо-западнее поселка Усть-Чижапка Каргасокского района Томской области (рис. 1). Остров часто служит местом стана рыбаков и охотников, из-за чего на части площади памятника отсутствует дерновый слой, кое-где имеются следы современных кострищ и небольших ям. Кроме того, культурный слой памятника постоянно размывается водами озера Среднее. Территория, на которой расположено поселение, находится в ведении Березовского сельсовета.

Памятник был открыт разведкой Л. Н. Приль в 1984 г. По ее данным, площадь его составляет приблизительно 500 кв. м (Приль, 1986. С. 199). Стационарные работы проводились автором в 1985—1986 гг. Вскрытая площадь составила 96 кв. м (Мец, 1987б. С. 265—266; 1986. С. 246); материалы хранятся в фондах ТОКМ, № 8600.

Раскопы были заложены в южной, наиболее приподнятой части острова. Культурный слой выбирался условными горизонтами по 10 см. Стратиграфия выглядит следующим образом (рис. 1): 1) дерн и лесная подстилка — 10—16 см; 2) светло-коричневая супесь в северной части раскопа имеет мощность в среднем до 30 см, в южном направлении постепенно сходит на нет и профилем южной стенки не фиксируется; 3) темно-коричневая супесь — мощность от 12 до 30 см в северной части раскопа, до 66 см — в южной; 4) материк — желтый песок.

Кроме этого в составе культурного слоя зафиксированы линзы золистой и углистой супеси и довольно многочислен-

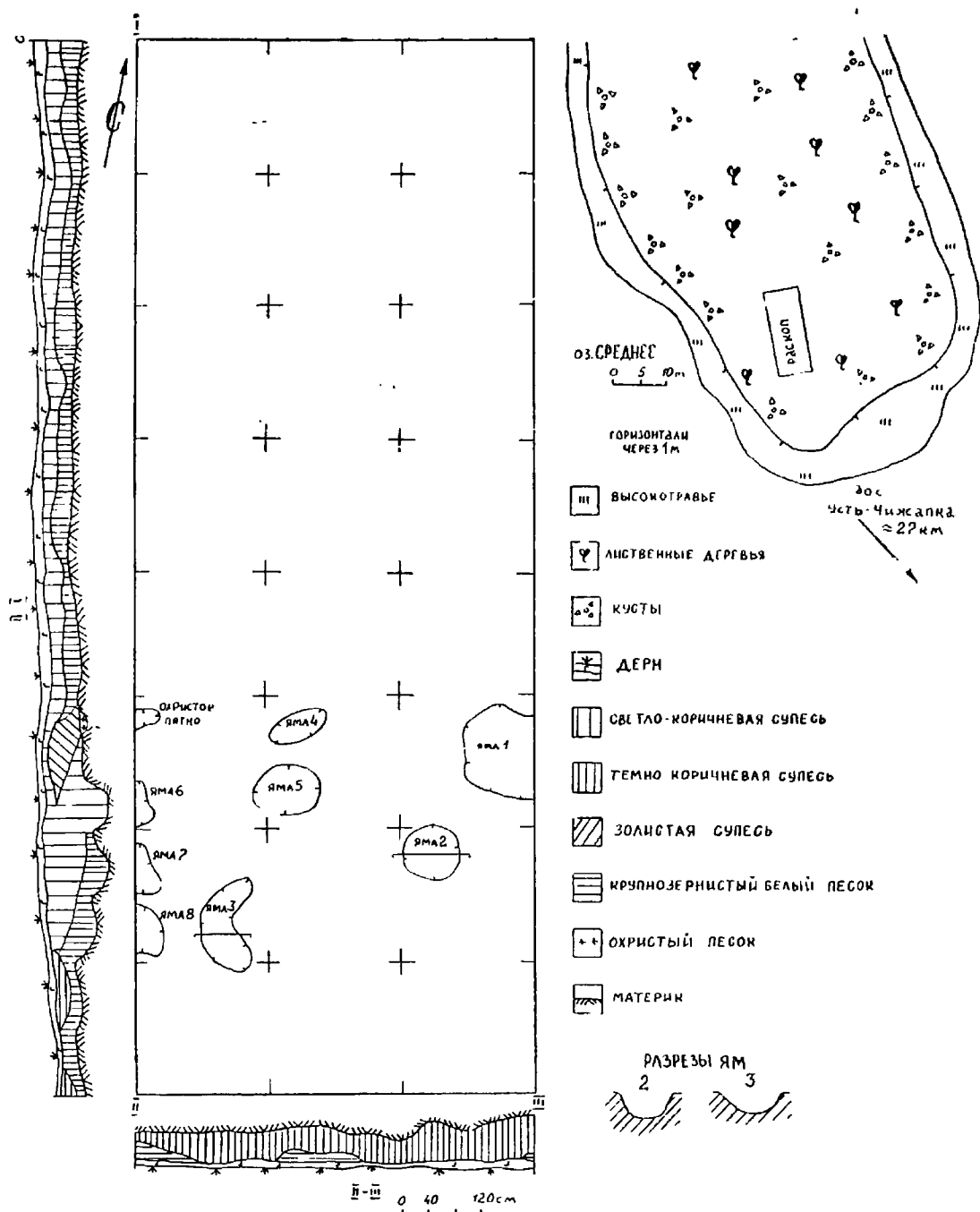

Рис. 1. Поселение Березовый Остров. Ситуационный план и общий план раскопа

ные линзы белого крупнозернистого песка, не содержащие находок.

Каких-либо объектов, за исключением нескольких невыразительных ям, в раскопе выявлено не было (рис. 1). Ос-

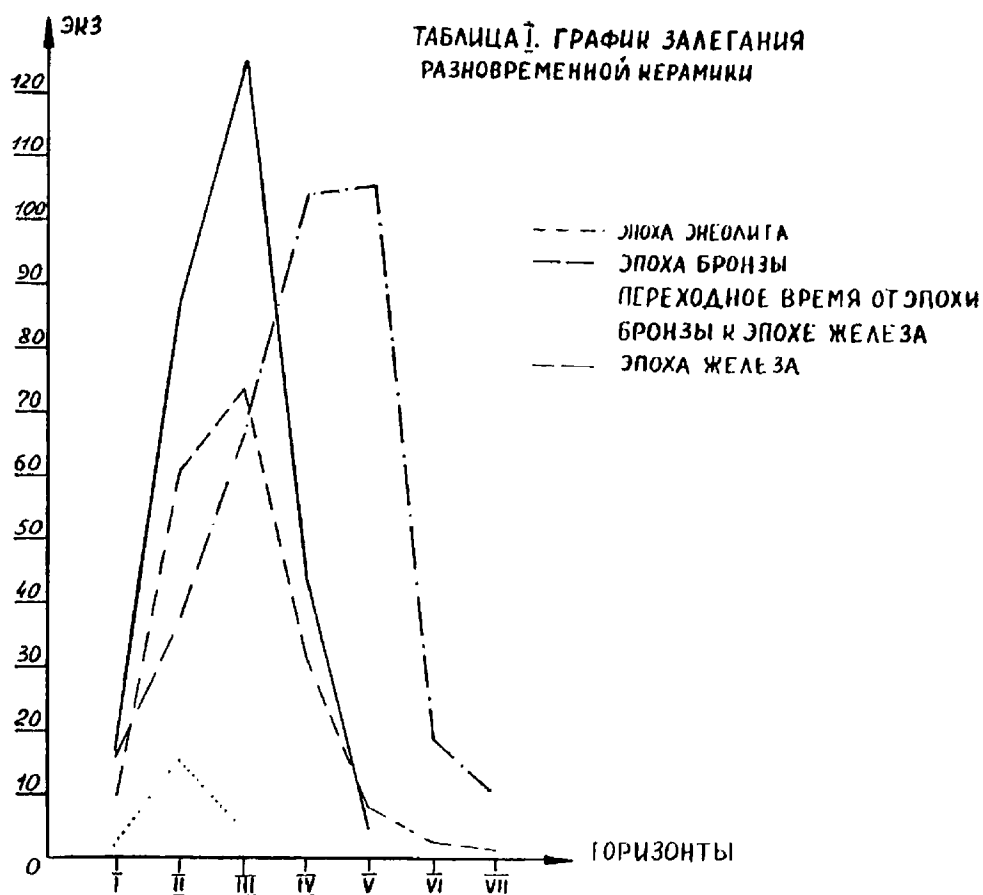

ТАБЛИЦА II. КОРРЕЛЯЦИЯ КАТЕГОРИЙ ИНВЕНТАРЯ И ПОРОД КАМНЯ

ПОРОДА КАМНЯ КАТЕГОРИЯ ИНВЕНТАРЯ	ДИОРИТ	КВАРЦИТ	КВАРЦИТОВЫЙ ПЕСЧАНИК	КВАРЦ	КРЕМНИСТЫЙ СЛАНЕЦ	ПЕСЧАНИК	КРЕМЕНИСТЫЙ ПЕСЧАНИК	КВАРЦЕВЫЙ ПЕСЧАНИК	ОНУЖЕ С КРЕМНИСТЫМ ЦЕМЕНТОМ	ГЛИНИСТЫЙ СЛАНЕЦ	АРГИЛИТ
НАКОНЕЧНИК СТРЕЛЫ		1	1				1				
НОЖЕВИДНАЯ ПЛАСТИНА					1						1
ОСЕЛОК						1					
ШЛИФОВАННОЕ ОРУДИЕ (СКРЕБОК?)										1	
ОТЩЕП		1	5	2	2		1	2	1		
ГАЛЬКА СО СКОЛАМИ	1										1
ОБЛОМОК					1	1					

новой категорией находок на поселении является керамика (из 1016 учтенных находок фрагментов керамики — 904). Типологически керамический материал Березового Острова делится на четыре хронологических комплекса: эпохи энеолита, бронзы, переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа и эпоху железа (включая отдельные фрагменты конца I тыс. н. э.). Распределение этих комплексов по условным горизонтам приведено в табл. 1. Из графика видно, что наиболее представительными на поселении являются комплексы эпохи железа и эпохи энеолита. Абсолютное преобладание энеолитической керамики в нижних горизонтах позволяет связать нижний стратиграфический слой темно-коричневой супеси с эпохой энеолита. Формирование верхнего слоя светло-коричневой супеси, судя по графику, началось в эпоху бронзы и продолжалось в эпоху железа. Фрагменты переходного времени, видимо, отражают лишь эпизод в существовании памятника.

Эпоха энеолита

Комплекс насчитывает приблизительно 350 фрагментов (рис. 2; 3). Судя по большому количеству венчиков, это были банки открытой (редко закрытой) формы. Венчики прямые, округлые или (иногда) слегка скошенные внутрь. Обрез часто орнаментировался вдавливаниями. Встречаются также насечки, наклонные или в виде креста, или «лесенка» из отпечатков округлой палочки. Днищ встречено всего два. Оба они плоские, одно орнаментировано (рис. 2, 15). Правда, судя по некоторым фрагментам, маленькие сосудики могли иметь округлое дно (рис. 2, 8), но в целом можно говорить, что энеолитический комплекс Березового Острова представлен сосудами стандартной формы — плоскодонными открытыми (редко закрытыми) банками. Сосуды толстостенные, в отдельных случаях толщина черепка превышает 10 мм. В качестве примесей в тесте использовались шамот, песок и возможно охра.

Орнамент наносился в большинстве случаев палочкой в технике отступания, накола и прочерчивания. Орнаментальная схема довольно однообразна; горизонтальные прямые или волнистые линии, покрывающие всю поверхность сосуда. Под венчиком часты пояса ямок. Такие же пояса могут разбивать узор на горизонтальные зоны. В единичных слу-

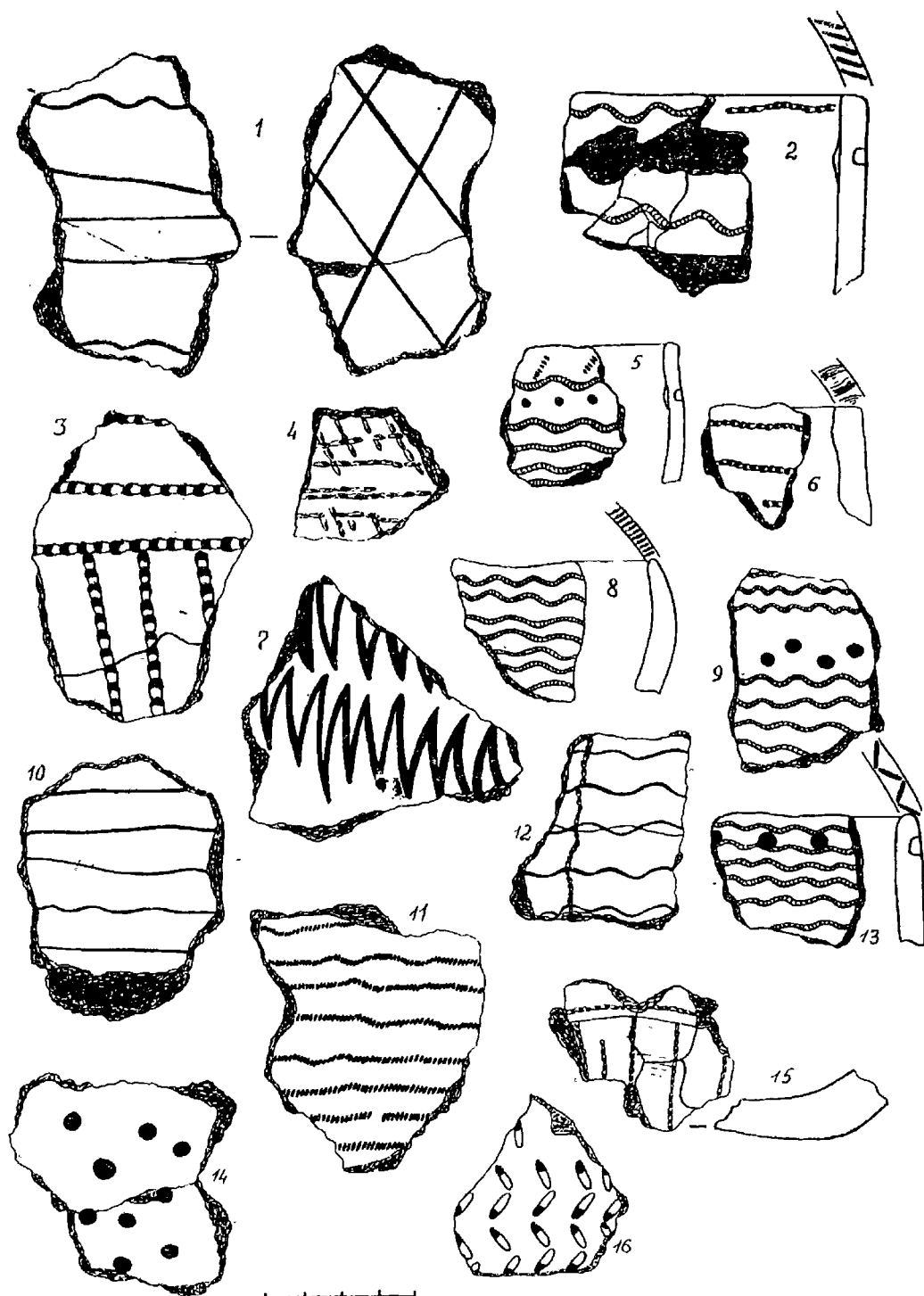

Рис. 2. Керамика эпохи энеолита

чаях отмечены такие мотивы, как заштрихованные взаимопроникающие фигуры, парные наколы концом острой палочки, направленные под углом друг к другу. Встречается орнаментация гладкой качалкой, причем она могла наноситься как на внешней, так и на внутренней стороне сосуда. На внутренней же стороне одного из сосудов прочерчиванием нанесена ромбическая сетка (рис. 2, 1). Отметим также фрагмент сосуда с ямочной орнаментацией (рис. 2, 14).

Ряд фрагментов энеолитического комплекса Березового Острова орнаментированы гребенкой. Чаще это обычные горизонтальные пояса гребенчатой качалки (рис. 3, 8), но встречается и просто небрежное прочерчивание тонкозубой гребенкой (рис. 3, 6). Есть фрагмент, где эта техника совмещена с отступающей палочкой, причем на нем как будто бы имеет место разбивка орнамента на вертикальные зоны (рис. 2, 12).

В целом представляется, что есть все основания связывать энеолитическую керамику Березового Острова с керамикой памятников эпохи раннего металла Верхнего и Томско-Нарымского Приобья, по М. Ф. Косареву (1981. С. 63—74), или энеолитическими памятниками Томско-Тымского Приобья, по Ю. Ф. Кирюшину (1986. С. 21—22). Близость эта проявляется в форме сосудов (плоскодонные банки), в образии орнаментальных мотивов (прямые или волнистые линии) и в технике нанесения орнамента (отступающая, отступающе-накольная и прочерчивания).

Для эпохи раннего металла Верхнего и Томско-Нарымского Приобья М. Ф. Косарев (1981. С. 63—74) выделил два хронологических этапа: энеолитический новокусовский и раннебронзовый игрековский. Однако в последней работе Е. А. Васильева (1989а. С. 94) приводятся данные в пользу того, что различия между новокусовским и игрековским памятниками определяются культурным своеобразием, а не являются хронологическими. Более правильно выделять не последовательные этапы, а новокусовский и игрековский типы памятников, хронология которых взаимно не обусловлена, а ареалы не совпадают. В развитии игрековской керамики выделяются ранний и поздний этапы, причем ранний этап синхронен новокусовскому типу (Васильев, 1989. С. 95).

Энеолитический комплекс Березового Острова, несомненно, относится к игрековскому типу, видимо, датируется временем перехода от раннего его этапа к позднему. Керамика Березового Острова отличается стандартностью форм сосу-

дов, и это говорит в пользу ее принадлежности к позднему этапу. Однако в ее орнаментации есть черты, характерные скорее для более древнего новокусовского типа. О игрековской керамике М. Ф. Косарев писал, что при ее орнамен-

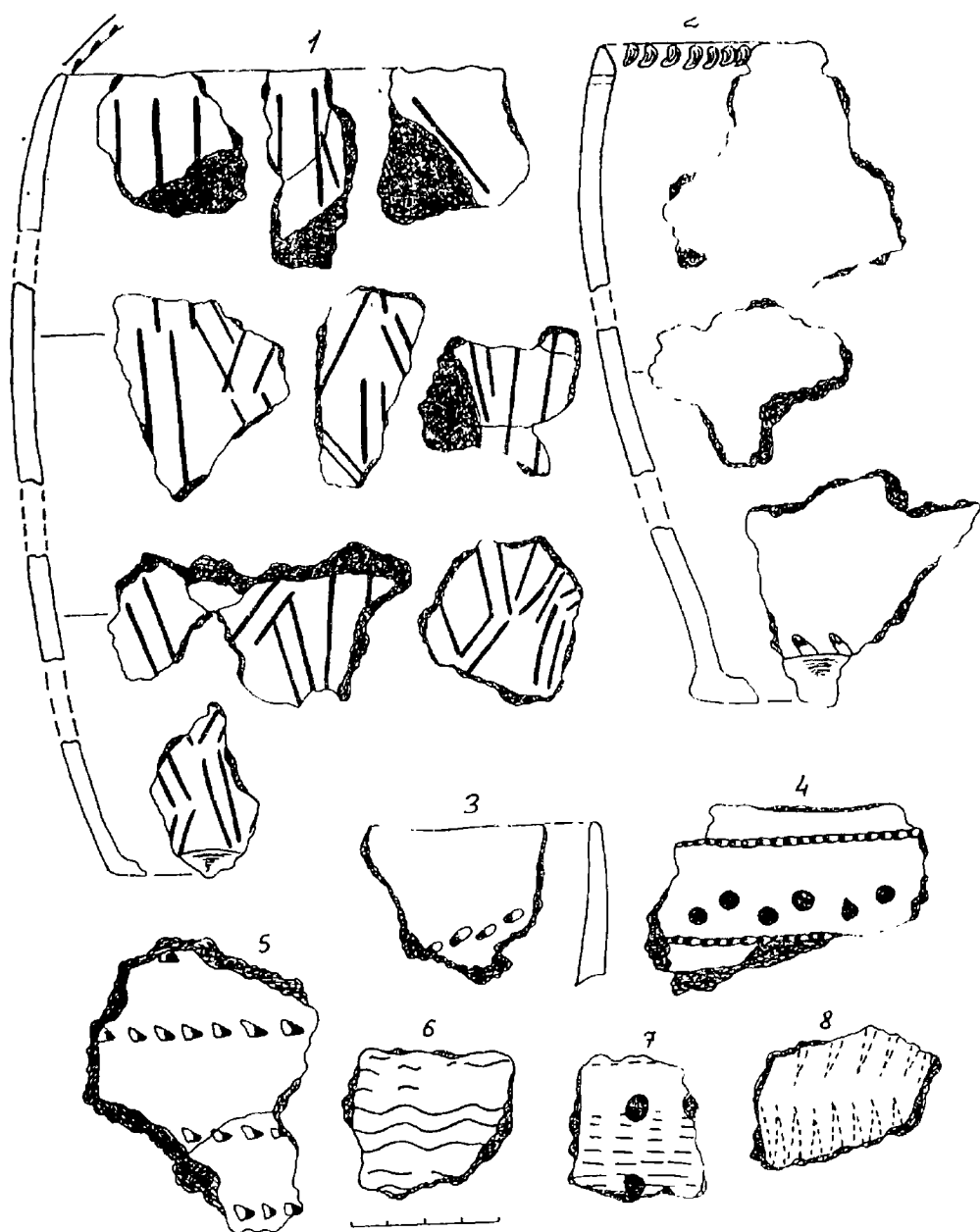

Рис. 3. Керамика эпохи энеолита

ции гребенчатый штамп практически не употреблялся (Косарев, 1981. С. 70). Однако это явная недооценка гребенчатого компонента в орнаментации игрековской керамики, на

что уже обратили внимание исследователи (Молодин, Глушков, 1989. С. 102; Васильев, 1989а. С. 103). Действительно, на самом Игреково I, содержащем чистый комплекс, керамика с гребенчатой орнаментацией выделяется во II орнаментальную группу и составляет 21,8% всего керамического комплекса (Синицына, 1986. С. 105). Причем мотивы гребенчатого орнамента довольно разнообразны. На Березовом Острове также есть керамика с гребенчатой орнаментацией, но она в основном украшена гребенчатой качалкой и внешне более близка не игрековской, а поздненеолитической из жилища I поселения Тух-Сигат IV (Кирюшин, Посредников, Фирсов, 1981. С. 29, рис. 2, 1, 7). Ограниченное применение гребенки в орнаментации отличает керамику Березового Острова от игрековской позднего этапа. Не противоречит более ранней в рамках энеолита дате и наличие такого орнаментального мотива, как ромбическая сетка (Старков, 1975. С. 151; Васильев, 1978. С. 10). Исходя из этого, мы считаем возможным датировать энеолит Березового Острова переходным временем от раннего к позднему этапу развития игрековского типа.

Заметную близость материалы Березового Острова демонстрируют с материалами недавно исследованного Кандрашкина поселения I в среднем течении р. Тым (Мед, 1987а. С. 77—79). При общей несомненной принадлежности к игрековскому типу эти памятники имеют в орнаментации керамики ряд специфических для них черт. К последним можно отнести наличие некоторых приемов гребенчатой орнаментации (прочерчивание тонкозубой гребенкой), оформление венчика «лесенкой» из отпечатков округлой палочки или насечками в виде креста, парные наколы концом острой палочки, наличие фрагментов с ямочной орнаментацией, сочетание гребенчатой и отступающей техники при разбивке орнамента на вертикальные зоны.

В энеолитическом комплексе Березового Острова привлекают внимание фрагменты двух сосудов, выпадающих из общей картины. Один, судя по фрагментам, — закрытая плоскодонная банка. Днище имеет по краю своеобразный наплыв. Орнамент на тулове отсутствует. Лишь наплыв на днище и обрез венчика орнаментированы вдавлениями конца палочки. По венчику также прослеживается пояс из маленьких ямок (рис. 3, 2). Эти черты позволяют связывать данный сосуд с поздненеолитической боборыкинской культурой лес-

ного Зауралья, датируемой второй половиной IV тыс. до н. э. (Ковалева, 1986. С. 21—26). Второй сосуд также имел форму плоскодонной банки. Он изготовлен из хорошо отмученной глины желтого цвета с примесью песка. Поверхность его сильно залощена. Орнамент нанесен на всю поверхность сосуда неглубоким прочерчиванием плоской неширокой палочкой и представляет собой сочетание каких-то геометрических фигур. Так, на некоторых фрагментах четко различаются вписанные друг в друга ромбы. Венчик оформлен прочерченными параллельными прямыми линиями, направленными под углом к его срезу (рис. 3, 1). Близкие аналогии этому сосуду нам неизвестны, но оформление и манера нанесения рисунка вызывает ассоциации с неолитической керамикой поселения Завьялово-8 из Новосибирского Приобья, которую В. И. Молодин относит к завьяловскому этапу и датирует концом IV — первой третью III тыс. до н. э. (Молодин, 1977. С. 10—13. Табл. II). Однако следует иметь в виду, что завьяловская керамика сплошь круглодонна.

До настоящего времени все известные памятники игрековского типа локализовались в правобережной части Томско-Нарымского Приобья. Материалы поселения Березовый Остров позволяют ставить вопрос о проникновении игрековцев в левобережную часть обского бассейна. Правда, с поселения Тенга (Парабельский район) известен сосуд игрековского облика, но, насколько нам известно, культурного слоя эпохи энеолита на этом памятнике не прослеживалось (Васильев, 1978б. Рис. 13, 1).

Отмеченное выше своеобразие энеолитических комплексов Березовского Острова и Кандрашкина поселения I, видимо, объясняется их локализацией на окраине ареала памятников игрековского типа. В самом деле, энеолитические памятники Верхнего Васюганья выделяются в верхневасюганский локальный вариант среднеиртышской культурной общности (Кирюшин, 1986. С. 23—24), энеолит более северных, по сравнению с Тымом, районов Ваха развивает традиции гребенчатого геометризма (Васильев, 1978в). Правда, непосредственно по самой Оби проникновение игрековцев на север достигало районов Сургутского Приобья (Чемякин, 1980).

Абсолютная датировка энеолита Березового Острова вытекает из абсолютной датировки игрековского этапа. Традиционная его дата — первая треть II тыс. до н. э. (Косарев, 1981. С. 74) на основании новых данных уточнена и в

настоящее время охватывает конец III — начало II тыс. до н. э. (Васильев, 1989а. С. 95). Еще ждут разумного объяснения две недавно опубликованные Ю. Ф. Кирюшиным (1988. С. 60) даты по C¹⁴ двух могил из могильника на Старом Мусульманском Кладбище, относящиеся к первой половине IV тыс. до н. э. Ряд фрагментов Березового Острова, орнаментированных параллельными прямыми линиями, выполненными редкими наколами конца заостренной палочки, очень близки группе сосудов из этого могильника (ср. рис. 3; 5) (Дульзон, 1958. С. 305—306, 308, 310, 319; 1956. Рис. 70; 72; 76; 77). Учитывая, что в энеолитической керамике Березового Острова есть черты, характерные как для позднего этапа игрековского типа посуды (стандартность форм сосудов), так и для раннего (ограниченное применение в орнаментации гребенчатого штампа), а также аналогии с боборыкинской культурой и, возможно, близость с завьяловской керамикой и керамикой из неолитического жилища поселения Тух-Сигат IV, наиболее вероятной датой энеолитического комплекса Березового Острова представляется рубеж III—II тыс. до н. э.

Эпоха бронзы

Количественно этот комплекс насчитывает около 180 фрагментов (рис. 4; 5, 1). Насколько можно судить по немногочисленным находкам венчиков и днищ, сосуды были плоскодонны и имели баночную либо приближающуюся к баночной горшковидную форму. Структура керамического теста довольно плотная, толщина стенок обычно составляет 6—8 мм. Орнамент покрывал всю поверхность сосудов и в подавляющем большинстве случаев наносился гребенчатым штампом, печатной техникой. Основную часть керамики комплекса эпохи бронзы (около 130 фрагментов) можно связать с еловской культурой, в зону распространения которой входила территория Васюганья (Кирюшин, Малолетко, 1979. С. 158). Она представлена теми же формами сосудов и имеет ряд аналогий в орнаментальных мотивах в пяти группах еловской керамики, выделенных М. Ф. Косаревым (1981. С. 146—153), и в керамике пятой группы позднебронзовых памятников Васюганья, по классификации Ю. Ф. Кирюшина и А. М. Малолетко, также связываемых с еловской культурой (1979. С. 93—95). В орнаментации керамики Березового Ост-

рова присутствуют такие характерные для еловской культуры мотивы, как горизонтальные ряды отпечатков гребенки, гребенчатый зигзаг, «елочка» из отпечатков гребенки или гладкого штампа, гребенчатая качалка, вертикальные отпечатки гребенчатого штампа, расположенные в шахматном порядке, пояса ямок, делящие орнамент на горизонтальные зоны (рис. 4, 6—15; 5, 1). Показательны в этом отношении фрагменты днища и придонной части крупного (диаметр

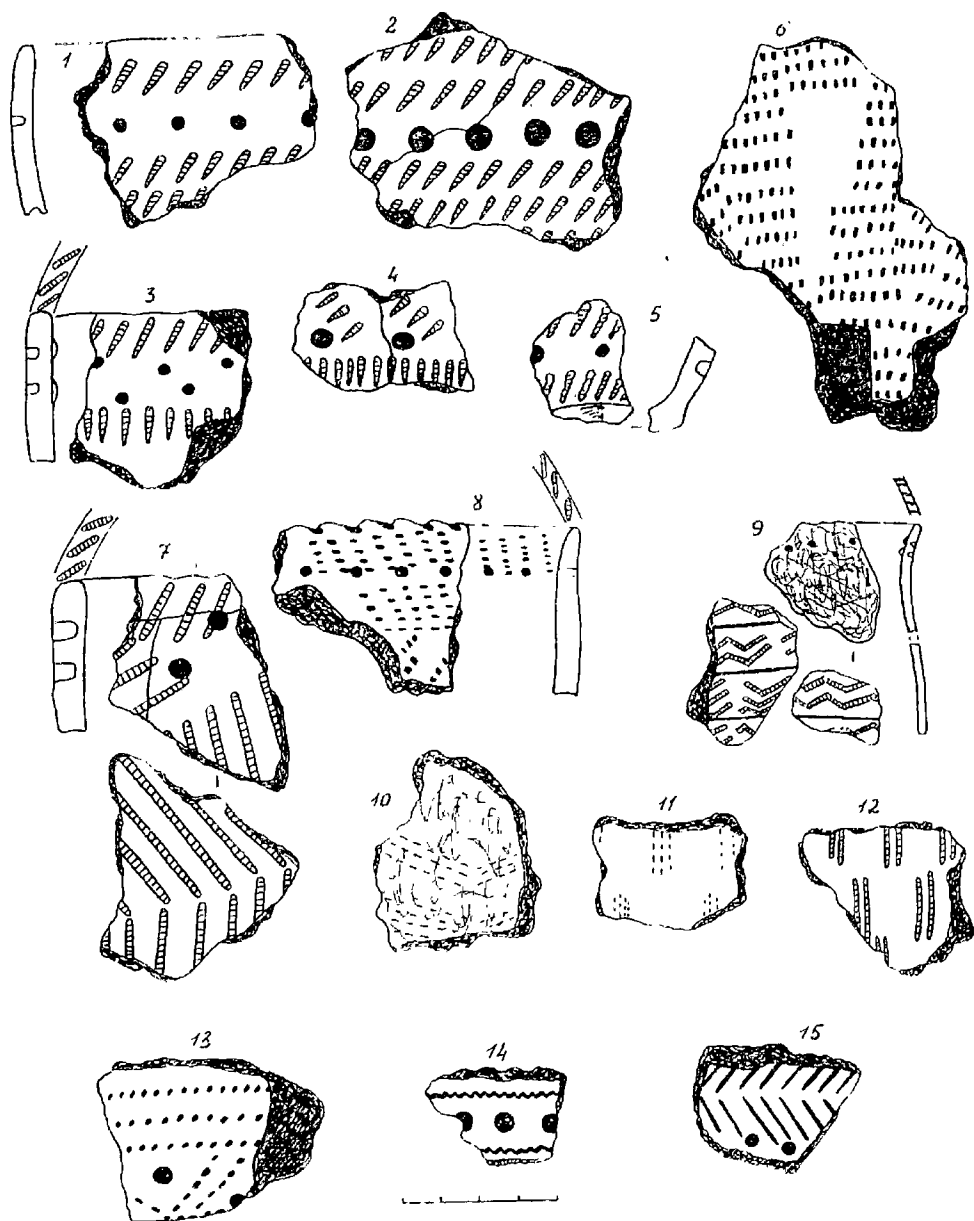

Рис. 4. Керамика эпохи бронзы

днища 14 см) плоскодонного сосуда, обнаруженные в виде скопления (рис. 5, 1). Орнамент, покрывавший всю поверхность сосуда, состоял из поясов горизонтальных отпечатков гребенчатого штампа (3—4 ряда) и поясов ямок. Ямки иногда разделены отпечатками такого же штампа, вертикальными или в виде креста. Дно сосуда изнутри покрыто ямками. По орнаментации этому сосуду наиболее близка керамика пятой группы позднебронзовых памятников Васюганья

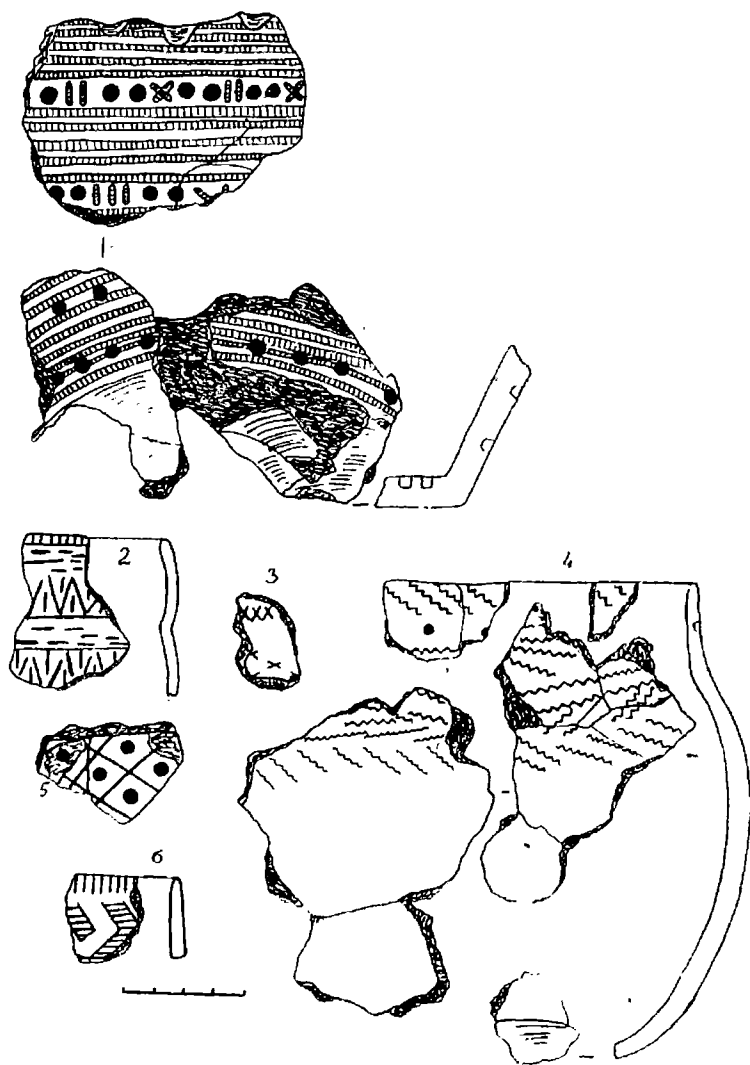

Рис. 5. Керамика эпохи бронзы (1) и переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа

(Кирюшин, Малолетко, 1979. С. 93—95). Покрытие дна сосуда ямками также встречается в еловской керамике (Косарев, 1981. Рис. 54, 2).

Встречаются фрагменты, орнаментированные поясом из ямок и горизонтальными мелкоструйчатыми линиями (рис. 4, 14), характерными для пятой группы еловской керамики, датируемой переходным периодом от еловской культуры к ирменской (Косарев, 1981, с. 153).

Значительную часть комплекса эпохи бронзы составляют фрагменты (их свыше 50), орнамент которых представляет ритмичное чередование горизонтальных поясов отпечатков косо поставленного короткого гребенчатого штампа и ямок (рис. 4, 1—5). Подобная керамика получила в литературе название гребенчато-ямочной. Описанный комплекс наиболее близок комплексам этапа развитой гребенчато-ямочной керамики (Васильев, 1978а. С. 8). Отдельные фрагменты (рис. 4, 4) могут быть отнесены к этапу поздней гребенчато-ямочной керамики (Васильев, 1978а. С. 8). От ранней они отличаются наличием геометризма в орнаментации. Ближайшие аналогии таким фрагментам есть в керамике позднебронзового комплекса Большеларьякского поселения II в Сургутском Приобье (Посредников, 1973. Табл. 3, 2).

На общем фоне выделяются фрагменты красноглиняного сосуда с профилированным венчиком. Тесто отличается рыхлостью, в нем много песка. Орнамент, нанесенный мелкозубой гребенкой, состоит из поясов гребенчатых зигзагов, разделенных горизонтальными линиями, также выполненными гребенкой (рис. 4, 9). Очень близкая орнаментальная схема известна на керамике атаманинурской культуры из Северного Приуралья, которая датируется эпохой поздней бронзы, не ранее последней четверти II тыс. до н. э. (Стокелос, 1988. Рис. 36, 15. С. 95).

По последним данным, еловская культура датируется XII—IX или XI—IX вв. до н. э. (Археология СССР. Эпоха бронзы... С. 287). Что касается гребенчато-ямочной керамики, то ее развитой этап приходится на XV—XIII вв. до н. э. (Васильев, 1989б. С. 19), а исчезает она с началом еловской культуры (Васильев, 1978а. С. 11), т. е. в XII или XI вв. до н. э. Поэтому есть основания говорить о двухкомпонентности комплекса эпохи бронзы Березового Острова, выделять в его составе комплексы ранней и поздней бронзы и датировать их соответственно XV—XIII и XII—IX вв. до н. э.

Переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа

Самый малочисленный комплекс поселения насчитывает чуть более 20 фрагментов (от 5 сосудов), среди которых есть 3 венчика. Форма и орнаментация двух из них не оставляют сомнения в их принадлежности молчановской культуре начала I тыс. до н. э. (ср.: рис. 5, 2, 6 и Косарев, 1974. С. 121—133). Третий венчик принадлежал сосуду, профиль которого восстанавливается полностью. Это был плоскодонный, горшковидной формы сосуд с раздутым туловом. Орнамент покрывал лишь верхнюю часть сосуда и состоял из горизонтального пояса «елочки», выполненного мелкоструйчатым штампом. Под венчиком шел пояс из маленьких ямок (рис. 5, 4). Профилировка этого сосуда не совсем обычна для молчановской керамики, но орнаментация мелкоструйчатым штампом — характерная черта керамики западносибирских культур начала I тыс. до н. э.: молчановской (Косарев, 1974. С. 123), гамаюнской (Борзунов, 1982. С. 99), хэяхинской (Лашук, Хлобыстин, 1986. С. 47).

Остальные несколько фрагментов этого комплекса орнаментированы ромбической сеткой в сочетании с ямками или крестовым штампом (рис. 5, 3, 5). Сама по себе подобная орнаментация одинаково характерна как для эпохи поздней бронзы, так и для переходного времени, но по структуре теста (пористость, примесь песка) эти фрагменты очень близки, бесспорно, молчановскому венчику, что делает их принадлежность к молчановской культуре более вероятной.

Эпоха железа

Количественно этот комплекс довольно представительен (около 280 фрагментов). Сосуды имели в основном горшковидную форму, с прямым венчиком. Срез его мог орнаментироваться отпечатками короткой гребенки. Судя по очень большому количеству неорнаментированных фрагментов, среди которых попадаются довольно крупные, орнаментировалась только верхняя часть сосудов. Орнамент наносился печатногребенчатой либо фигурноштамповой техникой. Мотивы представлены вертикальным, наклонным, паркетным, елочкой. Среди штампов встречается эсовидный, уточка, стек. Есть также жемчужно-ямочная орнаментация (рис. 6; 7, 1, 2). Все эти черты характерны для керамики кулай-

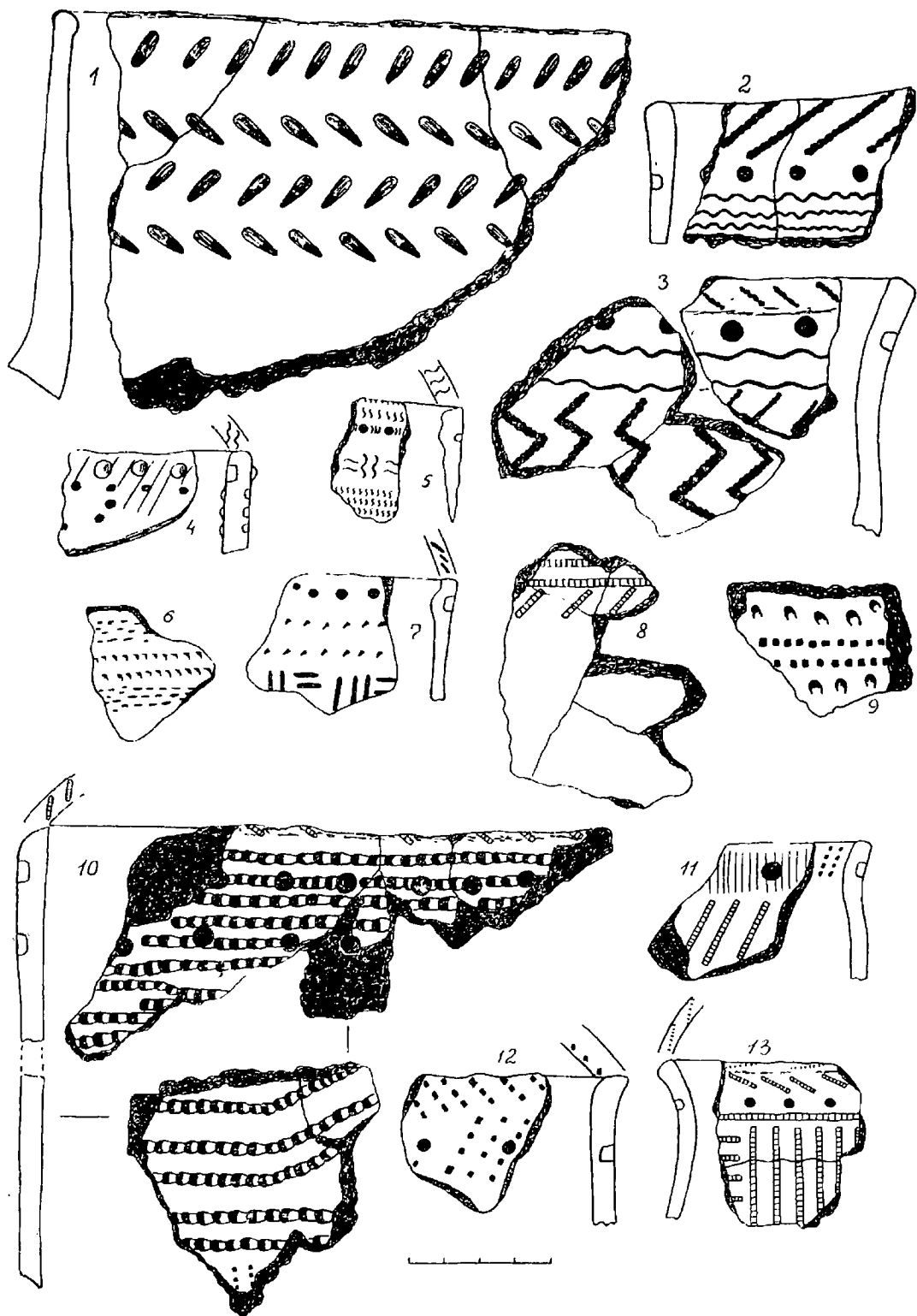

Рис. 6. Керамика эпохи железа

ской культуры (Чиндина, 1984. Табл. 5—6). Классифицируя кулайскую керамику, Л. А. Чиндина выделяет два типа: васьуганский и саровский и датирует их соответственно VI—II вв. до н. э. и I в. до н. э. — IV в. н. э.: (Чиндина, 1984. С. 106). Орнаментированные фрагменты эпохи железа Березового Острова немногочисленны и фрагментарны, что затрудняет их типологическую и хронологическую привязку. Скорее всего, рассматриваемый комплекс нужно датировать в целом временем существования кулайской культуры. Так, один из фрагментов, орнаментированный горизонтальными рядами отпечатков гребенки и лунками (рис. 6, 9), находит ближайшие параллели в материалах жилища I Нововасьуганского поселения, которое датируется началом раннего железного века (Кирюшин, 1975. С. 46—47. Табл. 2, 9, 12), а отдельные фрагменты, орнаментированные ямками и отпечатками косо поставленной гребенки (рис. 6, 11), пожалуй, более близки керамике саровского типа (Чиндина, 1984, С. 44).

Несколько фрагментов (примерно от 4—5 сосудов) орнаментированы змейковидным штампом. Это слабопрофилированные горшки со слегка отогнутым наружу венчиком. Срез немного скошен наружу. Орнамент состоит из горизонтальных прямых линий и поясов елочки. По венчику идет ряд косо поставленных отпечатков змейки и пояс из ямок (рис. 6, 2—3). Змейковидный штамп — характерный элемент кулайской керамики (Чиндина, 1984. Табл. 5), однако форма сосудов и общая орнаментальная схема обнаруживают большую близость керамике белоярской культуры начала железного века из Сургутского Приобья (Чемякин, Кокшаров, 1984. Рис. 6). Очень близкий этой керамике сосуд был встречен нами при раскопках Кандрашкина поселения I (Мец, 1985. Рис. 44).

Интересен баночный сосуд большого объема (диаметр венчика около 40 см). Не исключено, что он имел ручки. Внешняя сторона сосуда покрыта нагаром. Орнамент нанесен лишь на верхнюю часть и состоит из четырех поясов наколов палочкой, расположенных в виде елочки (рис. 6, 1). Аналогии этому сосуду привести довольно затруднительно, хотя его внешний облик вызывает определенные ассоциации с керамикой раннего железного века из Томского Приобья (Плетнева, 1977. Рис. 8, 10, 11.).

Очень необычен еще один сосуд, также баночной формы, с диаметром венчика 22 см. Венчик прямой, срез орнамен-

тирован отпечатками косо поставленной гребенки. Орнамент, видимо, покрывал всю боковую поверхность. Он представлял собой прямые или волнистые линии, нанесенные гребенкой с очень широкими зубцами, отступающей техникой. В придонной части сосуда есть отпечатки гребенчатого штампа, аналогичные отпечаткам на венчике. Под венчиком есть также два ряда ямок (рис. 6, 10). Орнаментация этого сосуда чем-то напоминает самусьскую, но форма гребенчатого штампа и структура керамического теста (очень рыхлая, слоистая, с большой примесью песка) все-таки, видимо, свидетельствует о его более поздней, чем эпоха бронзы, датировке.

Наряду с керамикой эпохи раннего железа в рассматриваемом комплексе присутствует и керамика второй половины I тыс. н. э. Так, фрагмент венчика, горшковидного сосуда с печатногребенчатой орнаментацией (рис. 7, 2) имеет ближайшие аналогии в керамике городища Тух-Эмтор в верховьях Васюгана (Кирюшин, 1976. С. 25—27. Табл. X). Ю. Ф. Кирюшин соотносит ее с керамикой оронтурского этапа Нижнеобской культуры, который В. Н. Чернецов датирует VI—IX вв. н. э. (Чернецов, 1957. С. 185—213. Табл. XXVII, XIX).

Отметим также ручку керамического сосуда (рис. 7, 3). Аналогии ей нам не известны. По структуре теста может быть отнесена к комплексу эпохи железа.

Завершая характеристику керамических комплексов поселения Березовый Остров, обратим внимание на одну интересную деталь технологического характера. В изломах двух черепков отчетливо виден отпечаток витого шнура, который был скрыт внутри стенок и, видимо, выполнял армирующую функцию при формовке сосуда. Применение этой технологии известно в керамике Верхнего Приобья (Комарова, 1956. С. 96) и Нижнего Приишмья (Панфилов, 1989. С. 191), причем датировка в обоих случаях — неолитическая. Фрагменты с Березового Острова не орнаментированы, но структура теста также не исключает их раннюю датировку.

Небезынтересна и планиграфия залегания керамического материала Березового Острова. В южной части раскопа (работы 1986 года) энеолитическая керамика преобладает на всех горизонтах, а удельный вес остальных комплексов резко снижается по сравнению с показателями 1985 года (Мец, 1986. С. 16. Рис. 28). Изменяется в южном направлении и стратиграфия раскопа: слой темно-коричневой супеси, свя-

зывается с энеолитическим комплексом, вытесняет верхний слой (рис. 1). Л. Н. Приль, обследовавшая памятник в 1984 году при очень низкой воде, отмечает, что среди подъемного материала с обнажившегося дна озера энеолитическая керамика абсолютно преобладает. Напротив поселения Березовый Остров, на оконечности косы в юго-западной части озе-

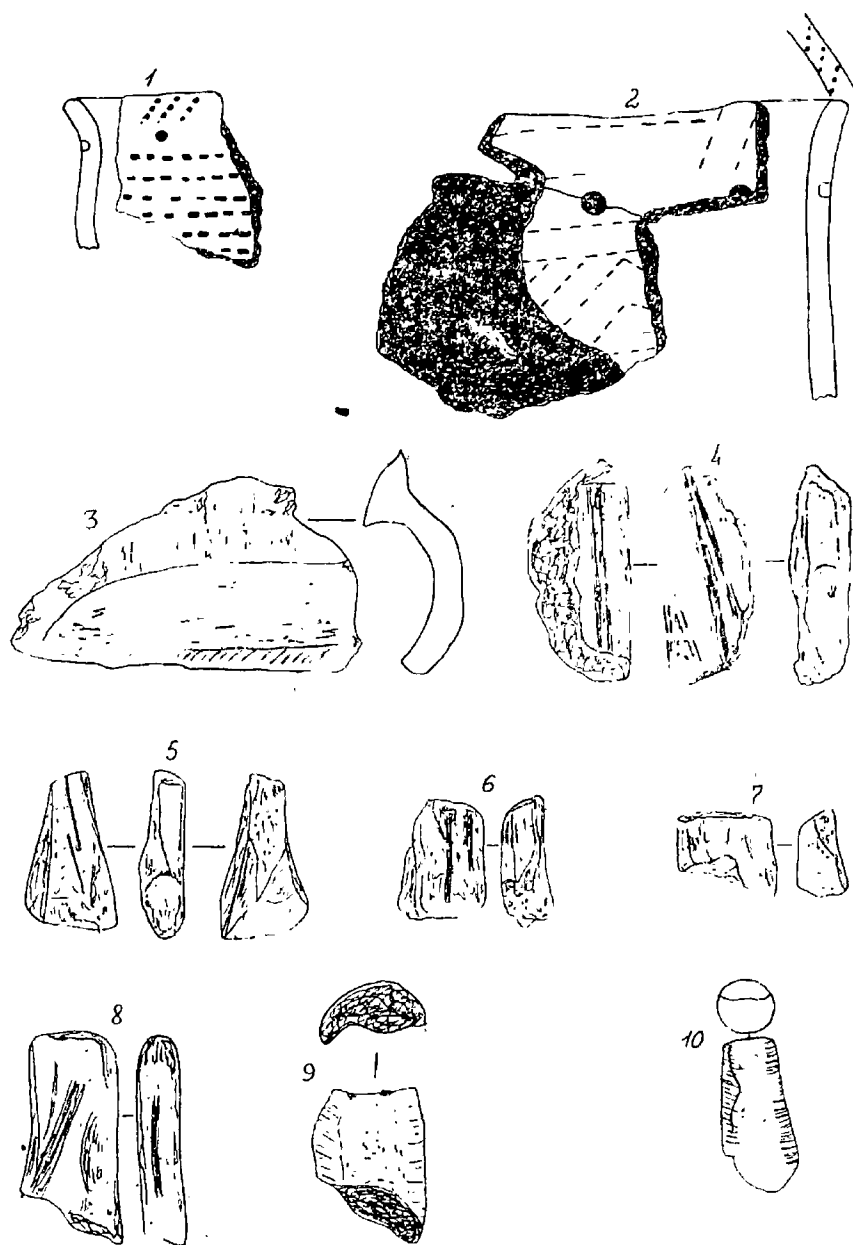

Рис. 7. Керамика эпохи железа (1—3) и керамические изделия

ра Среднее ею же было обнаружено местонахождение керамики игрековского типа. Культурный слой там зафиксирован не был, и Л. Н. Приль считает, что керамика местонахождения была вымыта из культурного слоя поселения Березовый Остров (Приль, 1985). Все это, по всей видимости, говорит о том, что основная часть площади, занятой поселением эпохи энеолита, располагалась южнее современного острова Березовый и к настоящему времени размыта водами озера Среднее.

Каменный инвентарь

3 наконечника стрел, 2 из них имеют подтреугольную форму, 1 представлен обломком (рис. 8, 1—3). Изготовлены из отщепов. Обработаны двусторонней отжимной ретушью. По-видимому, наиболее вероятно их принадлежность комплексу эпохи бронзы. Треугольные накопечники стрел преобладают

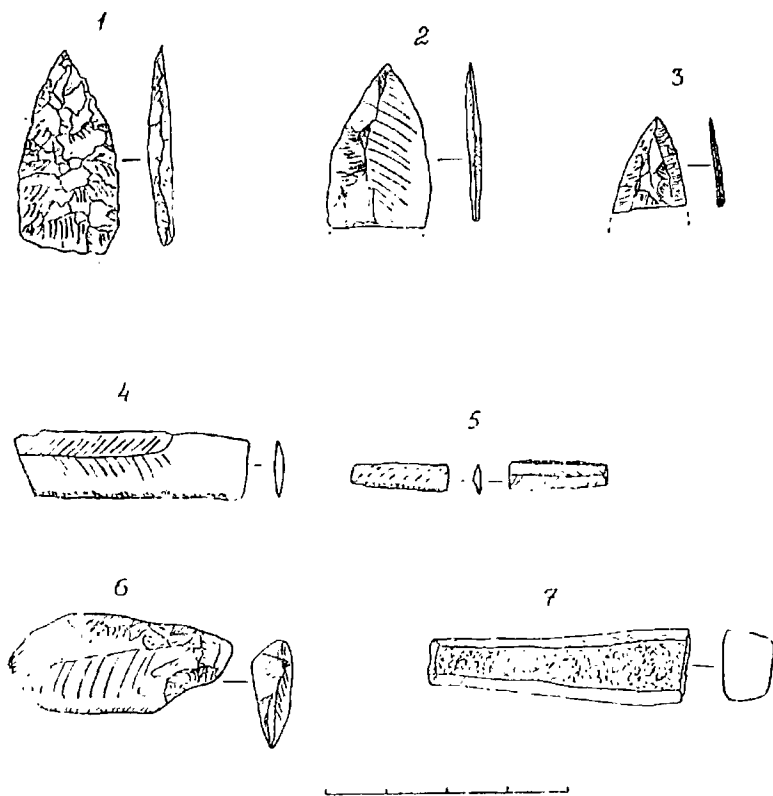

Рис. 8. Изделия из камня

в самусьском инвентаре (Косарев, 1981. С. 101). Они представлены в материалах еловского поселения (Косарев, 1981. Рис. 64) и Ростовкинского могильника (Матющенко, Синицына, 1988. Рис. 24). Аналогичные по форме нашим накопечникам выделяются в 1 тип для эпохи бронзы Барабы (Молодин, 1985. С. 40. Рис. 16). В то же время на памятниках новокусовского и игрековского типов среди наконечников преобладают удлиненные (листовидные и ланцетовидные) формы (Косарев, 1981. С. 65, 72).

2 ножевидные пластины. Большая из них (рис. 8, 4) имеет одно лезвие, с двух сторон подработанное мелкой ретушью. На одной из ее сторон — нетронутая галечниковая корка. Вторая имеет миниатюрные размеры (рис. 8, 5). У нее обработаны оба лезвия: одно со стороны спинки, другое со стороны брюшка. Односторонняя обработка лезвия — черта очень архаичная и, по мнению М. Ф. Косарева, более характерная для неолита, чем для эпохи металла (Косарев, 1973. С. 120).

Песчаниковый оселок, прямоугольный в сечении (рис. 8, 7). Наличие таких оселков М. Ф. Косарев считает диагностирующим признаком эпохи бронзы (1974. С. 49—50). В. И. Матющенко не принимает такую датировку этой категории изделий и считает их обычными абразивами времени неолита (Матющенко, 1973. С. 101—102). Его точку зрения поддержал А. И. Петров, указывающий на устойчивое соотношение каменных шлифованных изделий и оселков на неолитических памятниках Среднего Прииртышья и крайнюю малочисленность последних на памятниках с развитой бронзолитейной индустрией (Петров, 1987. С. 8—9).

Орудие со слегка изогнутым и подправленным шлифовкой рабочим краем, возможно, скребок (рис. 8, 6). Обнаружен при выборке III горизонта раскопа 1986 года, на который приходится пик находок энеолитической керамики (Мец, 1986. Рис. 28), поэтому его связь с этим комплексом наиболее вероятна.

Обнаружены также гальки со следами сколов, отщепы и обломки камня (на одном из них есть следы шлифовки)¹. Корреляция категорий инвентаря и пород камня приведена в табл. II².

¹ Трасологическое определение инженера кафедры дореволюционной отечественной истории Алтайского госуниверситета Н. Ю. Кунгуровой.

² Петрографические анализы сделаны доцентом геолого-географического факультета Томского университета В. А. Баженовым.

Керамические изделия

5 абразивов. Почти все представлены обломками. В сечении имеют в основном прямоугольную форму (рис. 7, 4—8). Судя по следам сработанности, могли служить для подправки мелких металлических изделий.

Обломок грузила цилиндрической формы (рис. 7, 9). Обнаружено еще несколько мелких изделий цилиндрической формы. Возможно они тоже принадлежали грузилам.

Обломок изделия со следами прикипания металла, возможно тигля.

Обломанное изделие в форме усеченного конуса (рис. 7, 10). Похоже на литейную шишку, хотя не исключено, что это также было грузило.

О наличии на каком-то этапе существования памятника металлургического производства говорят наличие в культурном слое кусков шлака, ошлакованной глины, а также находки трех металлических капель. В двух случаях это железо (основной компонент Fe, примеси Si, Mn, Mg), в третьем — оловянистая бронза (основные компоненты Cu и Sn, примеси Si, Ag, Fe, Bi, Al, Pb, Mn)³.

Помимо этого в культурном слое поселения встречены мелкие кусочки охры и довольно многочисленные мелкие фрагменты костей животных (птиц?), часто пережженные.

³ Эмиссионный спектральный анализ сделан доцентом кафедры аналитической химии Томского университета З. И. Отмаховой (Спектрограммы образцов металла см.: Мец, 1985. Рис. 20; 1986. Рис. 8).

С. А. ТЕРЕХИН

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ РАБОТЫ В ОБЛАСТИ ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ КУЛАЙЦЕВ

За последние десятилетия накоплен богатый археологический материал, относящийся к эпохе бронзы и раннему железу лесной полосы Западной Сибири. Значительная часть находок представлена медно-бронзовыми изделиями и отходами литейного производства. Однако, несмотря на обилие материалов, вопрос возникновения и развития цветной металлообработки на территории Западно-Сибирской равнины изучен весьма слабо. Недостаточное внимание уделяется и технологическим вопросам, хотя они имеют наиболее важное значение в изучении проблем древнейших производств.

Исходя из этого на базе Нарымской археологической экспедиции Томского госуниверситета была проведена серия экспериментальных работ в области цветной металлообработки западносибирских лесных культур эпохи раннего железа и, в частности, наиболее металлоемкой из них — кулайской.

Цель работ — практическое моделирование процесса производства знаменитых кулайских плоских культовых изделий. Выбор столь конкретного объекта исследования был обусловлен имеющимся дисбалансом между большим количеством плоских культовых изделий и полным отсутствием форм или их фрагментов для изготовления последних.

Кроме этого стояла задача проследить особенности процесса производства медно-бронзовых изделий с учетом плавки металла в открытом горне, оборудованном в жилище кулайского типа, размер которого не превышал 5×5 м.

Экспериментальные работы 1985—1989 гг. (Чиндина, 1985; Терехин, 1987, 1989) проводились по двум основным направлениям.

1. Подготовительные работы: выжиг угля; производство форм, тиглей, сопел для меха; реконструкция кулайского жилища и оборудование в нем горна открытого типа.

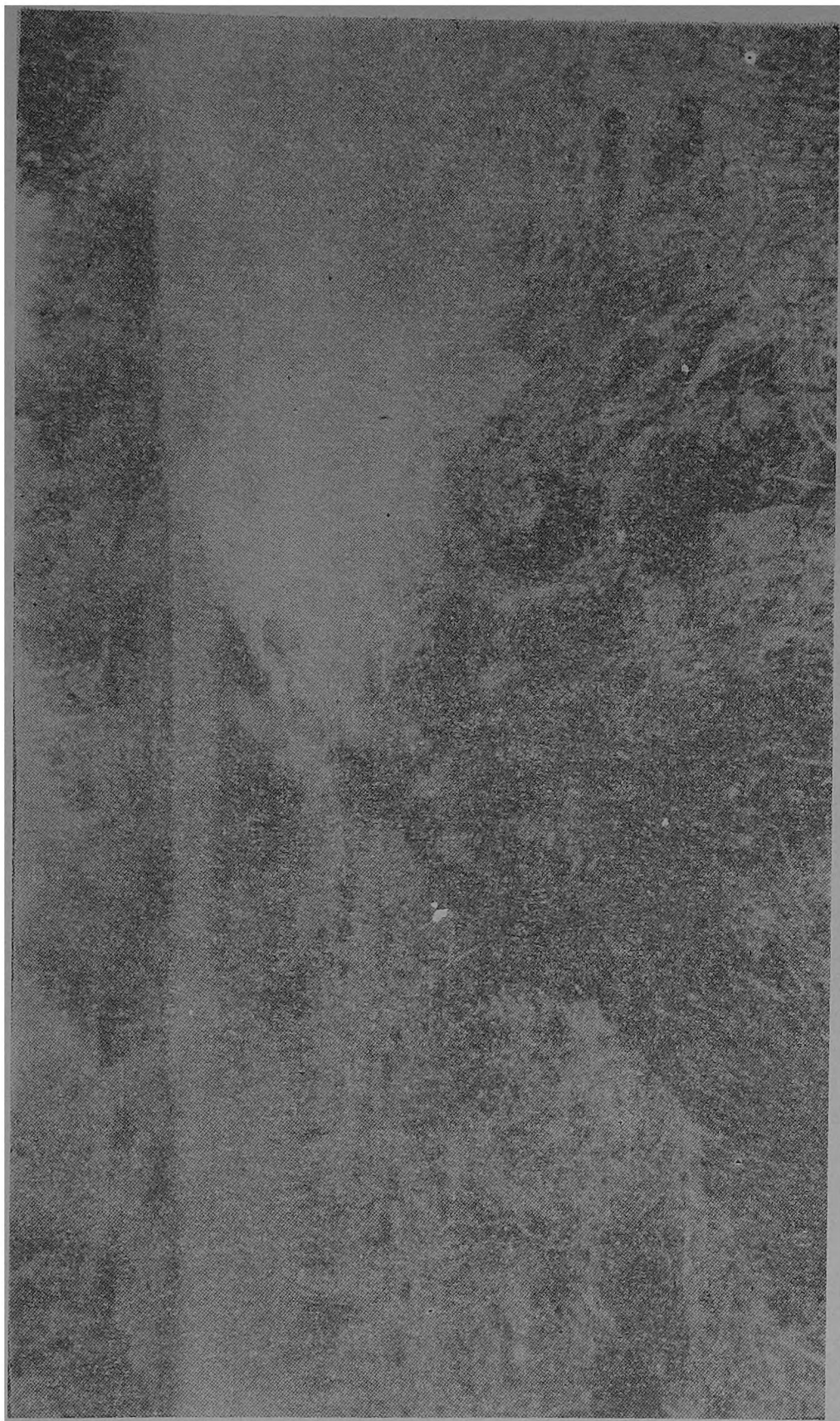

Рис. 1. Выжиг угля

2. Непосредственная плавка металла и заливка его в формы.

Технология выжига угля нами была отработана в ходе экспериментальных работ на Иткульском I городище в 1986 г. (Агапов и др., 1989. С. 100) и сложностей не вызвала. Всего было заложено 4 угольные ямы. Выжиг производился в ямах подквадратной формы со стороной 1,1—1,2 м, глубиной 1—1,1 м. В каждую из ям было загружено около 1 куб. м дров, 15—20% которых закладывалось в сыром виде. Часть дров была наколота, другая загружалась в яму некрупными бревнами длиной до 1 м. Дрова укладывались в яму вертикальными ярусами, что способствовало лучшей циркуляции воздуха в яме. Высота укладки во всех случаях составляла 1,8—2 м со дна ямы. После этого яма плотно перекрывалась кусками дерна, который накладывался непосредственно на дрова. В нижней части кладки оставлялось два запальных отверстия, в верхней — отверстие для выхода дыма. Дрова поджигались одновременно с двух сторон. После полного их загорания (через 20—35 мин.) отверстия плотно забутовывались дерном. На протяжении последующих 6—8 сут дерновая куча дымилась (рис. 1). Выборка угля производилась после прекращения дымовыделения. Выход угля составил 35—40 кг в каждом случае. Качество высокое. Размеры отдельных фракций достигали 10×15 см.

Необходимо отметить, что процесс выжига требует постоянного контроля, в противном случае в результате проседания отдельных кусков дерна начинается быстрое горение сырья, что приводит к интенсивному золообразованию.

Экспериментальная постройка представляла собой каркасно-шатровое жилище, реконструированное по материалам раскопок Л. А. Чиндиной (Чиндина, 1984. С. 17—18). Размер заглубленного на 50 см котлована 4,5×4,5 м. Высота строения 2,2 м. Размер дымового отверстия в крыше 0,4×0,4 м. Каркас жилища состоял из четырех вкопанных в пол на 20 см столбов и лежащих на них поперечных и продольных лаг. Стены образовали поставленные наклонно жерди, крышу — жерди, лежащие горизонтально. Нижняя часть стенок была присыпана землей (рис. 2).

В средней части пола жилища был сооружен очаг-горн диаметром 60 см, глубиной 15—20 см. Очажный метод плавления, как отмечают М. П. Грязнов (1956. С. 91) и Л. А. Чиндина (1984. С. 11), применялся лесными и лесостепными народами с ранних этапов металлообработки и до начала

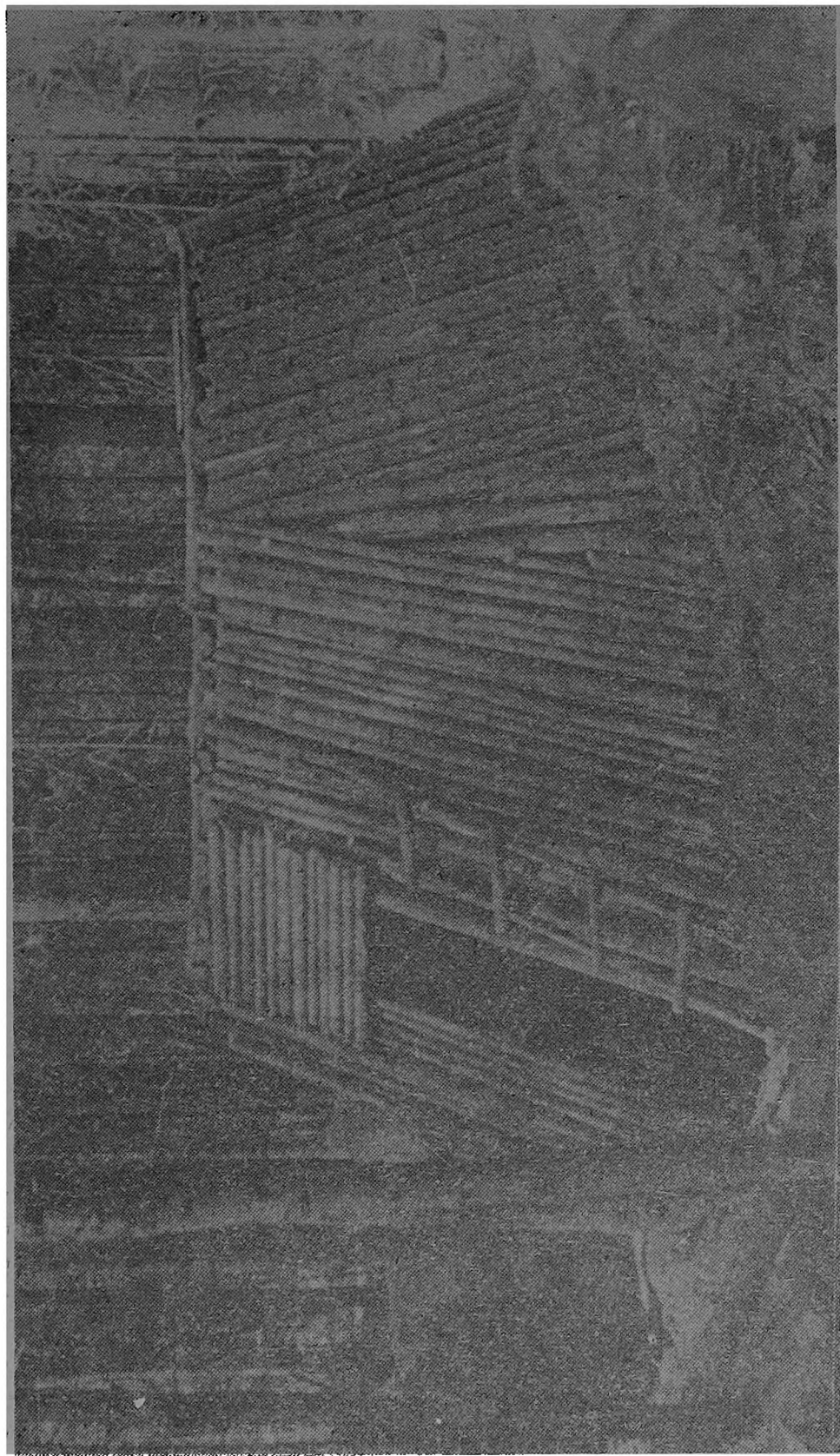

рис. 2. Экспериментальная постройка кулайского жилища

обработки железа, металлургия которого требует более сложных теплотехнических сооружений. Реконструированный горн представлял собой блюдцеобразное углубление в подквадратной песчаной подушке, высота стенки которой составляла 5—6 см. Подача воздуха в горн осуществлялась через глиняное сопло двухкамерным ручным мехом постоянного дутья. Диаметр выходного отверстия сопла 3,5 см, длина 33 см. Максимальная интенсивность дутья могла доводиться до 1 куб. м в минуту и не требовала больших физических затрат.

Планировалось произвести отливку хозяйственных и культовых изделий. Для этого были изготовлены три формы для отливки кельтов и две — для наконечников стрел. Фрагменты подобных форм обнаружены на нескольких памятниках кулайской культуры (Поселение Тух-Сигат VI, Кижировское, Нововасюганское. Чиндина, 1984. Рис. 10, 8; 12, 2; 13, 4). Для производства экспериментальных форм была использована речная белая глина. Отощителем стал песок. Органической примесью послужила трава. Сложности возникли при изготовлении форм для отливки плоских культовых изделий. Археологическая информация о них отсутствовала полностью. Разработать экспериментальный состав формовочной смеси помогло сообщение И. В. Малахова, путешествовавшего по Сибири в XIX в. Он писал, «что формы для отливки идолов... изготавливаются самими дикарями из песка и камня» (Малахов, 1887. С. 20). Оставалось найти материал, связывающий фракции песка в неспекающуюся формовочную смесь. Таким связующим материалом послужил речной или озерный ил. Третьим компонентом была вода. Таким образом, экспериментальная формовочная смесь состояла из основы — речного песка, илистой составляющей — 15—30% и воды — 15—18%. Формовка производилась в односторонней форме закрытого типа. Способ формовки — безмодельный. Негатив изделия вырезался в основном кирпиче сырой формы, после чего в крышке и в основной части формы с торцевой стороны прорезалось литниковое отверстие. Затем створки связывались и ставились вертикально. С торца производилась заливка металла в форму. Всего было изготовлено 4 формы. Обжига илисто-песчанистые формы не требовали. Достаточно было просушить их около костра в течение 4—5 часов, сведя количество влаги в смеси примерно до 2%.

Тигли для плавки металла изготавливались из глины с примесью песка, травы и толченой керамики. Формой и объемом они повторяли известные археологические образцы (рис. 3).

После двухдневной просушки тигли и глиняные формы обжигались сначала в костре, затем в экспериментальном горне. Опыты показали, что сушить глиняные изделия необходимо в тени, так как на солнце они коробятся, а их поверхность покрывается множеством мелких трещин, что делает форму или тигель непригодными к эксплуатации.

Для плавки были взяты слитки металлургически «чистой» меди. Одна загрузка тигля составила 850—900 г. Тигель был установлен на камень, лежащий в средней части горна, в 5 см от конца сопла. Затем в горн был загружен уголь — 8—12 кг. В течение 5—7 мин горн разогревался, а через 15—18 мин интенсивного дутья слитки меди расплавились. Вынуть тигель из горна щипцами и вылить металл в стоящую рядом форму не составляло труда (рис. 4).

В процессе эксплуатации горна температурные параметры в разных его местах не замерялись, но визуально можно было определить, что наибольшая температура концентрировалась в месте выхода в угольную массу воздуха из сопла и определенно достигала более 1100°C (температура плавления меди 1083°C). Пламя здесь было почти бездымным. Небольшая теплоотдача горна позволяла находиться рядом и контролировать процесс плавки. При этом пожароопасность работающего горна была не большей, чем от зажженного в очаге костра. Температура воздуха у стен в жилище не превышала 30°C. На одну плавку было израсходовано около половины объема первоначально засыпанного угля, что составило около 4—6 кг. Часть угля, особенно у стенок, не перегорела вовсе. Всего в ходе экспериментальных работ было осуществлено 10 плавов, 3 из них из-за прогорания тиглей окончились неудачей. Металл вылился в горн. В остальных случаях металл был залит в глиняную или илисто-песчанистую форму. При изъятии отливки из глиняной формы последняя в большинстве случаев частично разрушалась. Все илисто-песчанистые формы залились нормально. Спекания смеси не произошло. Поверхность плоских изделий, отлитых в таких формах, близко напоминает поверхность оригиналов. Не спекающийся состав формы подвержен быстрому размыванию на первоисходные компоненты — ил и

Рис. 3. Экспериментальные формы и тигель

песок, что, вероятно, и явилось причиной отсутствия таких форм или их деталей среди археологических находок.

Подводя итоги экспериментальных работ, необходимо отметить следующее.

1. Плавка металла производилась в открытом горне, оборудованном в жилище. При отсутствии необходимости

Рис. 4. Экспериментальный горн

плавки горн служил очагом. О высокой пожароопасности работающего горна говорить не приходится. Она не больше, чем от функционирования обычного очага.

2. Наиболее вероятным материалом для формовки плоских культовых изделий кулайцев является илесто-песчаная смесь. Компоненты для ее изготовления распространены повсеместно. Обжига высушенная форма не требует.

3. Относительная простота процесса позволяла заниматься отливкой медно-бронзовых изделий почти в каждом жилище в рамках замкнутого хозяйства, что говорит об отсутствии специализации литейного дела в ранне-кулайском обществе. Этот вывод подтверждается наличием отходов литейного производства в очагах почти каждого археологически исследованного кулайского жилища.

КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ ГРИШКИНО I

Поселение Гришкино I расположено в Колпашевском районе Томской области, в 45 км от с. Инкино, вверх по левому притоку Оби — р. Шудельке и Малгетскому истоку в юго-западном направлении на южном берегу Гришкинского озера, в местечке, известном еще под названием Смоляные бугры.

Местность заболоченная, с невысокими гривами, поросшими смешанным и сосновым лесом, сложенная осадочными породами, состоящими из пластов песка, суглинков, глин. Поселение занимало одну из таких грив. Незначительные уклоны поверхности обеспечивают равнинный характер течения рек с многочисленными излучинами, старицами, озерами и длительным половодьем.

Памятник был открыт В. Е. Добычиным в 1961 г. Им были раскопаны две жилищные западины общей площадью 60 кв. м. Материалы раскопок хранятся в Колпашевском краеведческом музее Томской области. В 1973 г. Л. А. Чиндиной (1973а) была раскопана жилищная западина и заложена рекогносцировочная траншея на северо-западной окраине памятника. Всего вскрыто 154 кв. м площади.

Поселение состоит из 58 западин, овальной, подпрямоугольной конфигурации с размерами от 3×3 м до 6×17 м. Западины вытянуты полудугой по кромке леса и делятся на четыре группы. В центре поселения западины расположены беспорядочно. Вокруг более крупных западин концентрируются западины поменьше. Часть западин имеет присыпку по краям. Площадь памятника около 28300 кв. м. Сохранность — удовлетворительная (Ожередов, 1980. С. 5).

Л. А. Чиндиной раскопана западина, расположенная на юго-западной окраине памятника, размерами 7×8 м и глубиной 0,5—0,6 м.

Котлован имел подчетырехугольную форму с округлыми углами глубиной от 0,6 до 0,3 м с размерами 7,2×5,2 м. В юго-западном углу небольшое кострище (0,7×0,7 м). В центре зафиксировано пятно слабопрокаленного песка и угля. Выход был в северной стороне шириной 1,2—1,3 м. Находки располагались по всему жилищу и состояли из скоплений керамики, шлаков, костей. Культурный слой, состоящий из серого песка, вне жилища имел мощность 15—20 см, в жилище — 30—80 см. Пол жилища состоял из темного, местами углистого песка. В заложенной на мысу траншее стабильной мощности культурного слоя не наблюдалось. Были обнаружены фрагменты керамики (рис. 1), голубая пугови-

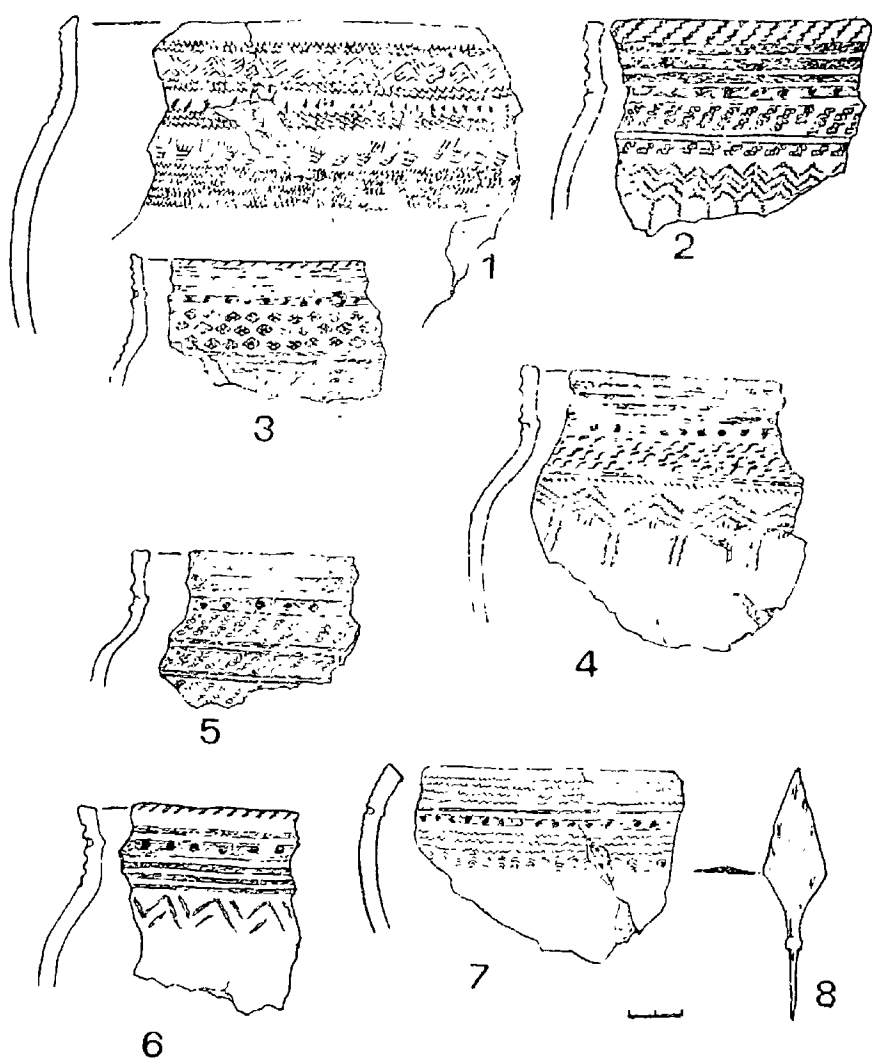

Рис. 1. Керамика с поселения Гришкино 1

ца и ромбический черешковый трехгранный в сечении наконечник стрелы (Чиндина, 1973а. С. 15—17). Обнаруженная керамика на обоих объектах одновременна, датирована Л. А. Чиндиной серединой 1 тыс. н. э. и отнесена к малгетско-релкинскому типу (Чиндина, 1970. С. 248; 1973б. С. 167). Материалы раскопок хранятся в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета.

Автор данной статьи попытался рассмотреть обнаруженную керамику с применением элементов системного анализа и общей теории систем (Перегудов, Тарасенко, 1989. С. 137; Урманцев, 1988а. С. 38—130; 1988б. 79с).

Керамика представляется как объект — система, существующая в виде отражения определенной, характерной для конкретной исторической эпохи технологии керамического производства, состоящей из подсистем и элементов:

I. Технологии сырья, разделяющейся на: а) состав сырья, б) способ приготовления сырья, в) цель формирования конкретного состава сырья.

II. Формовки сосудов, состоящей из: а) способов формовки, б) цели формирования конкретной формы сосуда.

III. Орнаментации и обработки поверхностей: а) элементов орнамента, б) мотивов орнамента, в) способов нанесения орнамента, г) цели нанесения орнамента, д) сырья для обмазки, е) способов нанесения обмазки, ж) способов обработки поверхности, з) цели нанесения обмазки и обработки поверхности.

IV. Сушки: а) способов сушки, б) времени сушки, в) цели сушки сосудов.

V. Обжига: а) устройства для обжига, б) топлива для обжига, в) времени обжига, г) цели обжига.

Все это характеризует конкретного мастера или группу мастеров с разнообразных сторон деятельности. Это идеальная система технологии керамического производства (возможны изменения и дополнения). Для нас она осложняется системой факторов, не позволяющих раскрыть ее содержание по всем пунктам: 1) изменением свойств керамики в почвах, 2) нарушением целостности сосудов, 3) отличием технологии и мировоззрения людей разных эпох.

Из этого следуют задачи, встающие перед исследователями при изучении керамики.

1. Отделить результаты воздействия факторов, не входящих в систему конкретной исторической эпохи.

2. Исключить субъективность при отборе информативных признаков включением в анализ максимального количества объективных признаков.

3. Учесть, что не все в человеческой деятельности носит осознанный характер, многое совершается на уровне подсознания, но тем не менее несет информацию о человеке.

4. Сравнить элементы и подсистемы (признаки), составляющие технологию керамического производства между собой, что позволит наиболее полно осветить данное производство, выявить уровень информативности признаков, определить сходства и различия керамического производства во времени и пространстве.

Из сказанного вытекает объем взятых для анализа признаков, который упрощен уровнем развития доступной для автора материальной базы и спецификой конкретного археологического источника.

1. Мотивы орнамента.

2. Профиль венчика.

3. Состав сырья, на уровне наличия или отсутствия примесей.

4, 5. Технология наружной и внутренней обработки поверхностей, состоящих из цвета поверхности черепка, наличие-отсутствие обмазки, ее толщина и цвет.

6. Толщина черепка.

7. Цвет свежего излома черепка.

Отбор перечисленных признаков частично навеян программой обработки керамики, предложенной В. Ф. Генингом (1973. С. 117).

Выборка полученной из западины керамики составила 120 орнаментированных фрагментов и 170 не орнаментированных. После описания фрагментов по изложенным признакам полученная информация помещалась в матрицу. Взаимовстречаемость рассчитывалась по пронумерованным признакам, по критерию X^2 и коэффициенту сопряженности Q (Федоров-Давыдов, 1987. С. 95—98).

Приводим некоторые итоги, полученные из матрицы.

Мотивы орнамента (О)* (данные по распространенным мотивам).

1. Горизонтальный желобок с круглыми ямками — 62 фр. (51,4%).

* О, Ф, ТС, ТН, ТВ, ТЛ, ЦВ — формализованные индексы групп признаков.

2. Горизонтальный желобок — 55 фр. (45,6%).
3. Горизонтальный ряд из штампа уточка—12 фр. (9,6%).
4. Горизонтальный ряд из штампа гребенчатая уточка — 22 фр. (18,26%).
5. Змейка — 9 фр. (7,4%).
6. Вертикальная гребенка — 19 фр. (15,77%).
7. Горизонтальный ряд из штампа пильчатая гребенка— 36 фр. (29%).
8. Горизонтальный ряд из вертикальных отпечатков штампа пильчатая гребенка — 10 фр. (8,3%).

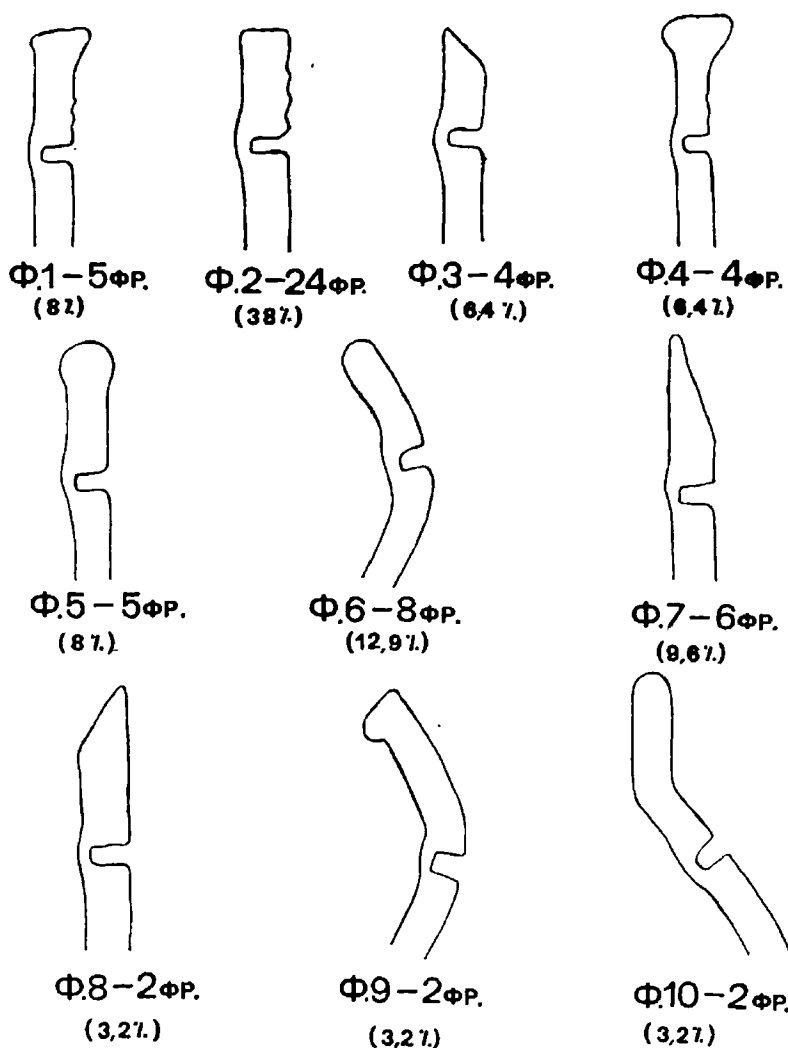

Рис. 2. Профили венчиков керамики с поселения Гришкино I

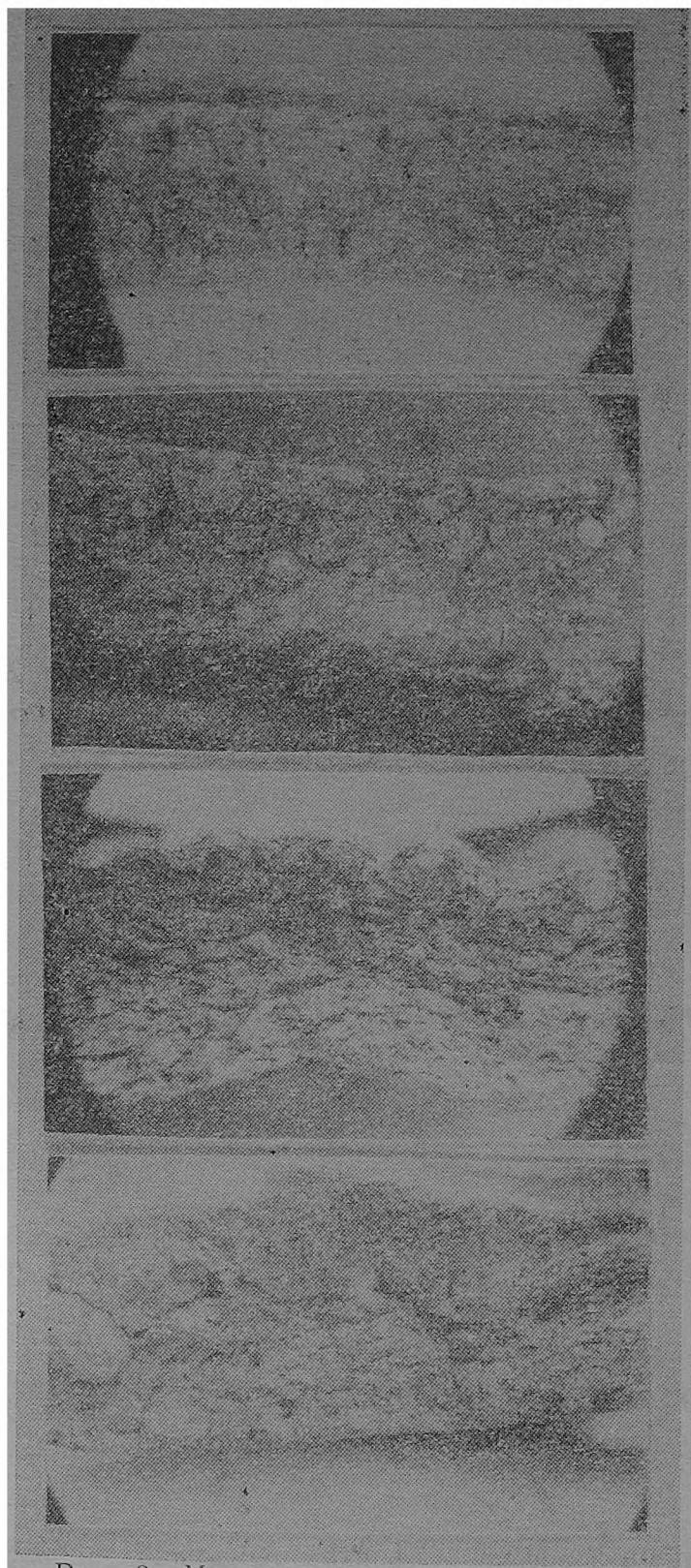

Рис. 3. Микрофотографии основных составов сырья керамики с поселения Гришкино 1

9. Горизонтальный ряд из елочного штампа — 16 фр. (13,28%).

10. Горизонтальный ряд из треугольного штампа — 14 фр. (11,6%).

Проценты — от общего количества орнаментированной керамики.

Профиль венчика (рис. 2) (Ф.). Всего было зафиксировано 62 венчика, из них 10 от чашевидных сосудов (рис. 2, 6, 9), остальные 52 — от горшков. Венчики от горшков были разделены на 8 групп. Основная группа венчиков включала в себя 24 единицы. Остальные группы представляли различные модификации от основной. Проценты на рис. 2 даны от количества венчиков.

Состав сырья (ТС.) (рис. 3) (вторая пара чисел — данные по неорнаментированной керамике). Состав сырья определялся с помощью 7 лупы и микроскопа МБС-9. Зафиксировано 15 составов сырья орнаментированной и 18 составов неорнаментированной керамики:

1. Глина+песок—33 фр. (27,39%),—40 фр. (23,52%).

2. Глина+песок+шамот—26 фр. (21,58%),—33 фр. (19,4%).

3. Глина+песок+дресва (крупнозернистый песок) — 10 фр. (8,3%),—23 фр. (13,53%).

4. Глина+шамот—12 фр. (9,96%),—14 фр. (8,23%).

Остальные группы в дальнейший анализ не включались ввиду малого процента встречаемости и большого объема расчетов.

Глина+дресва—8 фр. (6,64%),—9 фр. (5,29%).

Глина+шамот+дресва—8 фр. (6,64%),—10 фр. (5,88%).

Глина+дресва+шамот+органика—4 фр. (3,31%) — 1 фр. (0,58%).

Глина+дресва+органика—3 фр. (2,49%),—3 фр. (1,76%).

Глина+песок+органика—2 фр. (1,66%),— 7 фр. (4,11%)

и т. д.

Технология наружной обработки поверхности (ТН)

1. Без обмазки наружной поверхности зафиксировано 61 фр. (50,63%) — 69 фр. (44,2%).

2. С красной обмазкой—24 фр. (19,92%),—31 фр. (19,87%).

3. С желтой обмазкой — 33 фр. (27,39%),—46 фр. (29,48%).

У керамики без обмазки были зафиксированы следующие цвета:

4. Черный—34 фр. (28,22%),—31 фр. (19,87%). Серый—8 фр. (6,64%),—33 фр. (21,15%).
5. Желтый — 16 фр. (13,28%),—19 фр. (12,17%). Красный—4 фр. (3,32%),—7 фр. (4,48%). Коричневый—5 фр. (4,15%),—6 фр. (3,84%).

Нагар был зафиксирован на 11 фр. (9,13%),—13 фр. (8,33%).

Для дальнейшего сравнения количественный признак — толщина обмазки — был преобразован в качественный, в связи с чем были выделены три условные группы:

6. От 1,5 мм до $+\infty$ —24 фр. (19,92%, 40,5%),—15 фр. (9,6%, 18,30%).
7. От 1 мм до 1,49 мм — 18 фр. (14,94%, 30,6%) — 37 фр. (23,7%, 45,14%).
8. От $-\infty$ до 0,99 мм — 12 фр. (9,96%, 20,4%), — 30 фр. (19,2%, 36,6%).

Первый процентный указатель от суммы фрагментов, имеющих наружную поверхность, второй—от суммы фрагментов, имеющих обмазку.

Технология внутренней обработки поверхности (ТВ)

1. Без обмазки зафиксировано 96 фр. (81,98%),—142 фр. (89,17%). С красной обмазкой — 5 фр. (4,27%), — 2 фр. (1,25%), с желтой обмазкой — 12 фр. (10,24%), — 11 фр. (6,9%).
2. Черный — 41 фр. (35%),—36 фр. (35,16%).
3. Серый — 30 фр. (25,62%),—61 фр. (38,3%).
4. Желтый — 17 фр. (14,52%),—17 фр. (10,67%).
5. Красный — 5 фр. (4,27%),—2 фр. (1,25%).
6. Коричневый — 7 фр. (5,97%),—8 фр. (5,0%).

Нагар был отмечен на 10 фр. (8,59%),—(10,67%) керамики.

Толщина обмазки по трем условным группам:

1. От 1,5 мм до $+\infty$ — 2 фр. (1,7%, 11,6%),—0 фр.
2. От 1 мм до 1,49 мм — 10 фр. (8,54%, 58%),—5 фр. (3,14%, 27,5%).
3. От $-\infty$ до 0,99 мм — 5 фр. (4,27%, 29%),—13 фр. (8,16%, 71,5%).

Толщина черепка (ТЛ). Введением трех условных групп преобразуем количественный признак в качественный:

1. От 8 мм до $+\infty$ — 28 фр. (24,13%), — 6 фр. (4,14%).
 2. От 5 мм до 7,9 мм — 66 фр. (56,89%), — 91 фр. (62,79%).
 3. От 2 мм до 4,9 мм — 22 фр. (18,96%), — 48 фр. (33,12%).
- (Проценты от количества фрагментов с зафиксированной толщиной).

Цвет свежего излома черепка (ЦВ). Преобладающий цвет черепка 2 черный — 91 фр. (75,53%), — 152 фр. (77,61%).

Кроме него отмечены следующие цвета:

- 1 темно-серый — 13 фр. (10,79%), — 7 фр. (4,11%).
серый — 8 фр. (6,64%), — 37 фр. (21,75%).
красный — 7 фр. (5,82%), — 4 фр. (2,35%).
желтый — 8 фр. (6,64%), — 8 фр. (4,7%).
коричневый — 11 фр. (9,13%), — 18 фр. (10,58%).

Сравнение данных по орнаментированной и неорнаментированной керамике показывает определенную субъективность методов сбора информации по некоторым признакам, с одной стороны, но и, с другой стороны, подтверждает, что полученные цифры не случайны.

После расчета взаимовстречаемости признаков был построен граф статистически закономерных связей между признаками (рис. 4). Он демонстрирует две группы керамики, выделенные по орнаменту, форме, составу сырья, технологии наружной и внутренней обработки поверхностей, толщине и цвету свежего излома черепка.

Технологические признаки в графе представлены слабо.

1-я группа. Сосуды орнаментированные: желобком с ямками, желобком, уточкой, простой и гребенчатой, змейкой, вертикальными отрезками гребенки, имеющие черный цвет наружной и внутренней поверхностей черепка без обмазки, крупной (8—9 мм) толщины с преобладающим составом сырья глина + песок, с прямым срезом венчика.

2-я группа. Сосуды, орнаментированные горизонтальными рядами пильчатой гребенки и треугольным штампом, с серым цветом внутренней поверхности черепка без обмазки. Технологические признаки в большинстве случаев одинаково распределены между группами, как, впрочем, и многие орнаментальные мотивы.

В 1-й группе типобразующими признаками выступают профиль венчика, орнамент и толщина черепка. Во 2-й группе типобразующим признаком является гребенчатый орнамент.

Таким образом, мастера поселения Гришкино I, изготавливая керамику, не ставили в зависимость технику обработки

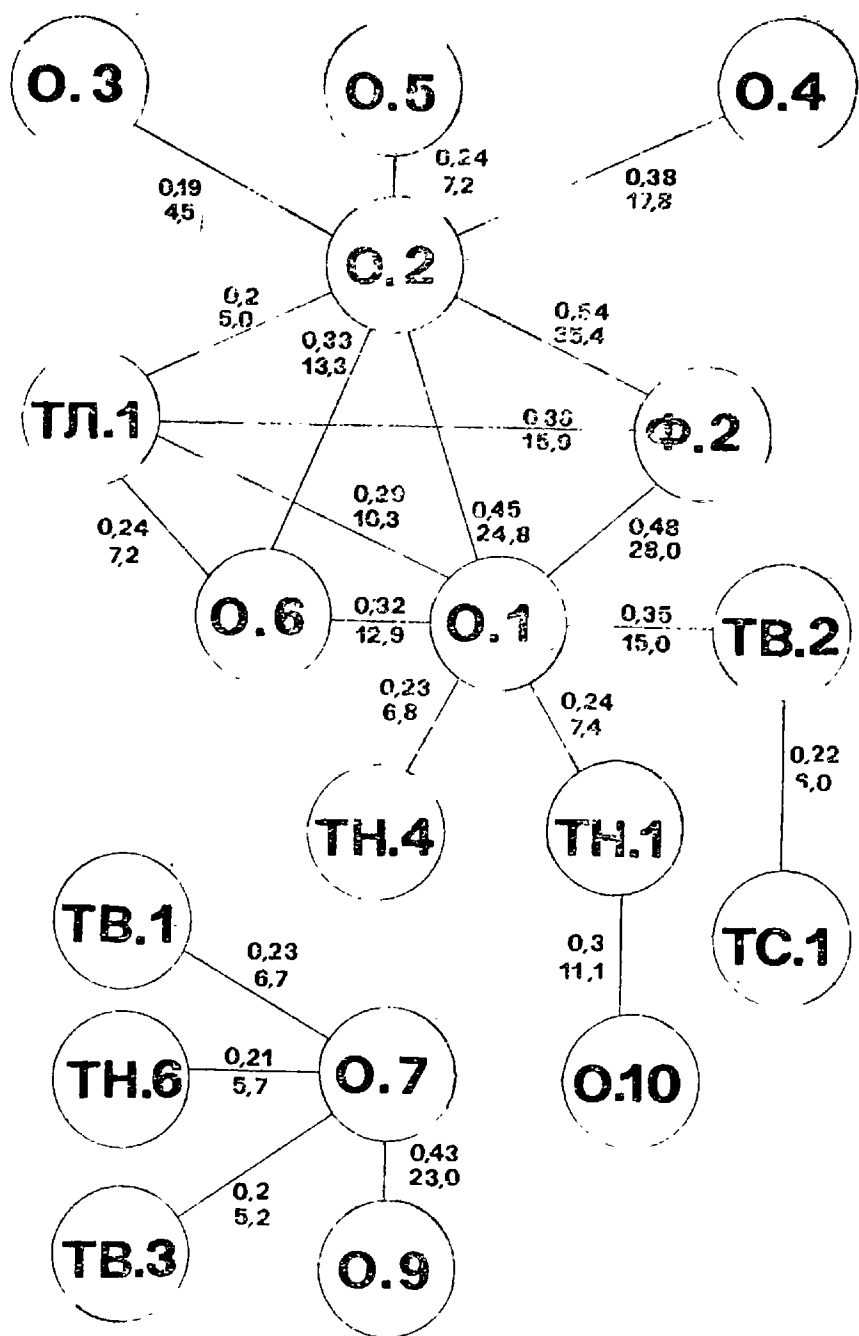

Рис. 4. Граф статистически закономерных связей признаков керамики с поселения Гришкино I

поверхностей, толщину венчика, состав теста с орнаментом и профилем венчика. Это позволяет сделать вывод о значительном внимании изготовителя к орнаменту и профилю венчика. Остальные признаки входят в более объемную и более размытую систему взглядов, допускающую существование разных вариантов формирования состава теста, обработки поверхности и т. д. Часть признаков формировалась на уровне неосознанных действий. Это говорит об отсутствии специализации посуды на уровне технологии сырья, обработки поверхностей или о поиске оптимальных рецептов формирования состава сырья и обработки поверхности.

Явное преобладание фрагментов, имеющих черный цвет излома черепка, позволяет поставить вопрос о существовании устройств с восстановительным обжигом керамики (Кверфельд, 1947. С. 18; Августинник, 1956. С. 152).

Применение ЭВМ позволит включать в анализ значительно большие серии керамики и другие виды археологических источников, а также расширить круг используемых при анализе признаков.

Проведение работ по всему комплексу имеющихся археологических источников помогает выявить значительное количество подробной информации как в территориальном срезе, так и во временном. Полученные числовые выражения уточняют особенности взаимоотношений культур, локальные варианты и датировки конкретных памятников. Это позволит выявить более объективные типы источников, основанные на системном и комплексном подходах, а также выделить реальные информативные признаки.

З. М. ГАБДРАХМАНОВА, Л. А. ЧИНДИНА

ПОСЕЛЕНИЕ ТУРБАБИНО I

Поселение Турбабино I (шифр ТУР-I) находится в Колпашевском районе Томской области, на территории Инкинского сельсовета, в 7 км к юго-западу от с. Инкино, на левом берегу р. Шудельки, в местечке, известном как Турбабинская заимка. Здесь находятся многочисленные, густо поросшие сосной песчаные острова-гряды, представляющие собой передние дюны древней береговой террасы р. Оби, пересекающие край в широтном направлении (Земцов, 1976, С. 108, 150—154, 216, 245—256; Ильин, 1930. С. 58, 75, 102, 104, 115, 193). На двух таких грядах, окруженных с севера рямом (кочковатое сосново-сфагновое болото), а с юга — согрой (кочковатое осоковое болото грунтового питания в речной долине), известных как Большое Инкинское болото (Ильин, 1930. С. 68, 86, 91, 195), и расположен памятник (рис. 1).

Поселение ТУР-I было открыто в 1978 г. Л. А. Чиндиной (1978). В 1979—1980 гг. на памятнике раскопано 5 западин и межжилищное пространство общей площадью 450 кв. м. (Чиндина, 1979; 1980; 1980а. С 241). Коллекция хранится в фондах МАЭС ТГУ (№ 7353).

На памятнике 13 овальных и круглых западин, рассредоточенных на грядах двумя группами — северной и южной. Исследовались обе группы.

Объект 2 (рис. 2) находился в северной группе западин. Визуально просматривался эллипсоидной западиной (7,5×5,0 м).

Прямоугольный котлован появился на глубине 46,8 см от уровня современной дневной поверхности. Вытянут по линии ЮЗ-СВ, размеры 8,0×5,2 м, глубина 70—80 см. Углублялся в материк на 23 см.

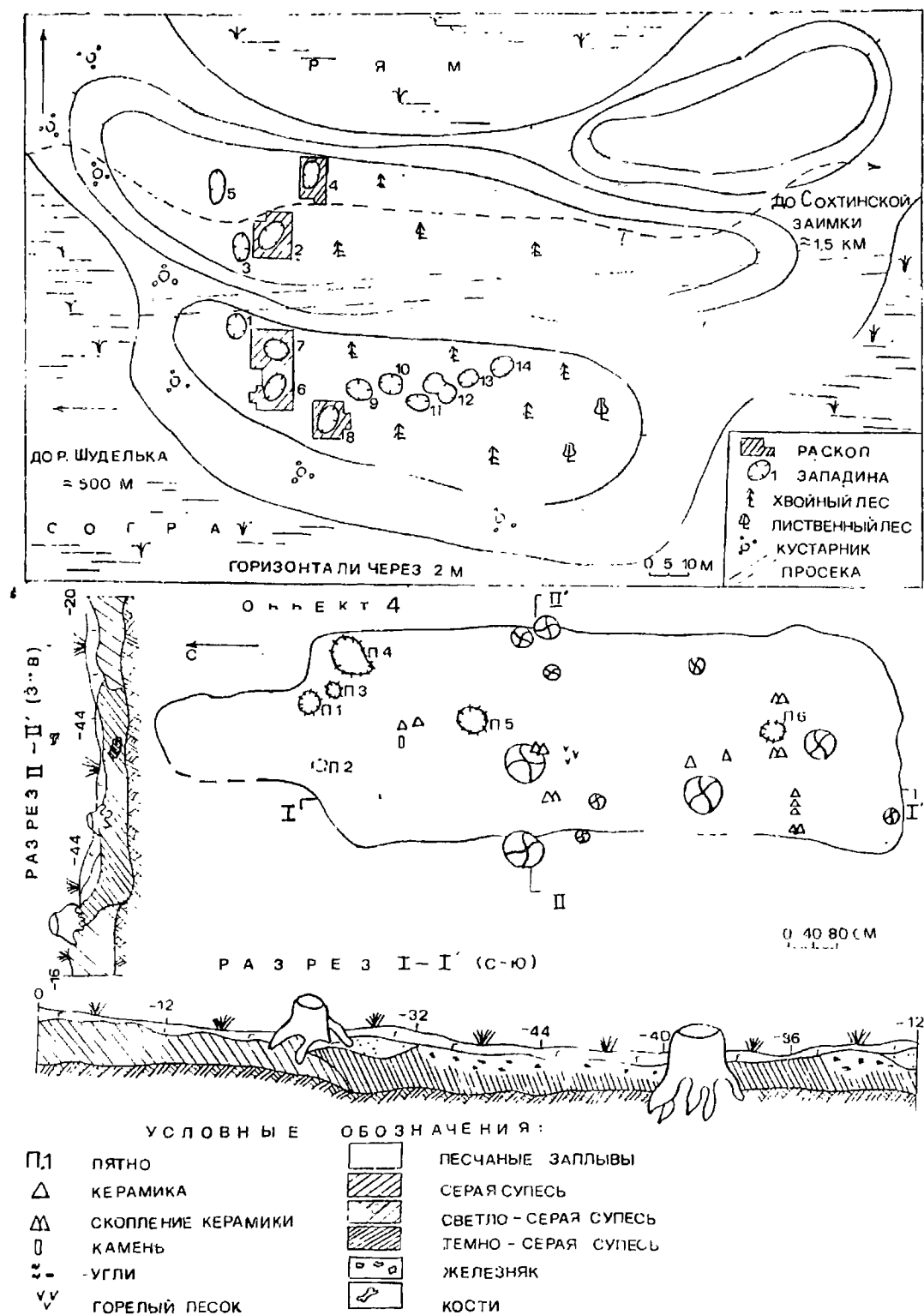

Рис. 1. Общий план поселения Турбабино I. План и разрезы объекта 4

В северо-восточной торцовой стене находился стационарный нишеобразный выход грушевидной формы, размеры $1,0 \times 0,95$ м. Приподнимался над полом невысокой ступенькой (8—10 см).

Пол прослеживался тонким (1,5—2 см) серым слоем, около стен — черный углистый. Вдоль юго-западной стенки лежали остатки головешек.

Очаг находился в центре. Правильных контуров не прослеживалось. По сохранившейся части его размеры $2,2 \times 1,2$ м. Структура очага: бурая гумусированная супесь с забросками кальцинированных костей, прокал. На дне очага, в западной части, сохранились остатки глиняной обмазки.

В очаге найдены железный нож (рис. 7, 1), каменный оселок, керамика, куски шлака.

Под полом зафиксировано несколько пятен, ям и своеобразное распределение керамики.

4 столбовые ямы (2 — по краям выхода, 2 — напротив юго-западной торцовой стены). Форма ям круглая, размеры $20 \times 20 \times 2$ см. 4 ямы, подпрямоугольной формы, были сосредоточены в западном углу объекта. Размеры: пятно 1 — $43 \times 40 \times 23$ см; пятно 2 — $45 \times 45 \times 17$ см; пятно 3 — $70 \times 65 \times 15$ см; пятно 4 — $45 \times 70 \times 23$ см.

Керамики в объекте собрано большое количество: фрагменты от 86 сосудов, из них 58 восстанавливаются полностью, от 28 есть только верхняя часть, 16 орнаментированных фрагментов стенок сосудов, которые увязать с имеющимися невозможно. Керамика сосредоточивалась в четырех углах котлована (кроме небольшого количества найденной в очаге).

Объект 4 (рис. 1) находился в северной группе западин. На поверхности фиксировался как вытянутая с Ю на С западина размером $8,75 \times 5 \times 0,7—0,8$ м.

Котлован появился на глубине 16 см от уровня дневной поверхности, ориентирован с Ю на С, имел вытянутую подпрямоугольную форму, размеры $9,0 \times 2,6$ м и глубину 55 см. Углублялся в материк на 16 см. Заполнение — серая супесь с небольшими вкраплениями угля в верхней части.

Выход находился в северной торцовой стене. Он был стационарным, в виде небольшого коридора со ступенькой, основание его представляло проем. Размер выхода $2,4 \times 1,6$ м.

Пол — черная супесь мощностью 1—1,5 см.

Под полом зафиксировано 5 ям округлой формы ($32 \times 32—40 \times 40$ см) вдоль центральной оси постройки и одно

пятно (4) неправильной формы (24×24 — 56×56 см) в северо-восточном углу котлована. Заполнение ям 1, 2, 4 — серая супесь, пятна 3 — белый песок. Пятно 5 было оконтурено черной полосой и имело пологий подъем в северном направлении, его заполнение — сверху желтый песок, ниже — черная углистая полоса.

Внутри постройки обнаружена керамика, сосредоточенная в основном вдоль центральной оси и в южной части объекта.

Объект 6 (рис. 3) располагался в северо-западной части южной группы западин. Визуально прослеживался овальной западиной размерами $7,5 \times 3,75 \times 0,75$ м, ориентированной с ЮЗ на СВ.

Контур котлована появились на глубине 40,6 см. Ориентирован СВ—ЮЗ. Форма его подпрямоугольная с сильно деформированным юго-западным углом (вытянут в западном направлении). Размеры стен: северо-северо-восточной—3,9 м, юго-юго-восточной — 6 м, юго-юго-западной — 4,6 м, северо-северо-западной — 5,6 м. Глубина котлована — 40,6 см. Углублялся в материк на 23—40 см. Заполнение — серая супесь с небольшими прослойками темно-серой супеси в верхней части и песчаными заплатами в центре котлована.

Объект имел два стационарных нишеобразных выхода в торцовых стенах. Размер северо-восточного выхода — 1×1 м, ЮЗ — $0,45 \times 0,45$ м.

Пол в объекте четко не прослеживался. Очаг не обнаружен. На дне котлована обозначилось 4 пятна неправильной формы с темным углистым заполнением. Пятно 1 размером $0,64 \times 0,32$ и глубиной 10—60 см находилось у северо-восточного выхода. Пятно 2 размером $2,2 \times 0,7$ м, глубиной 50 см обнаружено в центре котлована. Вначале оно шло как единое, вытянутое с З на В, но на глубине 60 см от уровня древней поверхности разделилось на два неправильных прямоугольника. Пятна 3 и 4 четко проступили у южной стенки котлована на уровне пола, хотя более темная, чем в котловане, супесь над пятном фиксировалась и раньше. Пятно 4 — прямоугольное ($1,2 \times 0,90$ м), имело двойную структуру: внутри большого прямоугольного пятна было округлое, меньшее по размеру.

В объекте найдена керамика от четырех сосудов.

Объект 7 (рис. 4) располагался в северо-западной части южной группы западин. Визуально прослеживался

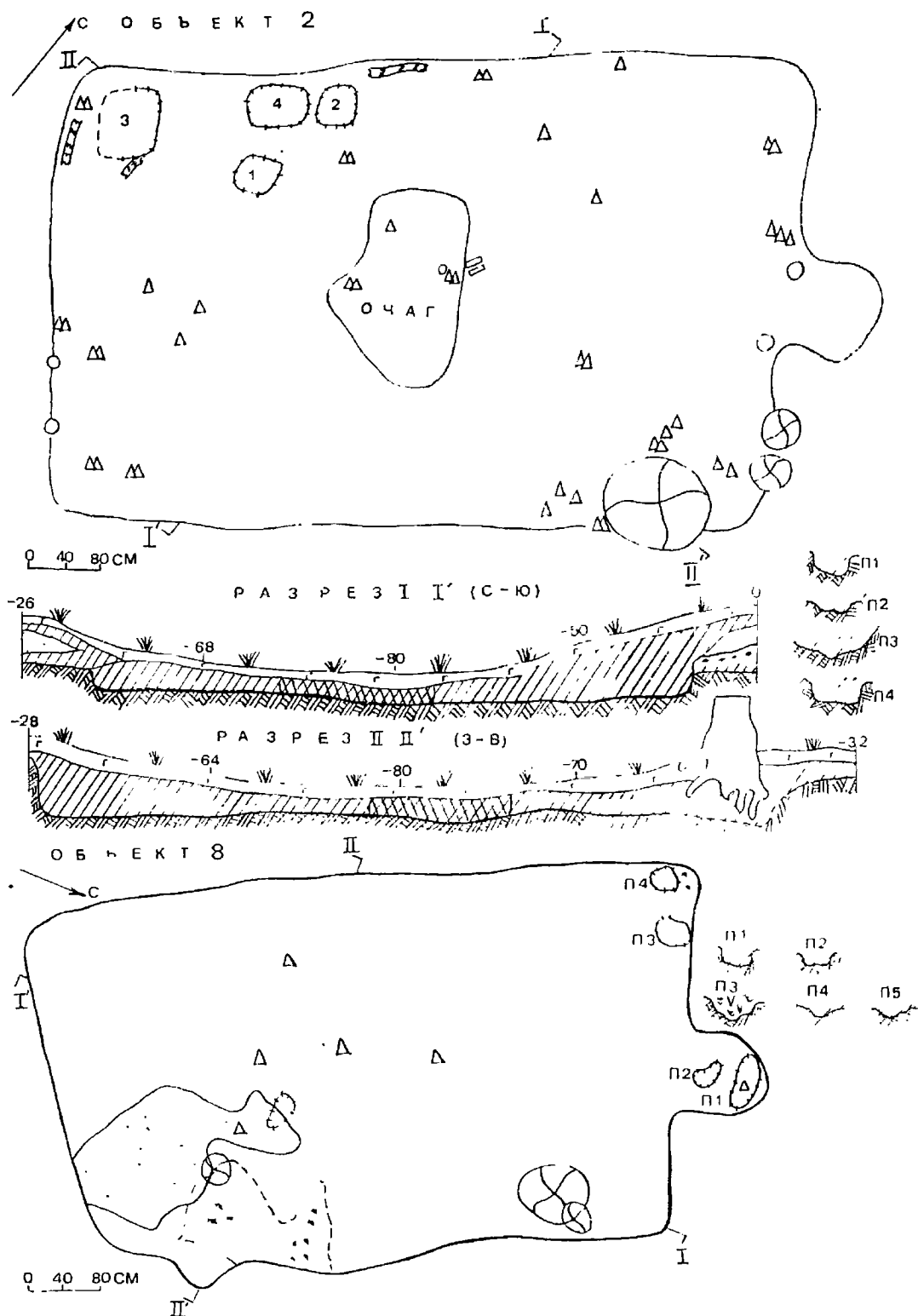

Рис. 2. План и разрез объекта 2. План объекта 8

овальной западиной размером $6,25 \times 5$ м, ориентированной по линии З—В.

Контуры котлована проступили на глубине 16 см. Он имел вытянутую с ЮЗ на СВ прямоугольную форму и размеры $5,6 \times 8$ м, глубина — до 50 см. Углублялся в материк на 15—23 см. Заполнение — темно-серая супесь.

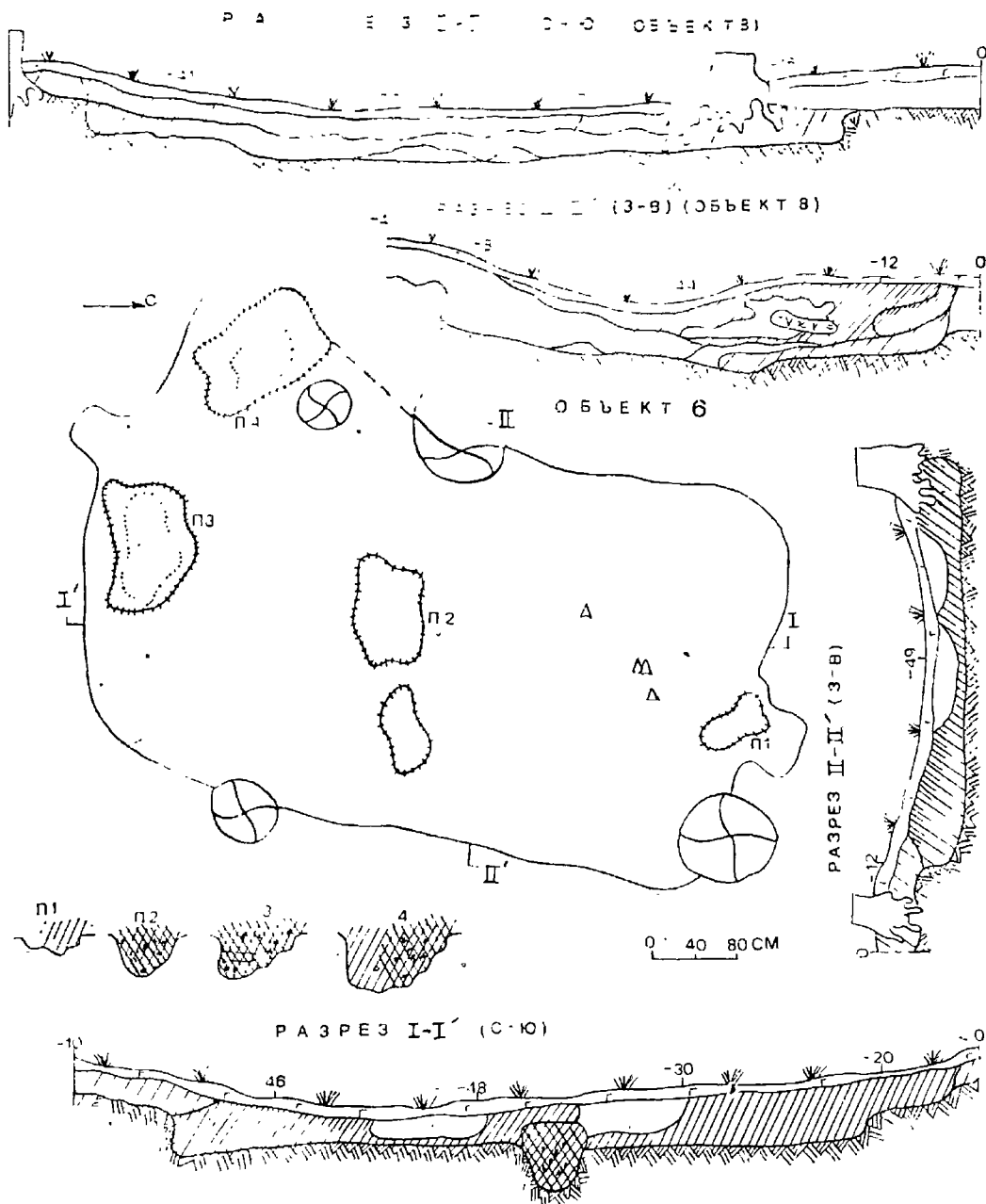

Рис. 3. Разрезы объекта 8, план и разрезы объекта 6

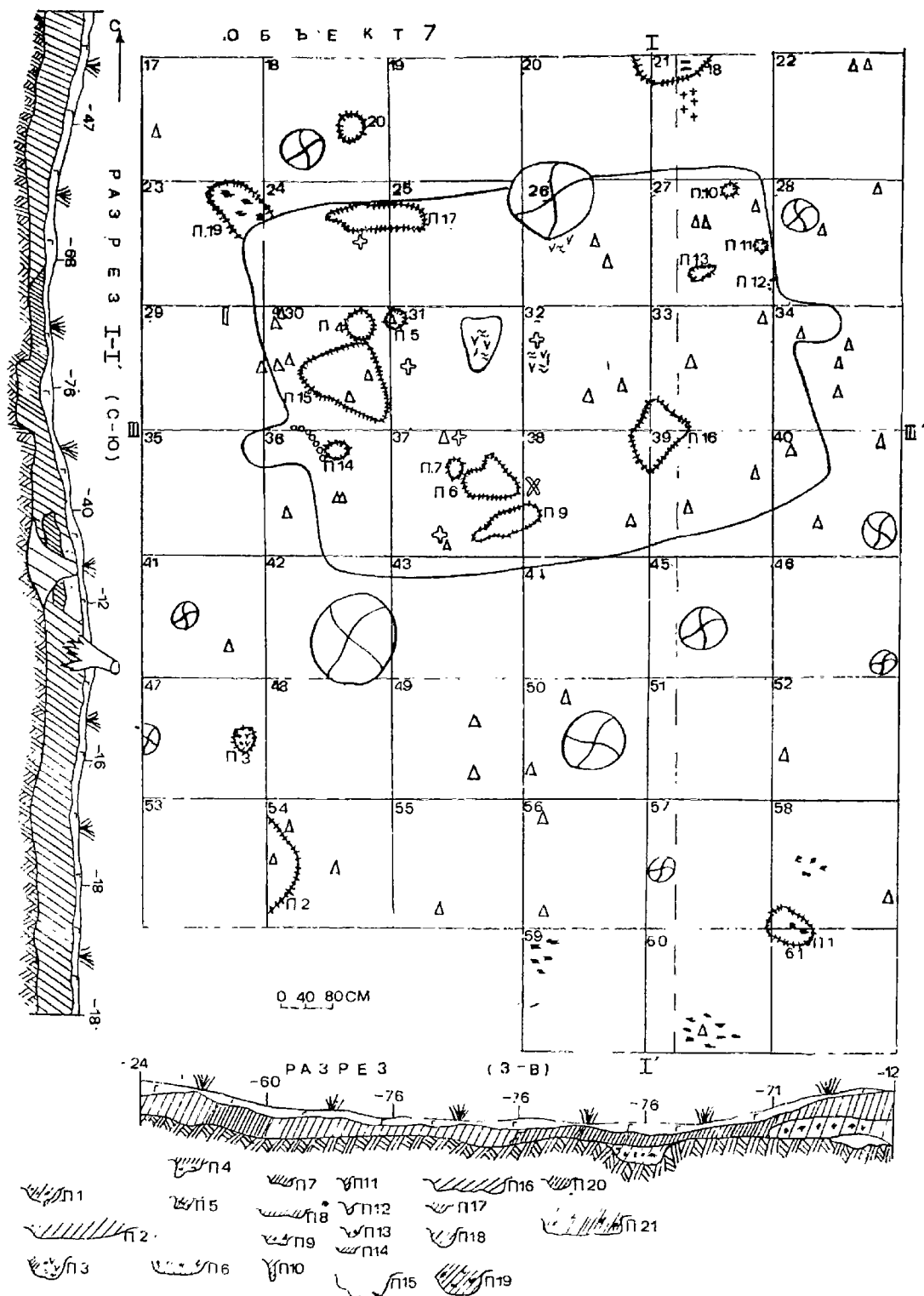

Рис. 4. План и разрезы объекта 7

Два стационарных нишеобразных выхода находились в торцовых стенах. Выход в восточной стене размером $1,0 \times 0,6$ м находился на одном уровне с полом. Заполнение выхода — темно-серая супесь. Размеры западного выхода — $0,9 \times 0,6$ м. Заполнение — более темное, чем заполнение восточного выхода. Имело углистые вкрапления. Основание выхода полого поднималось над полом котлована на 15—20 см. Перед выходом, внутри котлована, шла цепочка мелких круглых пятнышек размером 8×8 см.

В центре котлована обнаружен очаг на глубине 75 см от уровня дневной поверхности. Вдавался в материк на 5—8 см. Форма — треугольная, размеры сторон $0,8 \times 0,8 \times 0,5$ м. Заполнение общей мощностью в северной части 16 см, в южной — 8—10 см представляло собой смещение следующих слоев: углистая земля, прокал, остатки жженных костей и серая супесь с железняком. Мощность очага 16 см. Рядом с очагом обнаружены шлаки и очажные остатки: песчаный прокал, уголь, кости.

Пол из черной углистой супеси, глубиной 1—1,5 см.

В объекте и за его пределами зафиксировано 13 пятен. Пятна 4 и 5 округлой формы, размером $44 \times 32 \times 20$ —8 см и $32 \times 32 \times 8$ —12 см, проявились в северной части объекта. Заполнение — темно-серая супесь с забросками железняка. Пятна 7, 8, 9 проявились в юго-восточной части объекта на глубине 80 см от уровня дневной поверхности. Пятно 7 овальной формы, размером $32 \times 20 \times 10$ —16 см. Пятно 8, неправильной формы, размером $90 \times 70 \times 10$ см. Пятно 9 эллипсоидной формы, размером $70 \times 32 \times 10$ см. Заполнение — темно-серая супесь с железняком. Пятна 10, 11, 12, 13 находились в северо-восточном углу объекта. Пятно 10 овальной формы, размером $16 \times 12 \times 16$ см, заполнение — темно-серая супесь. Пятна 11, 12 округлой формы, размером $8 \times 8 \times 10$ см, заполнение — серая супесь. Пятно 13 неправильной формы, размером $40 \times 18 \times 7$ см, заполнение — серая супесь с забросками угля. Пятно 14 обнаружено перед юго-западным выходом, имело прямоугольную форму и размеры $32 \times 24 \times 5$ —9 см. Заполнение — темно-серая супесь. Пятно 16 зафиксировано в восточной части объекта. Пятно 17 — вдоль северо-западной стены объекта. Пятна неправильной формы, размером $110 \times 90 \times 10$ и $160 \times 35 \times 8$ —9 см. Заполнение пятна 16 — темно-серая супесь с частыми забросками угля, пятна 17 — темно-серая супесь. Пятно 15 обнаружено в северной части объекта. Треугольной формы, размером $120 \times 128 \times 160$

см. Заполнение — в центре и в южной части — темная, почти черная супесь (мощность — 20—40 см), она постепенно увеличивается по мощности в северном и южном направлениях и становится немного светлее. По дну пятна с южной стороны проходит углистая прослойка. В объекте найдены фрагменты от 10 сосудов, сосредоточенные в северо-восточном углу, вдоль юго-восточной стенки и в западной части постройки. А также значительное количество шлаков, обломков литейных форм, шишек, жженных костей у очага и в западной части объекта. У южной стены найдены сланцевое точило, скопление зубов лося и лошади.

Объект 8 (рис. 2, 3) находился в южной части южной группы западин, визуально прослеживался эллипсовидной западиной размером $7,5 \times 5 \times 0,25$ — $0,45$ м.

Контуры котлована проявились на глубине 29 см. Форма — трапециевидная, вытянут в направлении ЮВ—СЗ. Длина долевых стен 7,3 и 7 м; торцовых — 4 и 3,7 м. Глубина 23—46 см. Заполнение в верхних слоях — темно-серая супесь, в нижних — серая супесь.

Стационарный грушеобразный выход находился в северо-западной торцовой стене размером $0,87 \times 1,1$ м, нижний горизонт выхода был на уровне пола.

Традиционного очага не обнаружено, но в западном углу котлована и на выходе имелось три небольших скопления угля, горелого песка и глины.

В центре объекта обнаружены оселок и фрагменты керамики от двух сосудов.

Четкую модель турбабинских построек по имеющимся материалам составить трудно. Можно пока предложить некоторые варианты реконструкций.

Из описания видно, что все объекты имеют общие и особенные характеристики. Объединяло их то, что все они полуназемные. Заглубление в грунт производилось до твердых слоев, затем ставились деревянные конструкции.

Объекты 7, 8 можно отнести к прямоугольным, слабо вытянутым, однокамерным, каркасным, возможно вертикально-столбовым, с нишеобразным выходом, иногда двумя. К сожалению, незначительность остатков не позволяет уловить систему конструкций и найти им аналоги в этнографии. В археологических материалах подобные сооружения с большими информативными данными имеются в поселении Малгет, где они фиксировали остатки сложных сооружений, как правило, жилищно-производственного типа (Чиндина,

1985). На ТУР-I объект 7 тоже связан с производственной деятельностью, о чем свидетельствуют литейные отходы.

Объект 4 относится к полуназемным, сильно вытянутым прямоугольным однокамерным постройкам. По центральной долевой оси ставились опорные столбы, на них крепились несущая балка, державшая двускатное покрытие постройки. Поскольку стены котлована сохранили вертикальную форму и четкие углы, то есть все основания предполагать, что существовало укрепляющее их устройство. Следов столбов по периметру стен нет, кроме тех, что у выхода. Вероятно, в котлован ставили сруб (на высоту земляных стен или выше) и покрытие опиралось либо на землю за пределами сооружения, либо на верхний венец сруба.

Подобные длинные сооружения на соседних синхронных поселениях (Малгет, Гришкино I, II, Круглое Озеро I, II, Сохта IV и др.) были обязательны и функционально определялись как общественные, культовые или жилые летние (Балакин, Чиндина, 1976; Чиндина, 1985). Позднее подобные постройки с некоторыми вариациями были распространены у хантов, манси, селькупов (ИЭАС, 1961. Табл. XXIII. Рис. 3; Прокофьева, 1947. С. 201; Соколова, 1956).

Объект 2 является жилищем полуназемного типа, прямоугольной, однокамерной, вероятнее всего, срубной конструкции, с нишеобразным выходом. Срубную технику дает основание предполагать отсутствие столбовой системы. Вряд ли небольшие столбы у выхода и столб (?) у торцевой стены могли быть несущими для такой большой камеры (40 кв. м). Здесь требовалась более надежная конструкция. По внешнему виду объект 2 мог походить на срубные жилища хантов — мыг-кат и селькупские тимбучи-мат (Прокофьева, 1956. С. 584, 679; Пелих, 1972. Табл. XXVIII, 5).

Жилище 2 интересно также внутренним интерьером, распределением находок. Как указывалось, керамика от разбитых сосудов сплошным щитом располагалась во всех четырех углах постройки. Большая площадь жилища, наличие локальных углов и общего очага свидетельствует о проживании здесь четырех родственных групп. Если принять за основу средний состав семьи (муж, жена, двое детей), то в жилище обитало 14—16 человек. Определить форму семейных отношений по археологическим материалам трудно. Это могла быть большая, двух-, трехпоколенная отцовская или братская семья. Проживавшие на данной территории селькупы, в состав которых вошли потомки релкинцев, сохрани-

ли древние предания о той и другой семейной традиции (Гемуев, 1984; Пелих, 1965).

Среди находок на поселении резко преобладала керамика. Другие предметы обихода и орудия труда единичны.

Железный нож с прямой спинкой, вытянутой по одной линии с черешком, узким лезвием, с отрым шипообразным концом. Размеры: $10,5 \times 0,1$ см. Тип заточки предположительно (сильно коррозирован) односторонний (рис. 7, 1).

Сланцевые точила (рис. 7, 2) брусковидные, распространенных в раннем средневековье типов, хотя определенных хронологических рамок для этих изделий не разработано. Они известны в Среднем Приобье в комплексах раннего железного века и позднего средневековья.

Керамика на поселении встречалась во фрагментах, скоплениях, развалах, судя по венчикам, всего от 107 сосудов, их могло быть больше, но часть фрагментов не поддается определению. Распределялась она по объектам неравномерно: объект 2 — 87 сосудов; объект 4 — 6; объект 6 — 3; объект 7 — 7; объект 8 — 2 (рис. 1—4).

Технология изготовления сосудов определена визуально, поэтому приводятся только глазомерно установленные признаки. Сосуды изготовлены из грубоструктурных масс с примесью мелкозернистого, крупнозернистого слюдяного песка, шамота и растительных компонентов. Толщина стенок различна: тонкие (3—4 мм — 25%), толстые (8—9 мм — 15%), средние (5—6 мм — 60%). Закономерной зависимости толщины стенок от форм и размеров не наблюдалось. Все сосуды имели обмазку, которая всегда была светлее основы.

Основная форма сосудов — горшки (72%). Среди них выделяются широкогорлые с прямой, средней и низкой шейкой, четко профилированным плечиком, округлым или яйцевидным туловом и широкогорлые с наклонной, прямой, высокой, средней и низкой шейкой, с мягкой профилировкой плечика, округлым и яйцевидным туловом (рис. 5, В). Выделяются 11 венчиков: прямые, скошенные внутрь с бортиком и без него, скошенные наружу, уплощенные, округлые, заостренные (рис. 5, Б). Семь сосудов имели воротничковый венчик с разной степенью наружного навеса (рис. 5, Б).

Чаши (16,6%) были глубокие и низкие, закрытые и открытые, с округлым или слегка ребристым туловом (рис. 5, Б). Венчики у чаш были только прямые, скошенные внутрь, уплощенные, округлые и заостренные.

Как исключение найден один ладьевидный сосуд (рис. 7, 4).

Орнамент имел бордюрный стиль, состоял из нескольких разнообразных зон, четко отделявших шейку, плечико, тулово. Различие зон определялось многообразием элементов, мотивов, их сочетанием в каждой зоне (рис. 5, А; 6).

Все элементы представляли фигурные и линейные штампы. Общее число встречаемости элементов на всех турбабинских сосудах — 341. Частота встречаемости каждого элемента следующая: гребенка пильчатая — 25,0%; зубчатая — 2,0%; ямки — 27,8%; желобки — 25,2%; елочные (в разных вариациях) — 10%; уточка — 1,7%; треугольный шеврон — 2,6%; веерный шеврон — 0,9%; уголкового — 1,5%; гладкий — 0,6%; меандровый — 1,2% (рис. 5, А).

Мотивы орнамента: горизонтальный, вертикальный, наклонный, зигзагообразный, арочный меандровый.

Турбабинская керамика входит в малгетско-релкинский тип II релкинской культуры VI—IX вв., подробно описанный в литературе (Чиндина, 1977; 1985; Финно-угры и балты..., 1987). Здесь имеет смысл остановиться на некоторых наблюдениях локального плана.

Сосуды, орнаментированные штампом уточка, встречаются на ТУР-I редко и только в одном объекте 7, который имел и функциональную специфику — мастерская кузнеца-литейщика. Пока трудно уяснить причину такого факта: может быть, обитатели сознательно хотели выделить себя среди остальных, что для огненных дел мастеров было позволено, а возможно, здесь имел место хронологический фактор. Для решения этой задачи необходим анализ большого количества источников с разных памятников.

Сравнение турбабинской керамики с поселениями бассейна р. Шудельки (Малгет, Гришкино I, Круглое Озеро I, Турбабино II) показывает, что кроме несомненного типового единства есть в керамике каждого из них некоторые вариации.

Из обширного набора фигурных штампов на ТУР-I преобладают елочные, на Малгете елочки единичны, а на Круглом Озере I их процент также высок (Балакин, Чиндина, 1976). Но в отличие от Круглого Озера I на ТУР-I нет ранних форм открытых банок, орнаментированных поясами многорядных елочек, разделенных резными горизонтальными линиями. Однако на соседнем поселении Турбабино II, где раскопано пока одно жилище, найдены сосуды, абсолютно

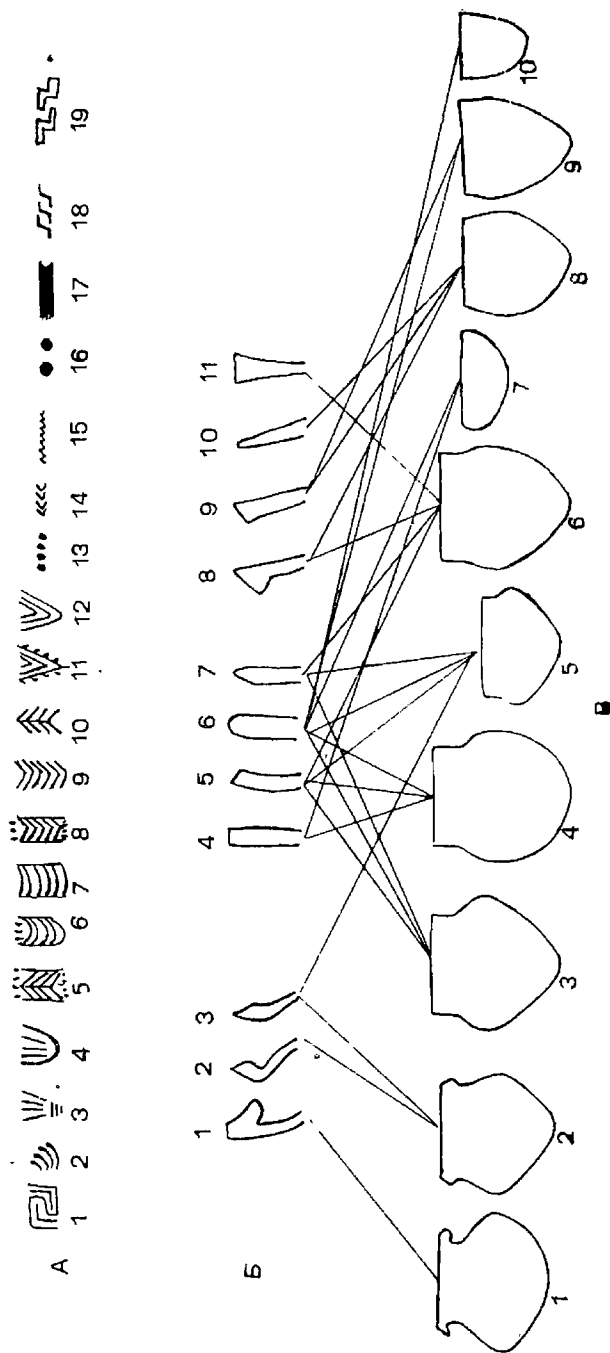

Рис. 5. Орнаменты и формы турбабинской керамики: А — элементы орнамента; Б — форма венчиков; В — форма сосудов

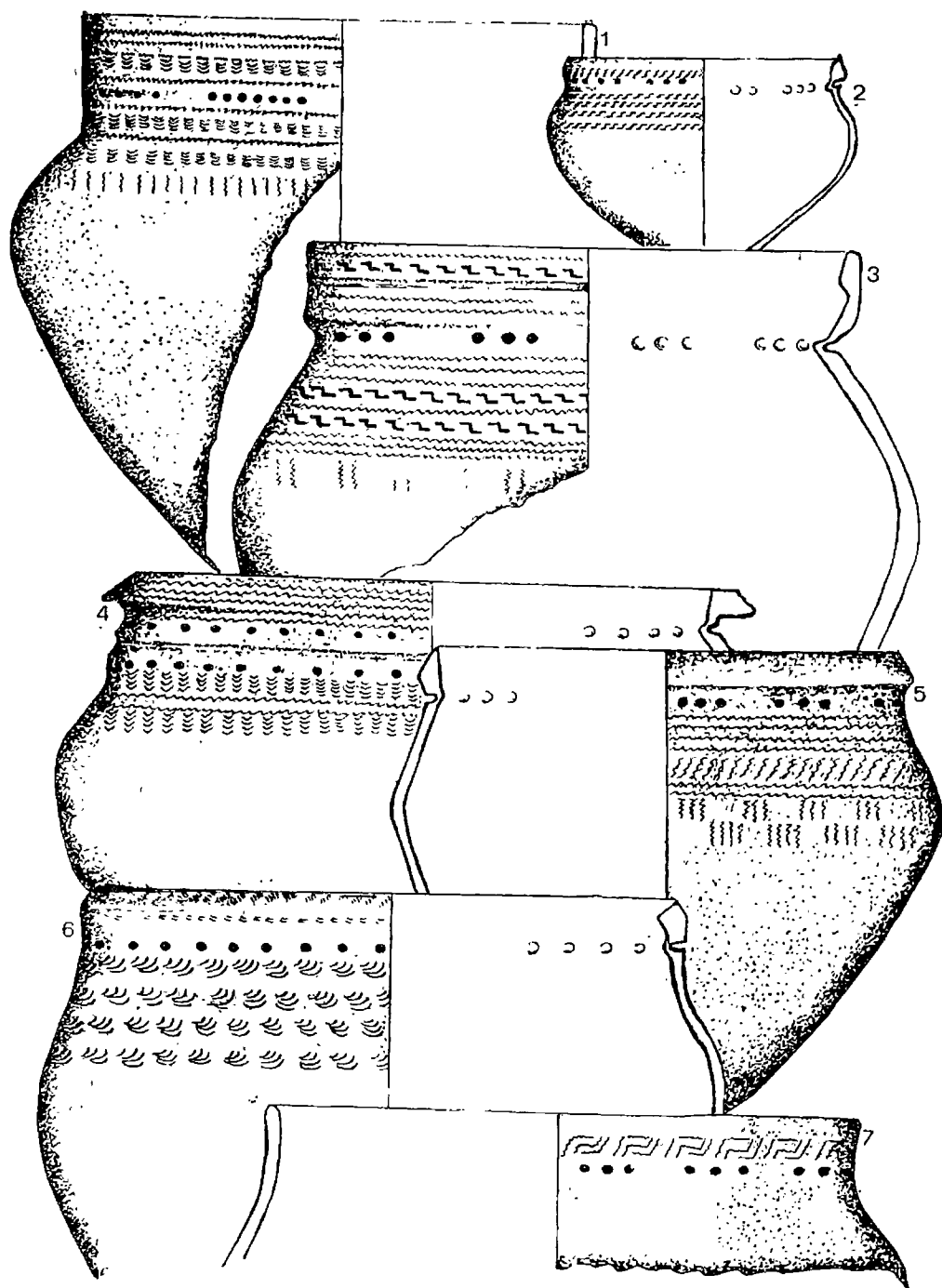

Рис. 6. Керамика поселения Турбабино 1: 1, 4, 5, 7 — жилище 2; 2 — объект 7; 3 — жилище 4; 6 — объект 6

аналогичные банкам Круглого Озера I (Чиндина, 1979). Отмеченные наблюдения возможно свидетельствуют о хронологических различиях, что чрезвычайно важно как для более четкого определения нижней даты релкинской культуры, так и для выявления динамики изменений в керамике релкинцев в целом.

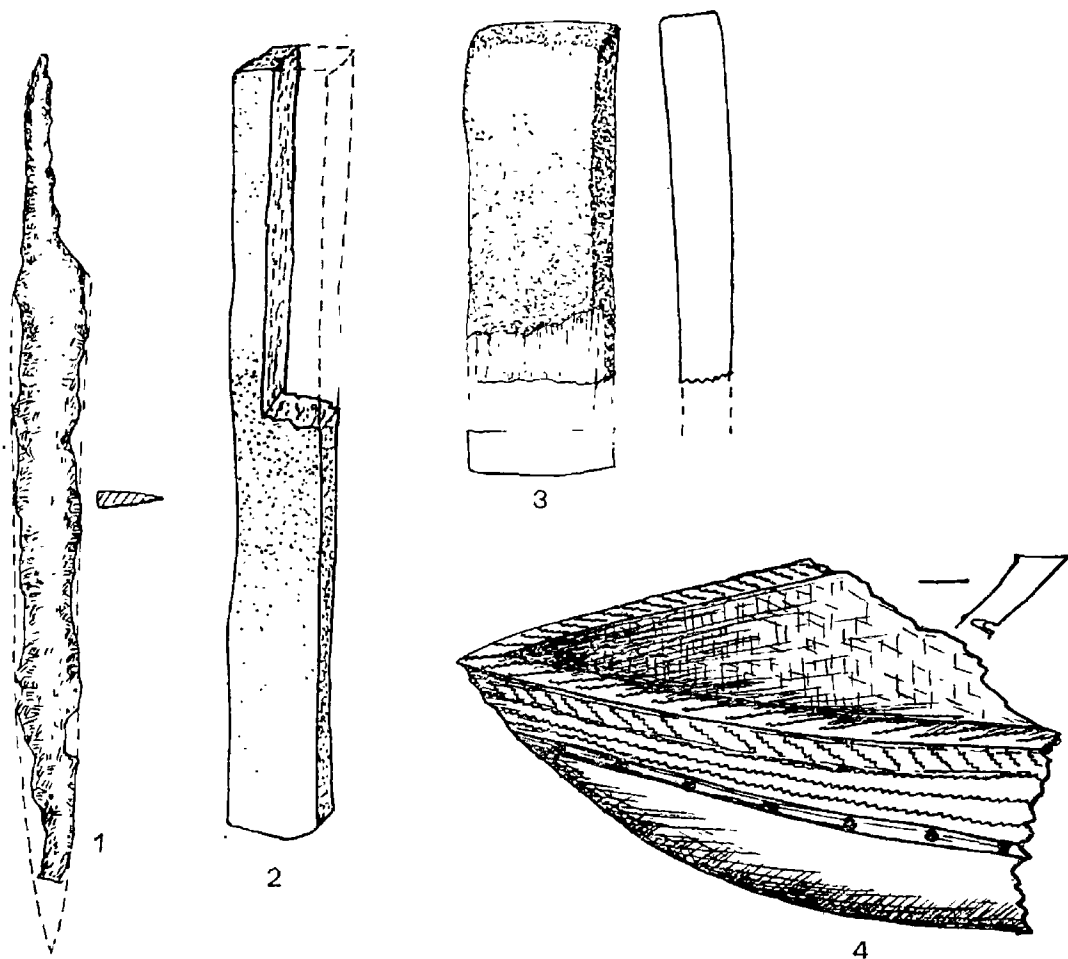

Рис. 7. Инвентарь поселения Турбабино I

Для ответа на поставленные вопросы необходим анализ большого, равнозначно сравнимого материала, что сопряжено с дальнейшими раскопками и углубленным монографическим исследованием. Сейчас можно утверждать, что поселение Турбабино I входило в круг памятников релкинской культуры и было одним из составляющих Шудельского микрорайона, по-видимому, являвшегося территориально-родовой общиной (Чиндина, 1991. С. 97—116).

Я. А. ЯКОВЛЕВ

КАРБИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ II — ПАМЯТНИК РЁЛКИНСКОЙ ЭПОХИ

Левый берег р. Кети, правого притока средней Оби, у 270-го и 362-го км соединен протокой Карбинская Анга. Она омывает участок надпойменной террасы, именуемой Карбинская и Карелинская горы и содержащей ряд разновременных археологических памятников. В административном отношении отмеченная территория входит в земли Ключевенского сельсовета Верхнекетского района Томской области.

Через Карбинскую гору проходит зимник. Место его спуска с террасы в пойму находится в 7—8 км от брошенной д. Карелино и в 3—4 км от бывшей д. Карбино. Примерно в 70 м к востоку по террасе от этого спуска расположено Карбинское городище II. Еще через 150 м от памятника в том же направлении проложена линия ЛЭП.

Высота крутого коренного берега достигает здесь более 12 м. Городище примыкает к его кромке, защищено с трех напольных сторон и относится к типу подковообразных (рис. 1). Длина вдоль берега 38 м, в глубь — до 25 м. Имеет сложную и хорошо фиксируемую на поверхности систему укреплений: наружный ров визуальной шириной 1,8—3,0 м и глубиной около 0,5 м и внутренний вал современной шириной 1,8—4,5 м и высотой 0,4—0,5 м. Оба эти элемента фортификации огибают площадь городища не плавно, а образуют 4 выступа в 3—5 м наружу, в напольную сторону. Расположены они на разновеликом расстоянии друг от друга, как параллельно, так и перпендикулярно краю террасы. Около каждого выступа ров дважды прерывается, образуя по две гребли; в трех выступах внутри вала, не имеющего нигде разрывов, впритык к нему расположены по одной овальной западине размером от 1,7×2,2 м до 2,3×3,3 м. Эти элементы фортификации, предназначенные для стрельбы во

фланг наступающего противника, будут называться фланкировочными выступами.

Жилая площадка в 890 кв. м имеет замкнутую планировку (14 западин расположены в виде овала, примыкая к кромке берега или вала и оставляя свободной централь-

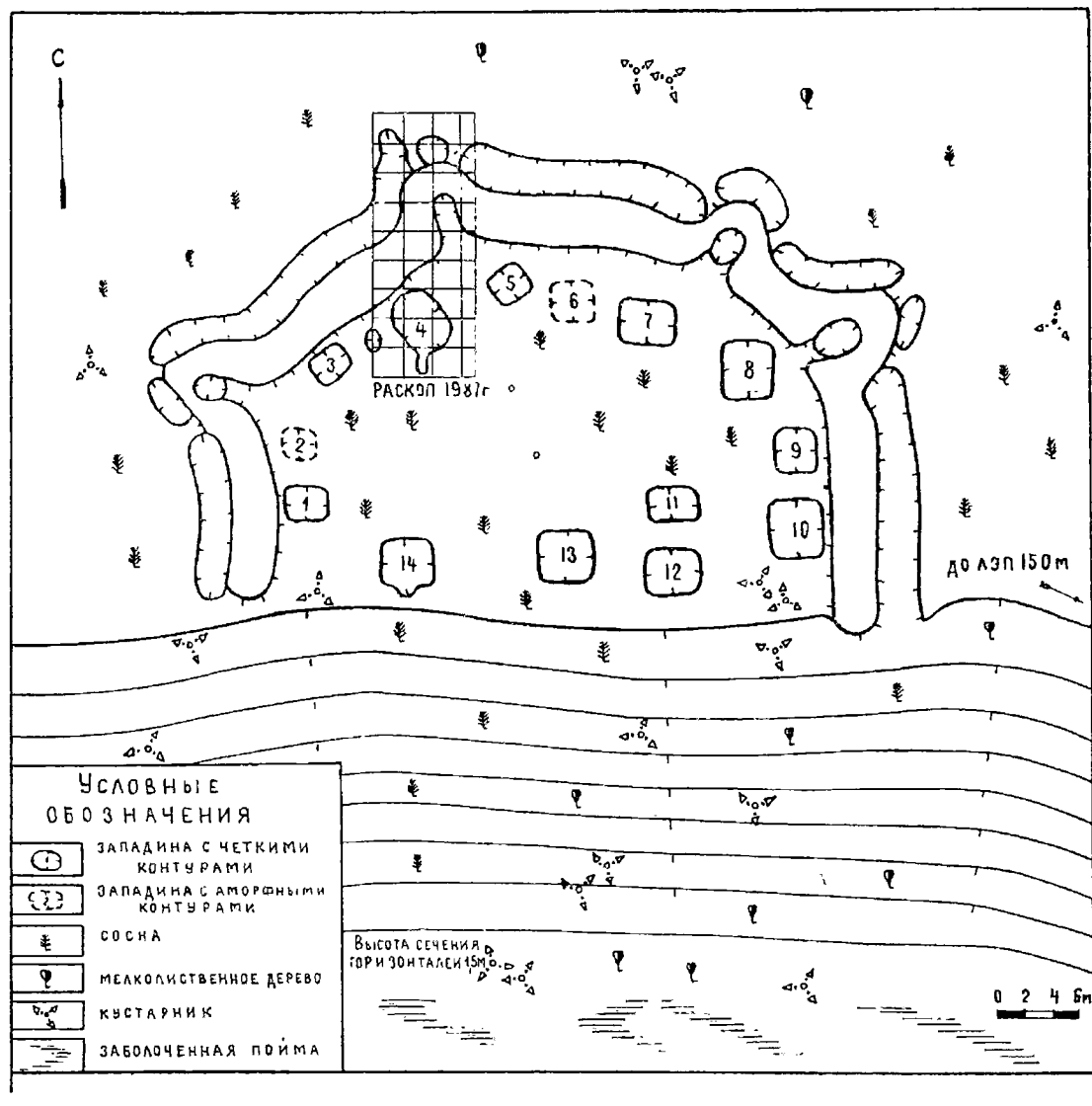

Рис. 1. Карбинское городище II. План

ную площадь). Лишь в единственном случае (жилища 11, 12) зафиксировано удвоение объектов, все остальные западины расположены цепочкой на расстоянии 1—7 м друг от друга. Их ориентация сохраняет зависимость от формы городища — стены объектов почти всегда перпендикулярно-

параллельны берегу или элементам фортификации. Большинство западин (кроме 2, 4, 6) имеют четкую квадратную или прямоугольную форму размером от $2,0 \times 2,3$ м до $3,5 \times 4,5$ м и глубину 0,2—0,6 м. У западины 14, расположенной на краю террасы, отмечен небольшой выход в сторону поймы.

Площадь городища, как и близлежащий участок берега, занята сосняком и кустарником. Следов разрушений нет.

Памятник открыт в 1982 г. археологом Г. И. Гребневой и местным учителем Е. Ф. Барышевым. Ими заложена траншея $0,3 \times 3,0$ м, врезанная в вал и жилище 4. Находок обнаружено не было, и городище датировано «предположительно не ранее середины II тыс. н. э.». (Гребнева, 1982. С. 30—31). В 1986 г. оно осмотрено автором и по обнаруженной керамике ориентировочно отнесено к раннесредневековой релкин-

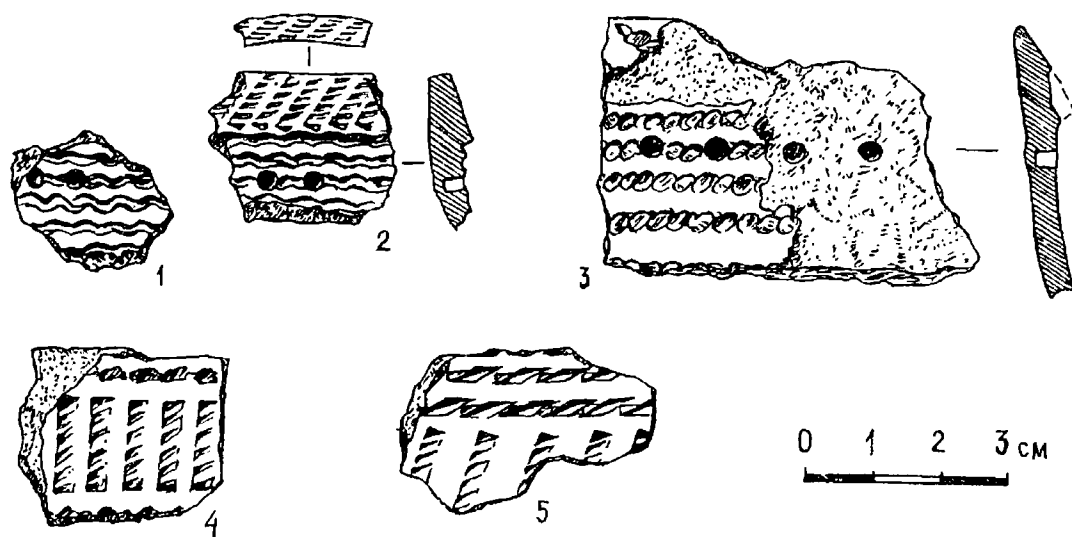

Рис. 2. Карбинское городище II. Керамика

ской культуре, а еще через год на памятнике вскрыто 126 кв. м (Яковлев, 1986. С. 8—9; Он же, 1987. С. 47—56). Прямоугольный раскоп 7×18 м, ориентированный стенами по сторонам света, был заложен в западной половине городища (рис. 1, 3). В него включены жилище 4, часть рва, вала, один из фланкировочных выступов, напольный участок и траншея 1982 г. (Материалы в фондах МАЭС ТГУ, коллекция № 7600).

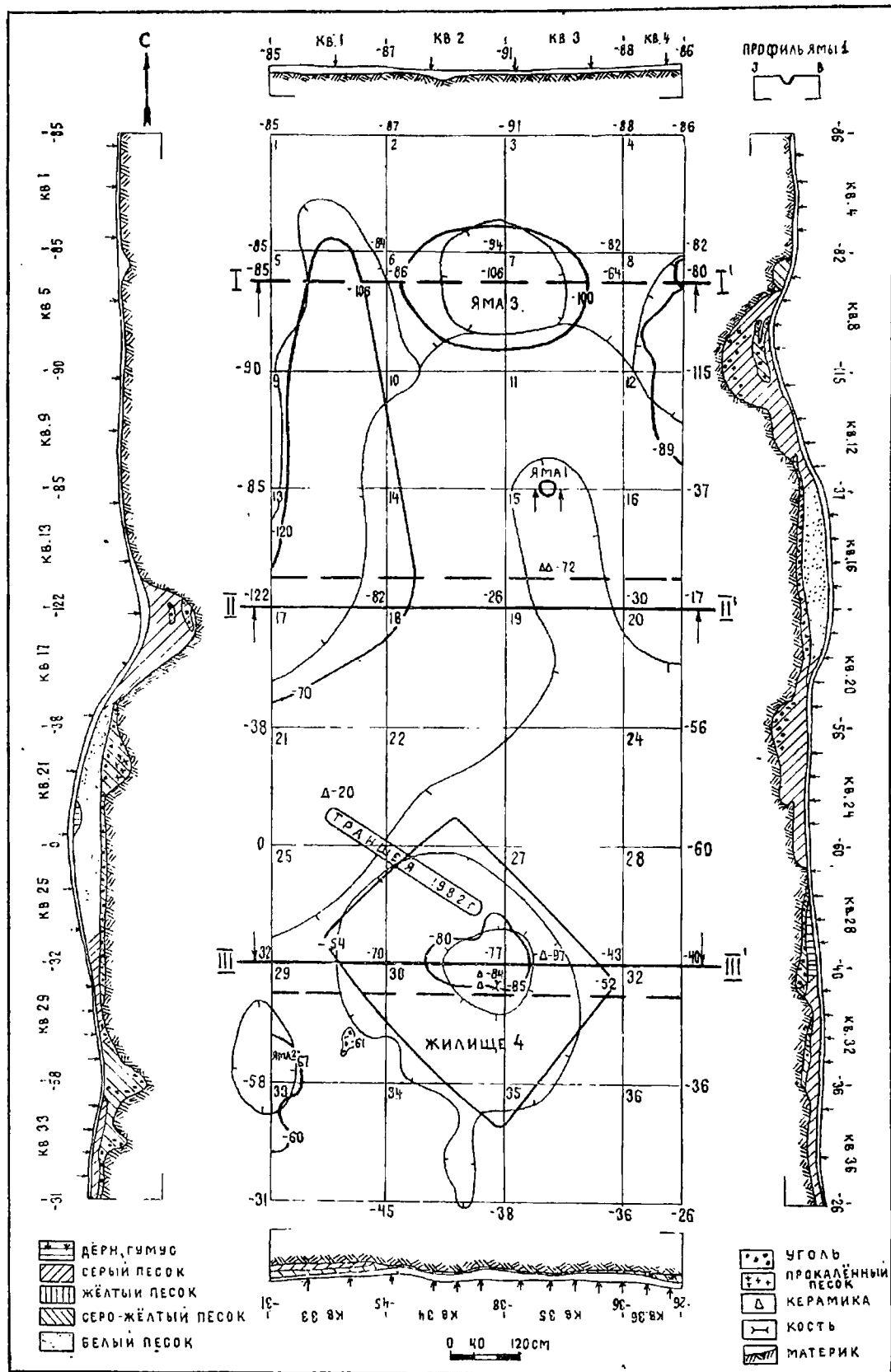

Рис. 3. Карбинское городище II. Раскоп 1

Ров с напольной стороны городища представлял собою единую систему траншей и ям, разделенных 8 земляными переходами. С западной границы памятника ров и вал не смыкались с кромкой террасы, оставляя, таким образом, еще один переход; с востока фортификационные укрепления выходили на склон берега (рис. 1). Вошедшие в раскоп участки рва имели на поверхности ширину 1,7—2,5 м и глубину 0,45—0,5 м. На удалении 0,1—0,4 м от линии современного горизонта эти параметры составили соответственно в западном отрезке рва 0,6—2,1 м и 1,1 м, в восточном 2,9 м и 1,2 м. Оба участка рва имели относительно ровные, довольно крутые стены и слегка уплощенное дно; восточный, кроме этого, обладал ступенью с внутренней стороны городища и ямой, примыкающей к рву, — с напольной. В раскоп вошло всего около 0,5 м этой части рва, поэтому делать выводы об особенностях указанного элемента фортификации пока преждевременно. Ров был заполнен серо-желтым песком. В обоих его отрезках на различной глубине отмечены линзы угля или серого углистого песка мощностью до 0,2 м. Вкрапления угольков зафиксированы также в нижнем горизонте восточного участка рва. Находки отсутствовали.

Яма 3, являвшаяся составной частью рва и расположенная между переходами, выглядела на поверхности в виде овала диаметром 1,95 м, 2,1 м и глубиной 0,35 м. Ее контуры частично были нарушены растущими деревьями. На глубине 0,1—0,2 м от современной дневной поверхности овальные очертания ямы увеличились до диаметров 2,05 м и 3,2 м, глубина — до 0,8 м. Стены — круто наклонные, дно — плоское. Заполнение ямы, как и других участков рва, выражено серо-желтым песком с незначительными вкраплениями углей и серого углистого песка. Находок не зафиксировано.

Переходы. Гребли — земляные мосты через ров — хорошо наблюдались в современном рельефе в виде перемычек между ямой 3 и описанными выше западным и восточными участками рва (рис. 1, 3). Их длина около 2 м, ширина 0,9—1,5 м. После выборки рва выяснилось, что переходы были оставлены сразу при сооружении рва в виде материковых монолитов. Ширина западного 0,65—1,1 м, восточного 1,1—1,5 м. Культурный слой на гребнях отсутствует, сразу под дерном залегает материк. Находок нет. К сожалению, не удалось зафиксировать следов крепления пе-

реходов в близлежащих участках рва — вряд ли песчано-грунтовый мост такой незначительной ширины мог использоваться без дополнительных устройств. Есть отдаленная по времени аналогия подобной конструктивной рациональности — оставлению земляных перемычек при откопке рва — гамаюнское Зотинское II городище VIII—VII вв. до н. э., в системе фортификации которого, кстати, присутствовала башня (Борзунов, 1992).

Вал, примыкая к внутренней кромке рва, охватывал городище по всему периметру и отсутствовал лишь у края берега в западной части памятника (рис. 1). Тот его участок, который вошел в раскоп, имел визуальную ширину от 1,8 м до 4,5 м и высоту около 0,4 м. После раскопок эти параметры изменились незначительно и составили соответственно 3,0—4,5 м и 0,3—0,55 м. Склоны очень пологие, вершина плоская. Скорее всего, вал формировался за счет выброса грунта из рва — его насыпь сложена из чистого материкового светло-желтого или белого песка и, за единственным исключением, стерильна в отношении объектов и находок. Под валом хорошо прослеживалась обожженная погребенная почва в виде прослойки серого и серо-желтого углистого песка мощностью от 5 до 15 см. На границе вала и рва в квадрате 21 эта прослойка, имея аморфные очертания, увеличилась до 0,45—0,5 м. Помимо углей здесь зафиксирован прокаленный песок. Скорее всего, перед возведением фортификационных сооружений имело место выжигание растительности и выравнивание поверхности. В верхнем горизонте насыпи вала напротив жилища 4 найден один фрагмент керамики.

Фланкировочный выступ выделялся в напольную сторону (к северо-западу) на 3,5 м. На нем, в отличие от всех остальных, западина на поверхности отсутствовала. При раскопках выяснилось, что на этой овальной площадке размером 1,3×3,5 м, охваченной петлей вала, залегал культурный слой из серо-желтого песка мощностью до 18—20 см. Обожженная древняя дневная поверхность, имевшаяся рядом под насыпью вала, на площадке выступа прослеживалась не везде. Однако именно в линзе серого песка (участке погребенной почвы?) квадрата 15 найдено 8 неорнаментированных фрагментов тулова сосуда. В напольной оконечности оборонительного выступа, у внутренней кромки вала обнаружена яма I. Ее круглые контуры диаметром около 0,25 м открылись сразу под дерном и углубля-

лись до 15 см. В разрезе яма (столбовая?) имела пристроенную форму и заovalенное дно. Заполнение — серый песок с вкраплениями углей. За исключением этой ямы, иных углубленных в грунт объектов на фланкировочном выступе не обнаружено.

Внутри укреплений исследовано жилище 4 и околожилищное пространство.

Жилище 4 выражалось на поверхности западиной, ориентированной перпендикулярно ближнему отрезку вала (с северо-запада на юго-восток) и имеющей форму, близкую к овалу, диаметрами 3,5 и 4,5 м. Глубина 0,35—0,4 м (рис. 1, 3). На глубине примерно 10 см от современного горизонта появились контуры заполнения котлована жилища, который выбирался затем путем расширения траншеи 1982 г., частично заложеной в объекте. После расчистки жилище не изменило отмеченной ориентации, приняло подпрямоугольную форму со средними размерами 3,15×4,3 м (площадь около 13,5 кв. м). Выход не прослежен, очевидно, он находился в наземной части постройки. Общая глубина котлована составила 0,3—0,4 м, углубление в материк — около 0,2 м. Заполнение представлено напластованиями желтого, серо-желтого, серого и темно-серого песка, легко переходящего из одного в другой. В восточной части жилища отмечена «линия пола» — темно-серая песчаная прослойка в 2—3 см. Находки представлены лишь одним обломком посуды из дерна в жилищной западине и тремя фрагментами, обнаруженными недалеко от очага.

Очаг в центре западины прослеживался в современном рельефе в виде подтреугольной возвышенности диаметром 1,4—1,5 м. На глубине около 10 см от современной дневной поверхности он принял аморфные очертания размером: с запада на восток 1,8 м, с севера на юг 0,8—1,0 м. Залегал непосредственно на материке, имел мощность 10—15 см и состоял из серо-желтого углисто-золяного песка. В юго-восточном секторе кострища найден фрагмент глиняного сосуда, небольшой окатанный камешек и 6 мелких обломков обожженных косточек.

Судя по глубине котлована, объект относился к типу углубленных наземных построек. Незначительная мощность заполнения жилища и очага, крайняя малочисленность находок убеждают в непродолжительности существования раскопанного объекта.

Около жилищное пространство. Поселенческий культурный слой выражался преимущественно серо-желтым песком, имел различную мощность: к югу от жилища — 1—4 см; к западу — 10-20 см и подстилался слоем серого песка; в восточной части раскопа серо-желтый песок, иногда переходящий в желтый, достигал 0,3 м, а напротив фланкировочного выступа его мощность увеличивалась до 0,6 м (разрезы на рис. 3). Очевидно, обжигался не только участок под валом, но и вся площадь городища — на материке околожилищного пространства прослежена та же серопесчаная углистая прослойка в 5—15 см, как и под валом. Правда, здесь она сохранилась намного хуже, поскольку отсутствовали те консервирующие условия, которые возникли под фортификационной насыпью. В местах отсутствия древней обожженной поверхности отличить слабоокрашенный поселенческий культурный слой от материка было трудно. Находки на околожилищном пространстве, за исключением керамической крошки из квадрата 34, отсутствовали. Примерно в 1,5 м к юго-западу от жилища 4 отмечена яма 2 аморфных очертаний размерами с севера на юг 2 м, с запада на восток — до 0,55 м и глубиной до 0,4—0,7 м. Между ней и жилищем зафиксировано скопление углей.

За рвом жилищные западины на поверхности не отмечены. В северной части раскопа, заложенной в напольной стороне памятника, культурный слой отсутствовал. Очевидно, жизнь обитателей городища, довольно краткосрочная, сосредоточивалась внутри фортификационных укреплений.

Находки малочисленны. За два года обследования памятника найдено всего 22 предмета: два фрагмента венчиков и 4 фрагмента верхних частей сосудов с орнаментом, 9 фрагментов нижних частей сосудов без орнамента, 6 мелких обломков обожженных косточек и один окатанный камешек. Все обломки посуды очень мелкие, принадлежат 3—5 слабопрофилированным горшковидным сосудам и возможностей для реконструкции не дают (рис. 2). Украшены по горлу и плечикам горизонтальными параллельными линиями вдавлений крупнозубчатой фигурной гребенки, ямками. Обрез венчика уплощен и орнаментирован. В качестве отделителей использованы песок, мелкодробленые камень и шпат.

Малочисленность и фрагментарность керамического материала — основного культурно-хронологического индикатора в сибирской археологии — не позволяют привести ему

достоверные аналогии и определить более узкое место Карбинского городища II внутри рамок раннего средневековья. Можно лишь отметить некоторую близость орнаментации керамики группам II и IV-Б посуды из могильника Рёлка (Чиндина, 1977. С 63—64, 66).

Несмотря на все свое планиграфическое своеобразие, Карбинское городище II находит весьма удачные аналогии в форме среди приобских памятников. Городища Тришкино II (Киришин, 1974) и Смолокуровское I (Терехин, 1987) из Среднего Приобья, Усть-Лосиха II (Кунгурова, 1984. С. 8—9) и Кашламский Бор VII (Троицкая и др., 1980, С. 54, № 33. Рис. 36) из Верхнего имеют различный тип укреплений — подковообразный и замкнутый, но объединяются наличием четко выраженных фланкировочных выступов по периметру. Очень близки к ним волнообразной формой укреплений городища Медвежье из Притымыя (Чиндина и др., 1990, № 380) и Крутоборка I из верховьев р. Оби (Троицкая и др., 1980, С. 56. № 44. Рис. 37). Тришкино II относится к раннему средневековью, остальные — не датированы. Раннесредневековые городища с фланкировочными выступами отмечены и в Прииртышье: потчевашское Логиновское (Генинг, Евдокимов, 1969), усть-ишимские Кошкульское (Могильников, 1972) и Безымянное (Финно-угры и балты... Табл. LXXX—I. С. 194). С первым из них Карбинское городище II имеет наибольшее сходство: тяготеющая к овалу форма и наличие фланкировочных выступов; отсутствие или значительное сокращение размеров рва напротив выступов; ступенька у внутренней стенки рва; упорядоченность планировки; углубленный тип жилищ, их ориентация, местонахождение очага, отсутствие столбовых ям; непродолжительность существования. Все это лишний раз подтверждает не раз отмеченную исследователями близость между потчевашской и рёлкинской культурами (Могильников, 1983. С. 85).

Очерченный круг раннесредневековых городищ с фланкировочными выступами закономерно ставит вопрос о времени возникновения этой детали в системе фортификации Западной Сибири. II здесь приходится столкнуться с двумя проблемами: слабой публикацией источников (особенно планов городищ), с одной стороны, и аморфным содержанием понятия «башнеобразный выступ» — с другой. По мнению В. А. Борзунова и Н. Н. Новиченкова, указанная оборонительная новация впервые появилась в урало-сибирском регионе под влиянием южных культур раннего железного века

и характерна исключительно для Зауралья (Борзунов, Новиченков, 1988. С. 97—98, 100—101). Позже В. А. Борзунов наряду с зауральско-ишимским центром лесостепных культур (иткульской, гамаюнской, гороховской, баитовской), включивших, по его мнению, в свою систему фортификации башни и «башнеобразные выступы», выделил еще один — среднеобской (кулайская культура), где новый элемент укреплений возник независимо от южных градостроительных влияний (Борзунов, 1992). С таким мнением согласны Ю. П. Чемякин и В. М. Морозов, выделившие «башнеобразные выступы» у кулайских городищ Сургутского Приобья (Чемякин, 1992; Морозов, 1992). Однако никто из названных авторов не дает своего определения «башнеобразному выступу», лишь В. А. Борзунов отличает его от башни по отсутствию четвертой стены со стороны городищенской площадки. С этим нельзя не согласиться, но увидеть отмеченную разницу можно лишь после стационарных работ на памятнике, да и то не всегда. А поскольку большинство сибирских городищ исследовано визуальнo планиграфически с вскрытием незначительных площадей, то «башнеобразным выступом» зачастую называются дополнительные элементы фортификации, имеющие различные размеры, форму и функциональное назначение. Так, «бастионные выступы для флангового обстрела» отмечает у одинцовского городища Черный Мыс I А. И. Соловьев (1987. С. 141). В действительности же северный выступ у этого памятника размером 28×60 м является ничем иным, как дополнительной обводкой вала и рва вокруг позже пристроенного жилища (Троицкая, 1981. С. 104, 107. Рис. 1—3). Аналогична ситуация с Барсовым Городком 1/4, на который ссылаются и В. А. Борзунов, и Ю. П. Чемякин, с городищем Кучиминское II, упоминаемым В. М. Морозовым. Отмеченные названными авторами «башнеобразные выступы» у других памятников, планы которых удалось увидеть, являются иногда, на наш взгляд, просто дополнительными отрезками вала или рва с напольной стороны (Ермаково VI, XI). В других случаях (Иткульское II, Кучиминское V) каких-либо выступов в контуре укреплений не заметно возсе. Наиболее часто «башнеобразным выступом» назван изгиб фортификационного пояса в напольную сторону: Барсов Городок I/20, по В. М. Морозову (1992), Саровское городище, по В. А. Борзунову (1992), Могила Агумена, по А. И. Соловьеву (1987. С. 141) и др. Цель у этой оборонительной детали та же, что и у выдвинутой вперед из фортификацион-

ной линии башни — сокращение мертвого пространства перед валом путем фланкированной, а значит, и наиболее результативной стрельбы. Однако аморфные очертания и крупные размеры (до половины общей протяженности оборонительной стены) такого выступа не позволяют называть его башнеобразным, поскольку, несмотря на функциональное сходство этих защитных элементов, конструктивное решение их различно.

Фланкировочные выступы городищ в нашем понимании — это дополнительные элементы фортификационного сооружения, предназначенные для фланкирования крепостных стен и отличающиеся очерченностью резко выдвинутых вперед от оборонительной линии контуров и незначительными размерами. Фланкировочный выступ отличается от башни отсутствием внутренней стены и общим уровнем по высоте со всей надвальной постройкой.

Такие фланкировочные выступы в Обь-Иртышском междуречье и в Приобье, исключая, быть может, Сургутский район, у укрепленных поселений эпохи раннего железа пока не зафиксированы. На сегодняшний день они отмечаются лишь с периода раннего средневековья, если не учитывать несколько недатированных городищ, перечень которых приведен ранее. Отчасти с этим согласен и В. М. Морозов. По его периодизации, именно в кучиминско-кентусовское время (VIII—XIII вв.) в Сургутском Приобье после длительного затухания протекал второй период бытования фланкировочных выступов (первый, по его мнению, укладывался в рамки позднекулайского времени — первой четверти I тыс. н. э. (Морозов, 1992).

Очевидно, возникновение этого оборонительного новшества в Западной Сибири произошло самостоятельно в результате генезиса широко распространенного в местном фортификационном искусстве выгиба вала и рва в напольную сторону (путем придания последнему правильных геометрических очертаний и уменьшения его площади). Памятники с изгибом защитной линии довольно широко распространены в Приобье: кулайские городища Паргалак II (Яковлев, 1981. С. 9—11. Рис. 11) и Саровское (Чиндина, 1978), средневековые Сосновское II (Дульзон, 1956. С. 127—128. № 124. Рис. 7) и Завьялово VI (Троицкая и др., 1980. С. 40—41. № 20. Рис. 26), недатированные Могила Агумена (Дульзон, 1953. Рис. 12), Тургайское II (Дульзон, 1956. С. 156. № 265. Рис. 58), Завьялово VII (Троицкая и др., 1980. С. 41—42.

№ 21. Рис. 28) и др. Как видно даже из столь краткого списка примеров, сооружение городищ с изгибом фортификационного контура наружу являлось устойчивой линией аборигенного градостроительства. Благодаря и параллельно ей со второй половины I тыс. н. э. в оборонительных постройках Обь-Иртышья начинают возникать фланкировочные выступы. Совершенствование западносибирских фортификационных систем в конце I — начале II тыс. н. э. вызвано двумя причинами: усилением процесса классового разложения, оформлением общества военной демократии с сопутствующими ему военными конфликтами (Чиндина, 1977. С. 119—130) и беспокойной политической обстановкой, связанной с началом тюркской экспансии и вызванными ею этническими передвижками (Финно-угры и балты... С. 234).

Нельзя не обратить внимания на застройку городищенской площадки — способ организации построек, взаиморасположение их относительно друг друга внутри фортификационных укреплений. Ее упорядоченность в форме замкнутого овала, повторяющего линию укреплений, определенная связь ориентации жилищ с этой же линией — эти факты, конечно же, не случайны. Очевидно, замкнутая планировка раньше возникла в западных районах Западной Сибири. Одним из наиболее ранних памятников с такой застройкой следует признать тобольское поселение Ташково II XVIII—XVII вв. до н. э. (Ковалева, 1988). Круговая планировка была характерна и для некоторых зауральских городищ IV—III вв. до н. э., например, Инберень IV (Корякова, 1988. С. 22—23. Рис. 1—4). У приобских городищ раннего железного века подобная организация жилищ, за редким исключением (Бийское VII — Кунгуров, 1987. С. 41), распространения не получила. Для средневековых поселений Западной Сибири стремление к рациональному использованию укрепленной площадки становится более заметным, растет удельный вес жилых комплексов с упорядоченной, в том числе и замкнутой планировкой. В качестве примера организации жилого пространства в виде замкнутой фигуры со свободным центром можно привести некоторые средневековые городища Среднего Приобья: Беляйское (Дульзон, 1953. Рис. 8), Нагорный Иштан I (Плетнева, 1984. Рис. 71), расположенное по соседству с Карбинским городищем II Карелинское II (Гребнева, 1982. С. 40—41. Рис. 161—163; Яковлев, 1986. С. 10—11). Все они имеют мысовый тип укреплений, определивший подтреугольную форму городищ, и цепочку жилищ

по контуру. Для средневековых неукрепленных селищ тенденции к замкнутой планировке не прослеживается.

Кольцевые замкнутые формы предполагают наличие какого-то организующего центра: водоема, административной или хозяйственной зоны и т. д. (Липинская, 1974. С. 276). В южных скотоводческих регионах площадки посередине городища часто использовались в качестве загона для животных. В комплексном хозяйстве рёлкинцев, очевидно, развивалось и скотоводческое направление (Чиндина, 1977. С. 119), но небольшая площадь свободного от западни центра Карбинского городища II делает маловероятным предположение о размещении на этом участке сколько-нибудь значительного стада скота. Здесь, скорее, уместно иное предположение. Известно, что на всем протяжении своего существования городища играли полифункциональную роль, являясь, среди прочего, и религиозными центрами. Эпоха раннего средневековья не была исключением: предположительно культовые сооружения вскрыты на городищах Логиновском (Генинг, Евдокимов, 1969. С. 113—114) и Черный Мыс I (Троицкая и др., 1980. С. 161). При замкнутой застройке идеальным (и в плане военной безопасности, и в плане организующего ядра поселения) местом для культового сооружения является именно центр. В какой-то мере предположение о сакральном характере объектов в середине некоторых городищ может опираться на западносибирский, и, в частности, мансийский фольклор. Так, в песнях, исполняемых на медвежьих праздниках, есть слова:

Выбежала тогда младшая
На средину поселка со серединой,
На средину поселка с жертвенной площадкой
И замахнулась там острием топора
Над заплесневелой головой священного зверя.

И еще:

И шагаю...
На средину поселка со серединою.
Вхожу в веселый дом лесного зверя,
Вхожу в веселый дом лугового зверя.

(Авдеев, 1936. С. 59, 64).

В первом случае на центральной площадке поселка находился череп медведя, во втором — культовое сооружение со шкурой этого же животного. Тавтологический оборот «средину поселка со серединой», уже своим построением

недвусмысленно подчеркивающий важность этой планиграфической детали, встречается и в других местах «медвежьих псесен». В качестве культового сооружения иного облика в центре городища мог стоять столб. С XVIII в. на обскоугорских поселениях исследователями отмечаются шесты или столбы, к которым привязывались жертвенные животные, подвешивались дары духам, скальпы побежденных врагов. Показательно их название — «городские столбы» (Kajalainен, 1922. С. 43—54, 136. Рис. 17). В селькупском фольклоре также распространен сюжет о столбе, расположенном в центре городища, передающемся по мужской линии даже при матрилокальной форме брака и помогающем богатырю-защитнику в момент вражеского нашествия (Бабушкин, Қошелев, 1961. С. 28—29). Впрочем, могли иметь место и другие формы культовой атрибутики.

Карбинское городище II — первое исследованное городище релкинской эпохи, тем более в правобережье Среднего Приобья, где памятники этого времени вообще еще исследованы довольно слабо. Этот факт, а также яркий облик укрепленного поселения, включающий в себя оригинальную фортификацию с фланкировочными выступами и замкнутую кольцевую планировку жилой площадки, делают изучение Карбинского городища II насущной необходимостью. Последующие материалы в состоянии уточнить предварительную культурно-хронологическую оценку памятника и пролить свет на эволюцию военного дела (фортификационного искусства, тактики) и планировочных поселенческих систем, на другие проблемы этнокультурного развития Западной Сибири.

Н. В. БЕРЕЗОВСКАЯ, М. Г. ЛОСКУТОВА, Л. А. ЧИНДИНА

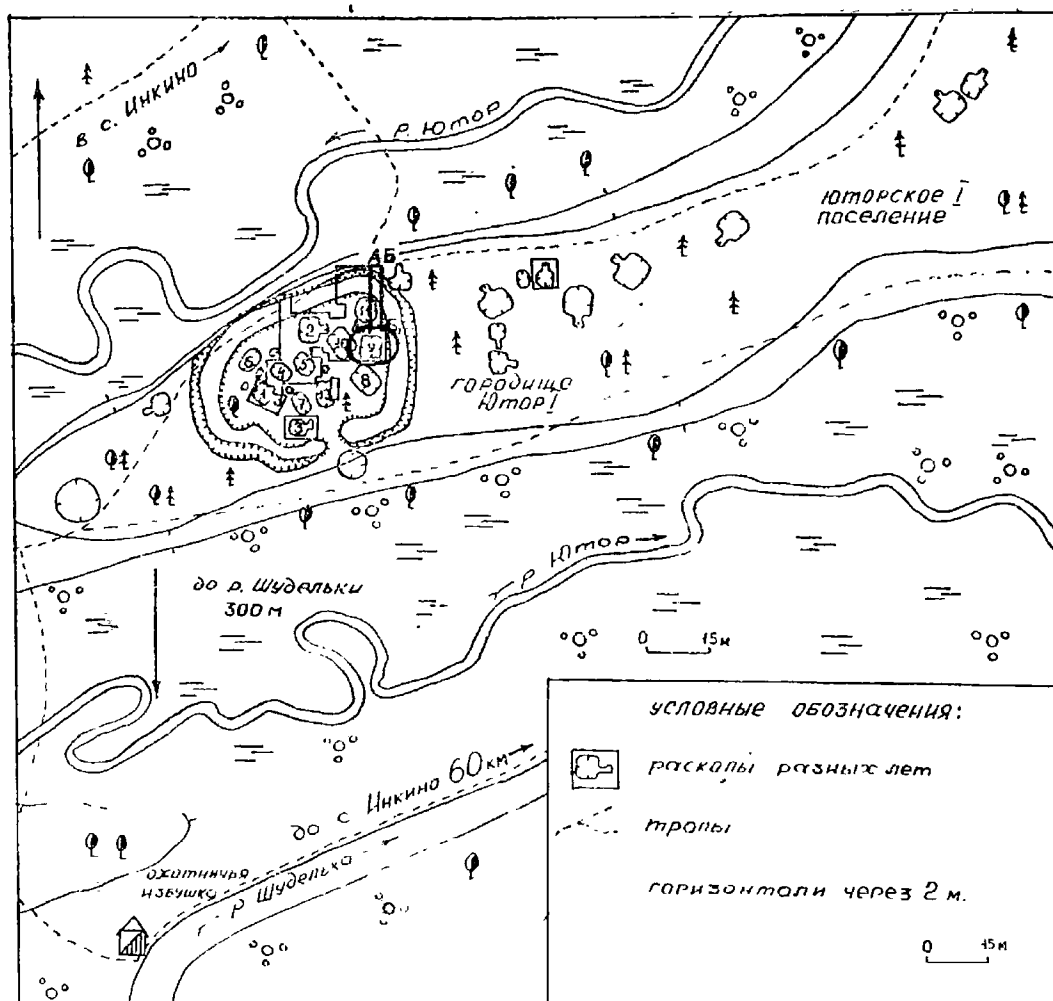
МНОГОСЛОЙНОЕ ГОРОДИЩЕ ЮТОР I

Городище Ютор I расположено на территории Инкинского сельсовета Колпашевского района Томской области, в 50—60 км от с. Инкино на юго-западной окраине Большого Инкинского болота, в 2 км выше устья р. Ютор, слева впадающей в р. Шудельку (левый приток р. Оби). Городище расположено на стрелке второй надпойменной террасы, окруженной болотистой поймой реки. К городищу с восточной стороны примыкает Юторское I — открытое поселение-селище (рис. 1).

Памятники открыты в 1965 г. Л. А. Чиндиной (1965). Раскопки ею проводились в 1970, 1972, 1974, 1986, 1987 гг. небольшими объемами, так как памятники находятся в отдаленном, труднодоступном, безлюдном районе без коммуникаций и большой стационар здесь развернуть нельзя.

На территории городища сохранилось 11 западин, из которых 8 вошли в раскоп общей площадью 470 кв. м. Западины различались размерами и формой между собой. Визуально выделены три группы: I. Квадратные глубокие (до 120 см) западины с хорошо заметным коридорообразным выходом, расширяющимся на конце. II. Овальные без заметных выходов, глубиной 30—50 см. III. Прямоугольные, без обозначенных выходов, глубиной 60 см.

Раскопки показали, что первая группа жилищ являлась однотипной и синхронной жилищам Юторского I селища. Более того, они не имели отношения к городищу как объекту специального назначения, а появились, когда оно уже перестало функционировать. Об этом свидетельствует типологическое и хронологическое различие керамики с жилищ первой группы от той, что собрана на жилищах других групп. Кроме того, важны показания стратиграфии: выкиды при строительстве жилищ 1 и 2 (I группа) перекрывали слои

РАЗРЕЗЫ С-Ю

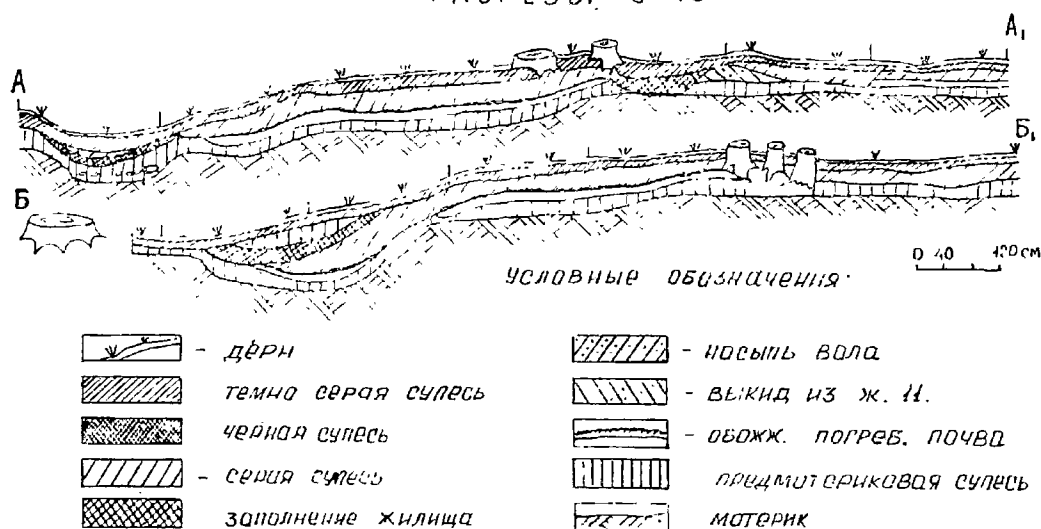

Рис. 1. Общий план городища Ютор I поселения Юторское I. Разрез А—А₁, профиль Б—Б₁

жилищ II—III групп, а выкид из жилища 2 перекрывал ров и вал, и нет следов их подновления. Однако установить это удалось не сразу: в 70-х гг. велись раскопки только на жилищах I группы, давшие материал второй трети II тыс. н. э. Поэтому в ранних публикациях городище датировано как памятник позднего средневековья (Чиндина, 1973), что, как выяснилось в дальнейшем по отношению к городищу, оказалось неверным. Автора раскопок ввел в заблуждение тот факт, что при визуальном осмотре и раскопках жилищ I группы не была найдена керамика ранних форм и не зафиксировано ни одного случая, где бы поздние жилища прорезали старые ямы.

ГОРОДИЩЕ ЮТОР I (ЮГ-1)

Городище Ютор I относится к террасным, имеет одинарную, почти замкнутую трапециевидную оборонительную систему с выходом в южной части (рис. 1). В настоящее время вал сильно оплыл, ров затянулся и только с восточной стороны сохранил более четкие очертания. Современная высота вала составляет 1,5 м со дна рва, ширина 2 м, глубина рва 0,8 м, ширина 2—2,5 м, общая длина оборонительных сооружений около 140 м.

В настоящее время исследована часть оборонительных сооружений общей площадью 50 кв. м. В 1970 г. через ров и вал была проложена небольшая траншея, раскоп 1986 г. захватил часть оборонительных сооружений, и в 1987 г. был заложен раскоп, в который входил северо-восточный угол городища. В результате работ удалось восстановить первоначальные параметры рва, подготовительный этап возведения оборонительных сооружений. Первоначальную высоту вала и конструкцию фундамента восстановить значительно труднее.

Перед возведением фортификационных сооружений путем обжигания поверхности была произведена расчистка места. Об этом свидетельствует углистый погребенный слой и белесый песок под ним, образовавшийся от сильного воздействия огня (рис. 1). Первоначально ров городища имел 100—120 см в ширину и был углублен в материк на 25—80 см. Дно рва, возможно, было выложено плашками (рис. 1). Основание вала укреплялось: под насыпью зафиксированы столбовые ямы диаметром от 12 до 24 см и глубиной от 4

до 60 см. Небольшие размеры раскопа не позволили обнаружить систему в расположении пятен и реконструировать деревянные детали фортификационных сооружений городища.

Жилище 4 расположено в центральной части городища. Визуально фиксировалось как овальная западина без выхода (рис. 2).

Прямоугольный котлован площадью 17,6 кв. м вытянут по линии СЗ—ЮВ. Глубина котлована 60—70 см от появления контуров. Котлован заглублен в материк на 20—30 см.

Очаг прямоугольной формы находился в центре жилища. Его размеры: $1,9 \times 0,55 \times (0,15—0,2)$ м. Четкие углистые контуры позволяют предположить наличие ящика-рамы из плах. В центре ящика, заполненного серой супесью, было овальное пятно прокала и золы размером $0,8 \times 0,6$ м. Сверху очаг перекрыт черно-бурым слоем. В западной части очага найден развал сосуда.

Пол жилища—плотный черный слой мощностью 1,5—3 см. Выход не прослеживается.

Столбовая конструкция жилища представлена двумя парами ям, расположенными параллельно торцовым сторонам очага (диаметром 0,15—0,2 м, глубиной до 0,6 м).

Жилище 5 расположено в 2 м к востоку от жилища 4 и параллельно ему. Зафиксирован прямоугольный котлован площадью 24 кв. м. Его глубина от появления контуров 50—60 см. Нижний горизонт котлована выбран до материка, не углубляясь в него (рис. 2).

Наземный очаг-кострище неправильно-овальной формы находился в центре жилища. Его размеры по линии СЗ—ЮВ: $1,4 \times 0,8 \times 0,15—0,2$ м. Верхняя часть очага состоит из слоя бурой супеси, ниже — прокал и зола.

Пол прослеживается черной прослойкой мощностью 1,5—2,0 см.

Столбовые ямы расположены по периметру стен (п. 5, 6, 7, 14, 12), две пары ям параллельны торцам очага (п. 3, 4, 8, 9): одна пара — в стенках очага и одна (п. 13) — в его центре.

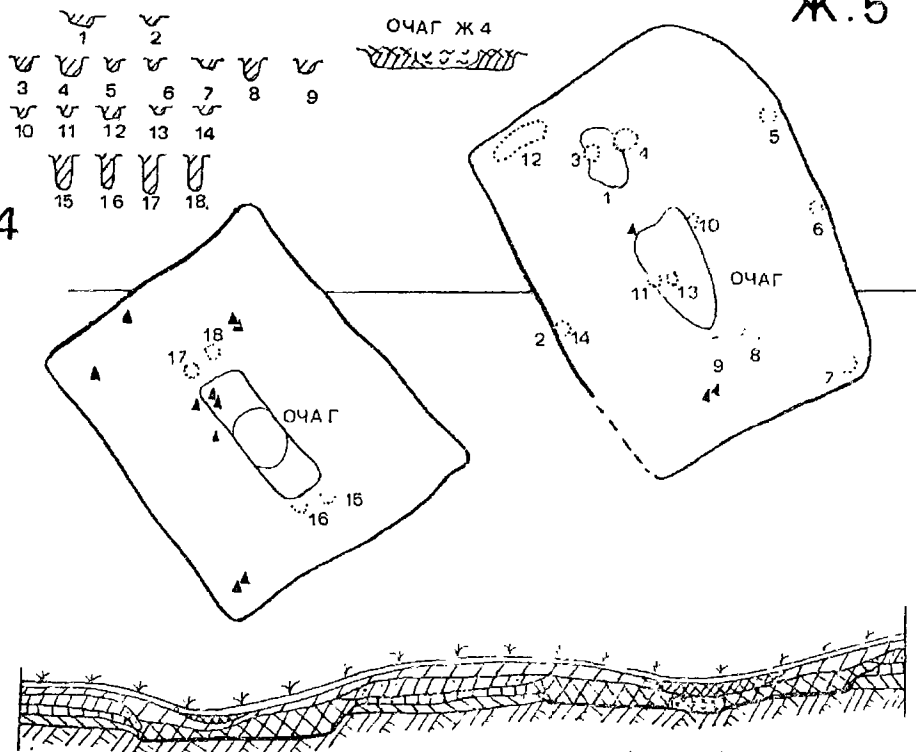
Выход отсутствует.

Находки в жилище немногочисленны и представлены керамикой.

РАЗРЕЗЫ Ю-С

Ж.5

Ж.4

РАЗРЕЗЫ Ю-С

Ж.10

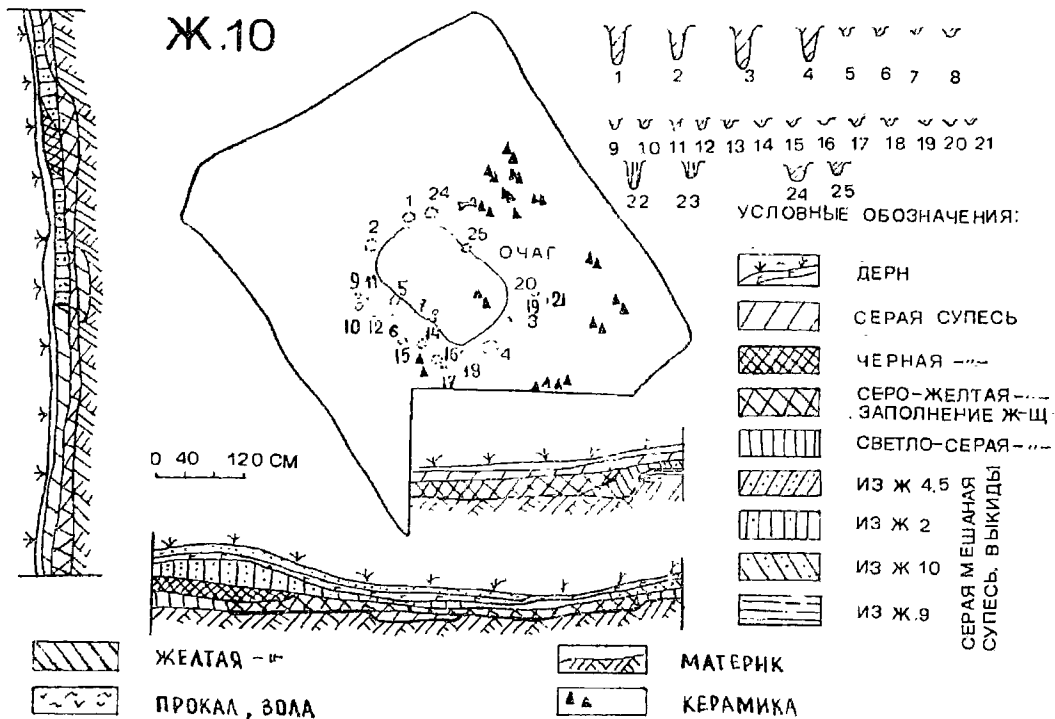

Рис. 2. Планы и разрезы жилищ 4, 5, 10 городища Ютор I

Жилище 9 примыкало к восточной стороне оборонительных сооружений и просматривалось как прямоугольная западина, ориентированная по линии З—В (рис. 3).

Котлован жилища имел форму неправильного квадрата площадью около 22 кв. м и был ориентирован по линии ССЗ—ЮЮВ.

Перед возведением жилища поверхность была обожжена, а затем расчищена. Котлован прорезал верхние слои и частично заходил в материк на 10—20 см. Общая глубина котлована от появления контуров составляет 50—60 см.

Наземный очаг-кострище неправильно-овальной формы, располагался в центре жилища. Его размеры: $1,2 \times 0,8 \times 0,15$ м. Заполнение очага — углистая супесь, зола, прокаленная супесь.

Пол жилища состоял из прослойки черной супеси мощностью 2 см.

Выход в плане не фиксируется, но у северо-восточной стенки котлована были обнаружены материковые останцы, похожие на ступеньки.

Столбовые ямы частью тяготеют к стенам котлована, частью расположены вдоль стенок очага, две пары расположены параллельно и образуют четырехугольник.

Находки представлены керамикой, обломками двух плоскодонных тиглей, обломком медной проволоки и капель высокооловянистой бронзы; располагались по всей площади жилища, не образуя системы.

Жилище 10 находилось западнее жилища 9 и представляло собой прямоугольную западину, ориентированную по линии С—Ю (рис. 2).

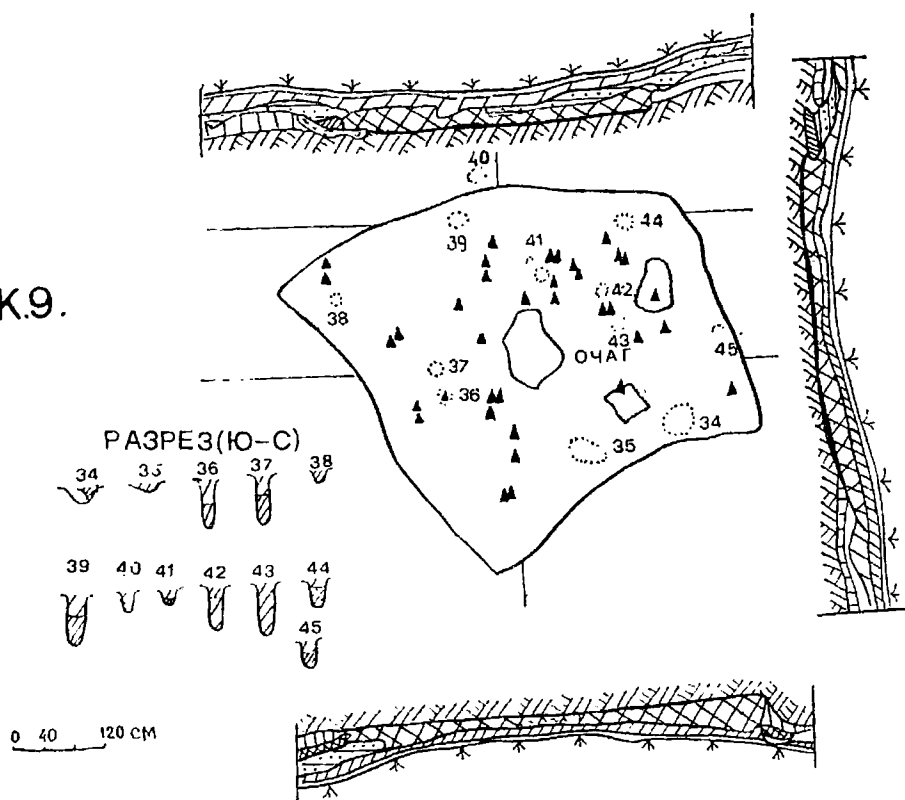
Прямоугольный котлован площадью около 45 кв. м вытянут по линии СЗ—ЮВ. Подготовительный этап заключался в выравнивании поверхности, в результате чего котлован углублен в материк на 10—20 см. Глубина от появления контуров составляет 40—60 см.

Очаг располагался в центре жилища и представлял собой деревянную раму размерами $1,8 \times 1,2 \times 0,1$ м, набитую песком, над которой зафиксирована перемешанная масса углистой супеси, прокала, забросков золы мощностью 10—12 см, углублялся в материк на 8—10 см.

Пол жилища — плотный черный слой мощностью 1,5—2,0 см.

Выход не обнаружен.

Ж.9.

Ж.11.

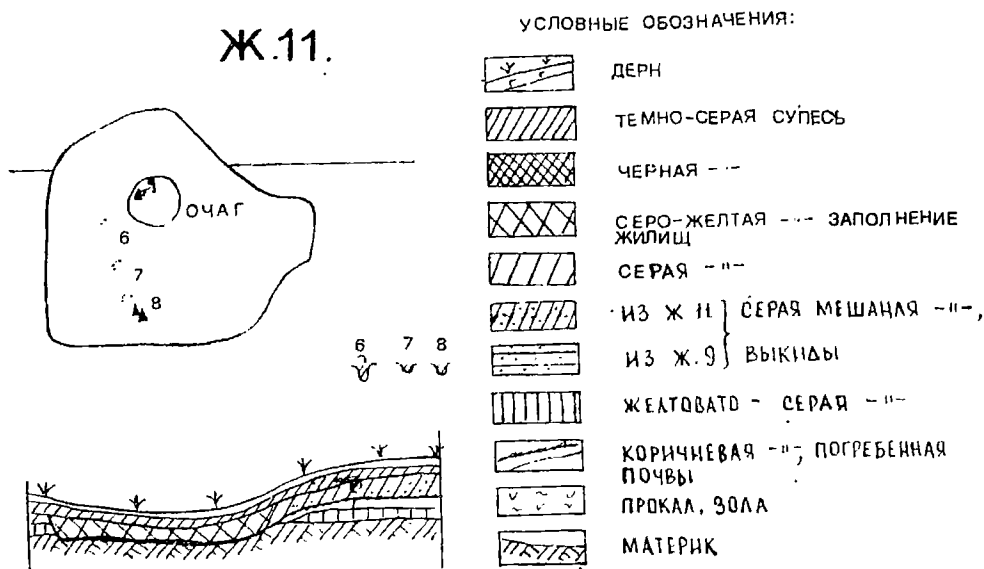

Рис. 3. Планы и разрезы жилищ 9 и 11 городища Ютор I

Четыре столбовые ямы парами расположены возле торцовых сторон очага. По продольным его сторонам располагалась серия ямок диаметром от 8 до 12 и глубиной до 16 см, очевидно, поддерживавших раму. Две ямы глубиной 20 и 40 см зафиксированы у северо-восточной стены котлована.

В жилище обнаружено большое количество находок: керамика, кости животных, которые концентрировались в основном в центре и ближе к северо-восточной стене котлована.

Жилище 11 визуально просматривалось как овальная западина без видимого выхода, ориентированная по линии С—Ю (рис. 3).

Котлован имел неправильную подквадратную форму площадью около 9 кв. м, ориентирован выходом на восток. Древняя дневная поверхность перед строительством жилища была обожжена, выравнивание было минимальным. Котлован заглублен в материк на 10—15 см, общая глубина от появления контуров составляет 30—50 см.

Очаг наземный, круглой формы, размерами 0,7×0,1 м, расположен в северной части котлована и представляет из себя смесь прокаленного оранжевого песка, золы и угля. В очаге обнаружены фрагменты керамики и челюстные кости животного. Остатков рамы не обнаружено.

Выход в плане имеет форму овального выступа с шириной основания 1,2 м и длиной 0,6 м.

Три столбовые ямки расположены цепочкой между очагом и юго-западным углом жилища. Диаметры пятен 10 см, глубина 19,5; 10,5; 17 см. Находки в жилище немногочисленны: керамика, кости животных.

Жилища 4, 5, 9, 10, судя по сохранившимся остаткам, были однотипны и частично могут быть реконструированы. Постройки относятся к полуназемным, скорее всего к каркасным. Глубина котлованов в среднем 50—70 см от поверхности времен застройки. Площадь от 18 до 45 кв. м. Несущие опоры устанавливали в центре котлована, заглубляя их в грунт на 50—70 см. Диаметр столбов 20—30 см. Вверху столбы соединяли обвязкой, получали прямоугольную, иногда сильно вытянутую (жилище 5) раму. Хорошо сохранившиеся остатки столбовых ям, хотя и не всегда глубоких, в жилищах 5 и 9 дают основание предполагать подводку дополнительных опор: угловых и от центра долевых стен наклонных лаг. Скорее всего, они также обвязывались поперечными жердями, так как большая пло-

щадь стен, особенно долевых, требовала страховки. К обвязкам прислоняли жерди или плахи, нижней опорой которых служило основание стен котлована. Жилище приобретало форму пирамиды, вероятно, усеченной, с прямоугольным основанием (рис. 4, А).

Подобные модели жилищ известны из этнографии хангов, селькупов, шорцев, тубаларов, хакасов (ИЭАС, 1961. С. 146. Табл. XII, 5, 13; Пелих, 1972. С. 52. Табл. XXXII, 2).

подавляющее большинство находок на городище составляет керамика, которая преимущественно концентрировалась в жилищах, но встречена и в межжилищном пространстве (рис. 5).

Для анализа взяты фрагменты от 27 сосудов. Сосуды лепные, сделаны из хорошо промешанного теста с примесью песка, шамота и дресвы. Керамика имеет чаще всего черный или серый неравномерный цвет с пятнами кирпичного оттенка, что свидетельствует об обжиге посуды с частичным доступом воздуха. В ряде случаев поверхность покрыта обмазкой более светлого цвета. Толщина стенок 3—8 мм.

Плохая сохранность керамики не позволяет полностью реконструировать форму сосудов, поэтому для характеристики взяты высотно-горловинный, широтно-горловинный показатели, указатели профилировки шейки и выпуклости плечика (по программе Генинга).

Керамика Юторского городища I большей частью представлена горшками со средней высотой шейки, широким горлом, прямой, изредка с наклоном внутрь шейкой, слабо-выпуклым средним или низким плечиком. Венчики часто утолщены, заострены или срезаны прямо или внутрь, их диаметр от 13 до 26 см. Обнаруженные фрагменты позволяют говорить о том, что сосуды были круглодонные или с яйцевидным дном (рис. 5).

В орнаментации явно преобладают ямка и гребенка. Единично встречены штампы (уточка, змейка, елочка). Часто по венчику дан формовочный валик. Наиболее распространенные мотивы горизонтальный и наклонный (рис. 5). Композиционно орнамент обычно состоял из нескольких рядов горизонтальной гребенки, чередующихся с зонами наклонной или вертикальной гребенки. Основная масса сосудов орнаментирована до плечика, реже — только шейка. 37% сосудов орнаментированы по обрзу венчика наклонными отпечатками гребенки. В жилище 5 обнаружен сосуд баночной формы, орнаментированный прочерченными линиями в

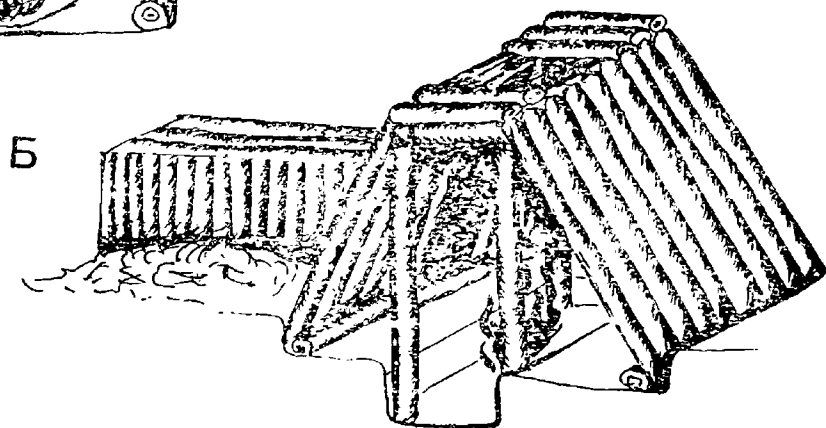
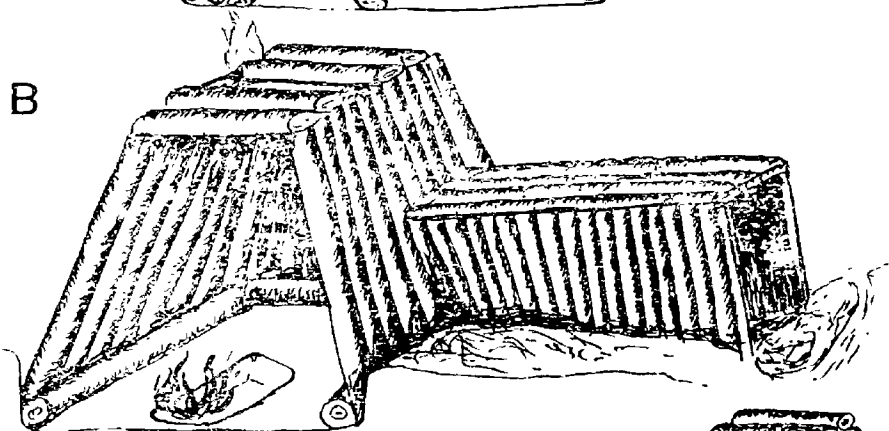
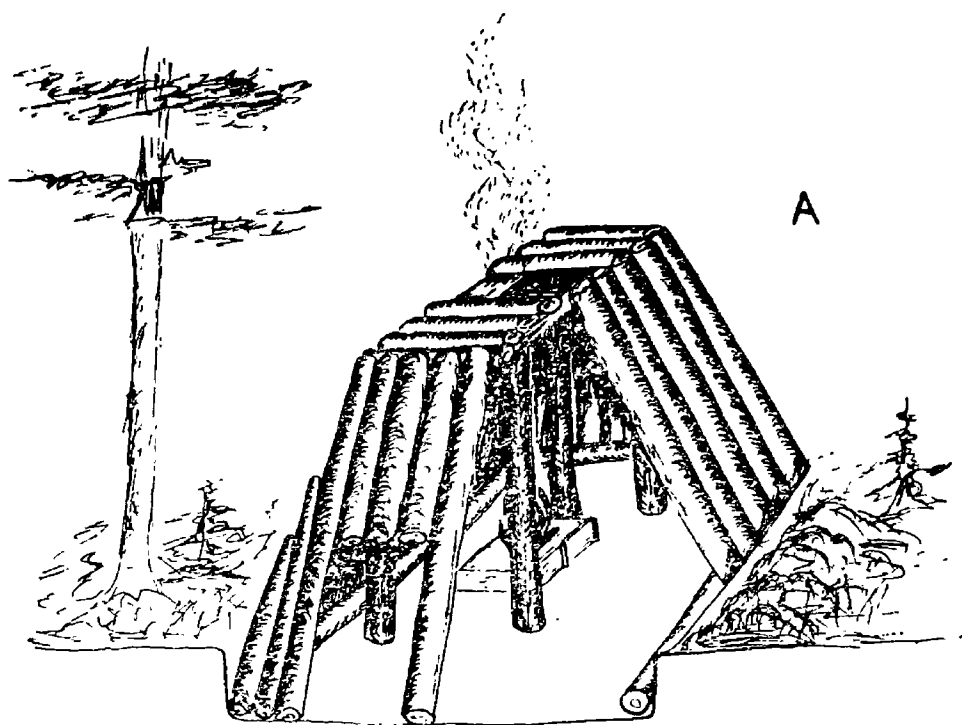

Рис. 4. Реконструкция жилищ. А — Юторского городища; Б, В — Юторского поселения I

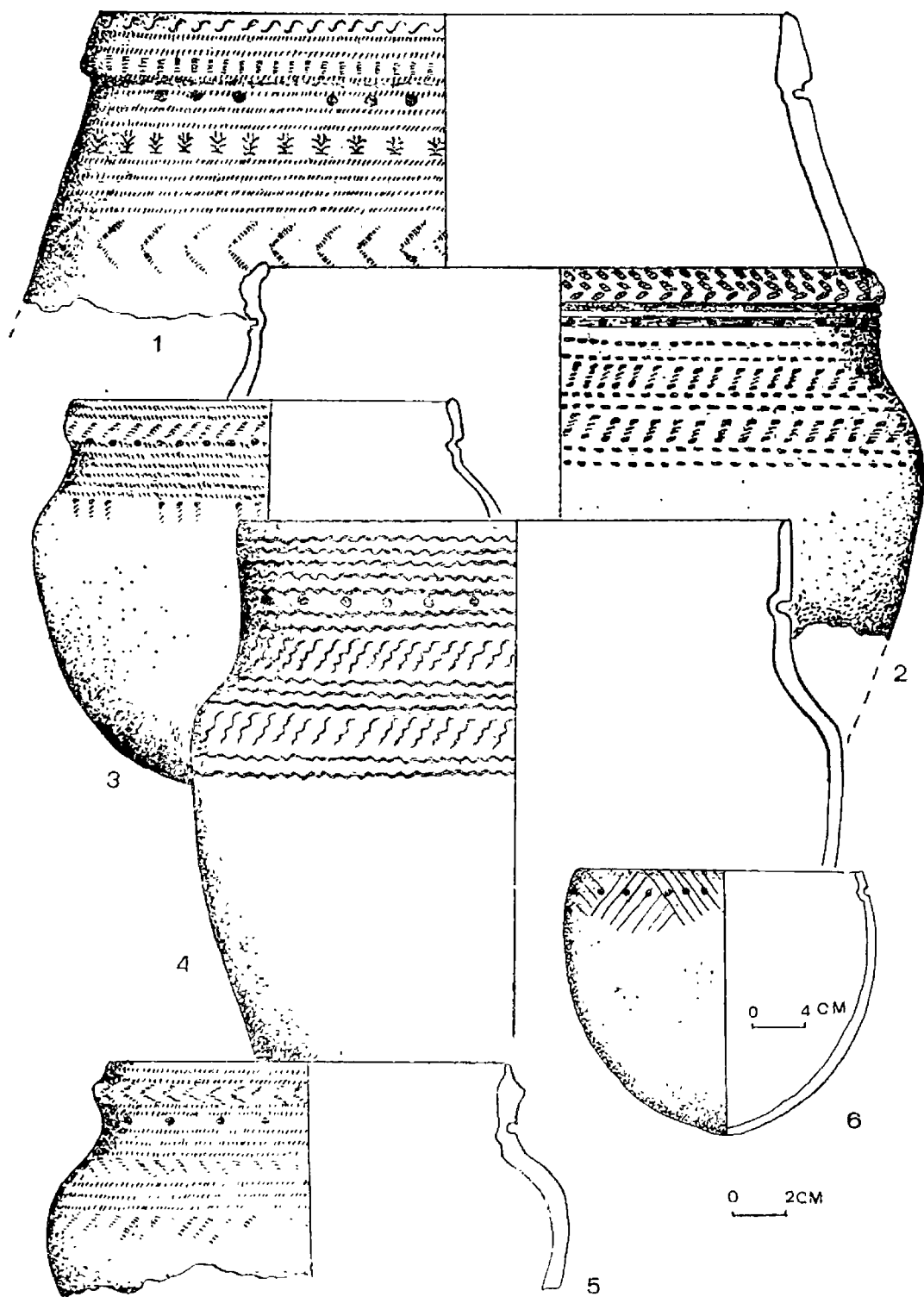

Рис. 5. Керамика городища Ютор I

виде паркета (рис. 5, 6), который выбивается из ряда довольно стандартной посуды городища Ютор I.

Нож с прямой спинкой, небольших размеров (10 см) обнаружен в жилище 5 (рис. 6, 2).

Оселки (2 экз.) обнаружены в заполнении рва (рис. 6, 4, 5) прямоугольных форм (один обломан).

Пряслице из слоистого камня диаметром 6,5 см найдено в жилище 9 (рис. 6, 8).

Тигли. Фрагменты двух плоскодонных тиглей из жилища 9 (рис. 6, 7, 9). Кроме перечисленных находок большой интерес представляют всплески высокооловянистой бронзы и кусок медной проволоки, обнаруженные в этом же жилище.

На памятнике собран значительный костный материал (табл. 1), позволяющий говорить о комплексном ведении хозяйства.

Т а б л и ц а 1

Вид животных *	Количество особей	Количество костей
Ж. 10		
Крупный рогатый скот	1	1
Северный олень	1	2
Лошадь	1	2
Собака	1	4
Лось	2	4
Птица	1	1
Неопределимые		10
Ж. 11		
Крупный рогатый скот	1	1
Росомаха	1	2
Неопределимые		1

Определения здесь и далее выполнены П. А. Косинцевым.

Это первые свидетельства о существовании разнообразного скотоводства в это время в Нарымском Приобье.

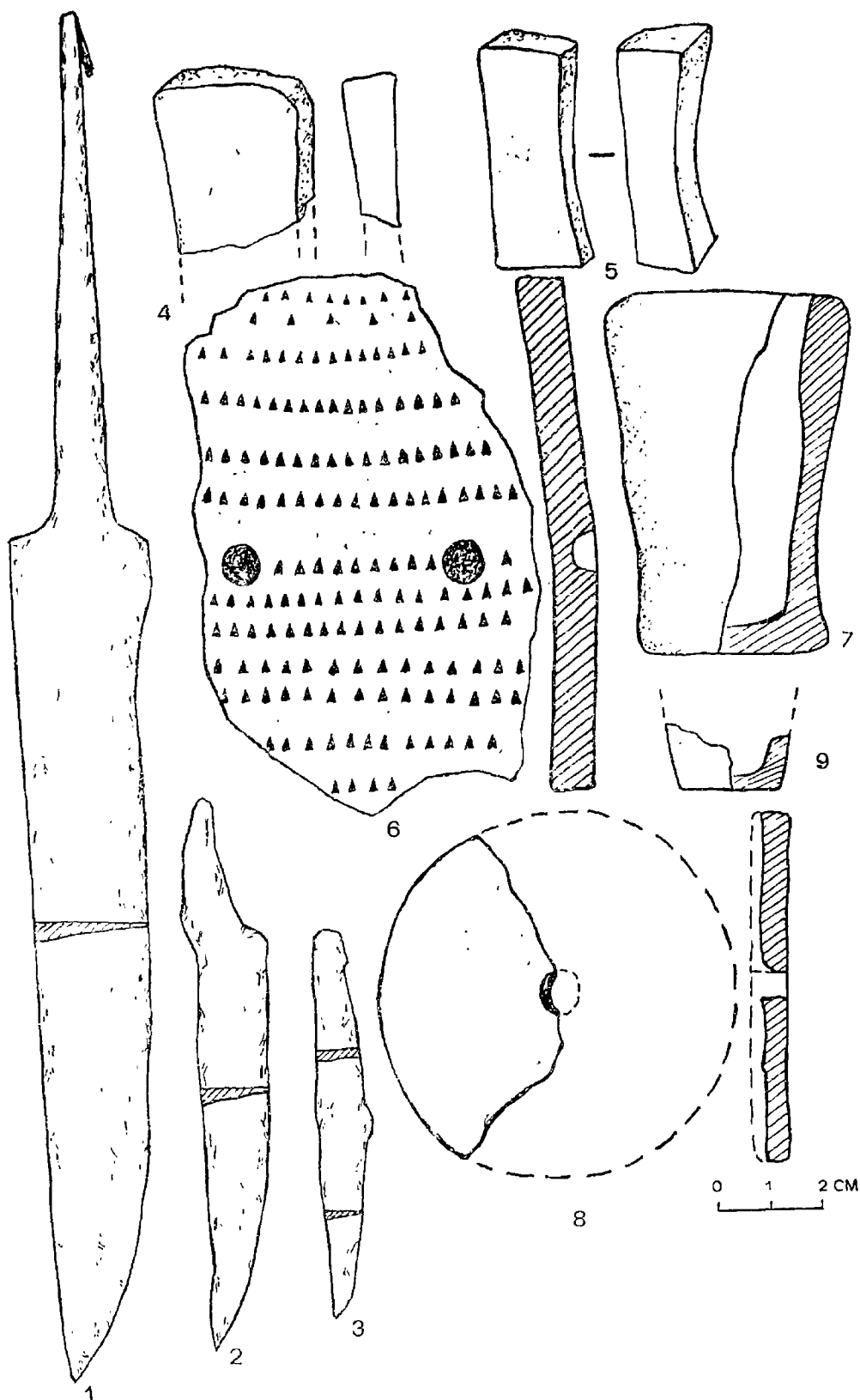

Рис. 6. Инвентарь городища Ютор I (2, 4, 5, 7—9), поселения Юторское I (1, 3)

Инвентарь городища не дает оснований для датировки памятника. Керамика также характеризуется своеобразием и не вписывается полностью в известные датированные комплексы. Ближе всего она к релкинской керамике. Их объединяет единство форм, в орнаментах используются многие общие мотивы, аналогичны композиции. Однако есть и отличия. В формах юторских сосудов развит воротничковый венчик, который в классической релкинской керамике занимает небольшой процент. Например, ниже по Шудельке в 20—25 км от Ютора на релкинском поселении Турбабино I воротничковых сосудов, собранных также в 5 жилищах, только 9% (Габдрахманова, Чиндина в настоящем сборнике). В орнаментах редко используются фигурные штампы, в композиции они выглядят менее выразительно; почти полностью исчезает пильчатая гребенка, желобок, зато широко распространяется зубчатая гребенка (правда, более изящная, чем на большинстве релкинских сосудов I типа) и формовочный валик на венчике. Мотивы становятся более однообразными, широко применяется горизонтальная елочка, составленная из гребенчатых штампов. Вообще-то гребенчатая орнаментация с учетом всей композиции во многом сходна с релкинской I типа (Чиндина, 1991), и крайне трудно провести между ними грань. Тем не менее с воротничковой формой, залощенной поверхностью сосудов (новая техника) юторская керамика смотрится своеобразно. В то же время эти новации сближают юторскую керамику с вожпайской, которая, к сожалению, еще сама нуждается в более твердой датировке. По имеющимся сейчас данным, ее датируют IX—X вв. н. э. (Чернецов, 1957; Финно-угры..., 1987).

В целом можно сказать, что керамика Юторского городища I, как и сам памятник, относится к финальному этапу релкинской культуры и датируется IX в., скорее всего, второй его половиной, так как с материалами первой половины IX в. встречается релкинская керамика первых трех типов (Чиндина, 1977; Плетнева, 1984).

ЮТОРСКОЕ I ПОСЕЛЕНИЕ (ЮП-I)

К поселению кроме собственно поселенческих отнесены раскопанные жилища 1, 2, 3, находящиеся на территории городища Ютор I. Из 12 западин ЮП-I, расположенных за пределами городища, раскопана одна. Визуально все жили-

ща выглядят как глубокие квадратные западины с коридорообразным выходом. Вокруг жилищ есть обваловка — завалинка 40—80 см высотой. Жилища поселения не нарушали западин на городище, органично вписывались между ними. Это связано с устойчивым поверьем у самодийских народов о том, что нельзя ставить новое жилье на месте старого, так как оно нечистое (Нансен, 1969. С. 78). По этой же причине до настоящего времени охотники не восстанавливают старых обвалившихся зимовий, предпочитая строить новые.

Тем не менее временной разрыв между существованием двух памятников был значительным: образовался прочный дерновый слой, а в ранних западинах (жилище 10) до позднего выкида (жилище 2) появился стерильный песчаный слой, образовавшийся под влиянием атмосферных воздействий.

Жилище 1 представляло квадратный котлован, площадью 13 кв. м, углубленный в грунт от дневной поверхности на 80—100 см, из них в материк — на 40—50 см (рис. 7). В котловане хорошо сохранились остатки деревянных конструкций: плотно к стенам, вдоль них лежали головешки жердей диаметром 10—12 см. Перпендикулярно стенам, внахлест жердям и под ними, местами плотно друг к другу, лежали плахи шириной 14—15 см, толщиной 3—4 см, длиной 80 см. В углах находились жерди, расположенные по диагонали котлована. В юго-западном углу сохранились остатки обгоревшей березовой коры.

Пол котлована прослеживался темной прослойкой супеси.

В центре котлована было внутреннее углубление квадратной формы площадью $1,6 \times 1,6$ м, глубиной в материк от уровня пола жилища 20—25 см. Вдоль западной и частично восточной стенки лежали остатки обгоревших жердей диаметром 10—12 см. Из юго-восточного угла отходили по диагонали более мощные балки, в юго-западном углу сохранились остатки сгоревшего столба диаметром около 17 см. Углубление было завалено углями, сгоревшими плахами. Под ними находился кострище-очаг диаметром 50 см, мощностью 15—20 см, заполненный золой, прокалом и керамикой.

Выход был в южной стенке, поднимался над уровнем пола жилища на 20 см. Его ширина 40—50 см, длина 120 см. Выход заканчивался овальным углублением, уровень кото-

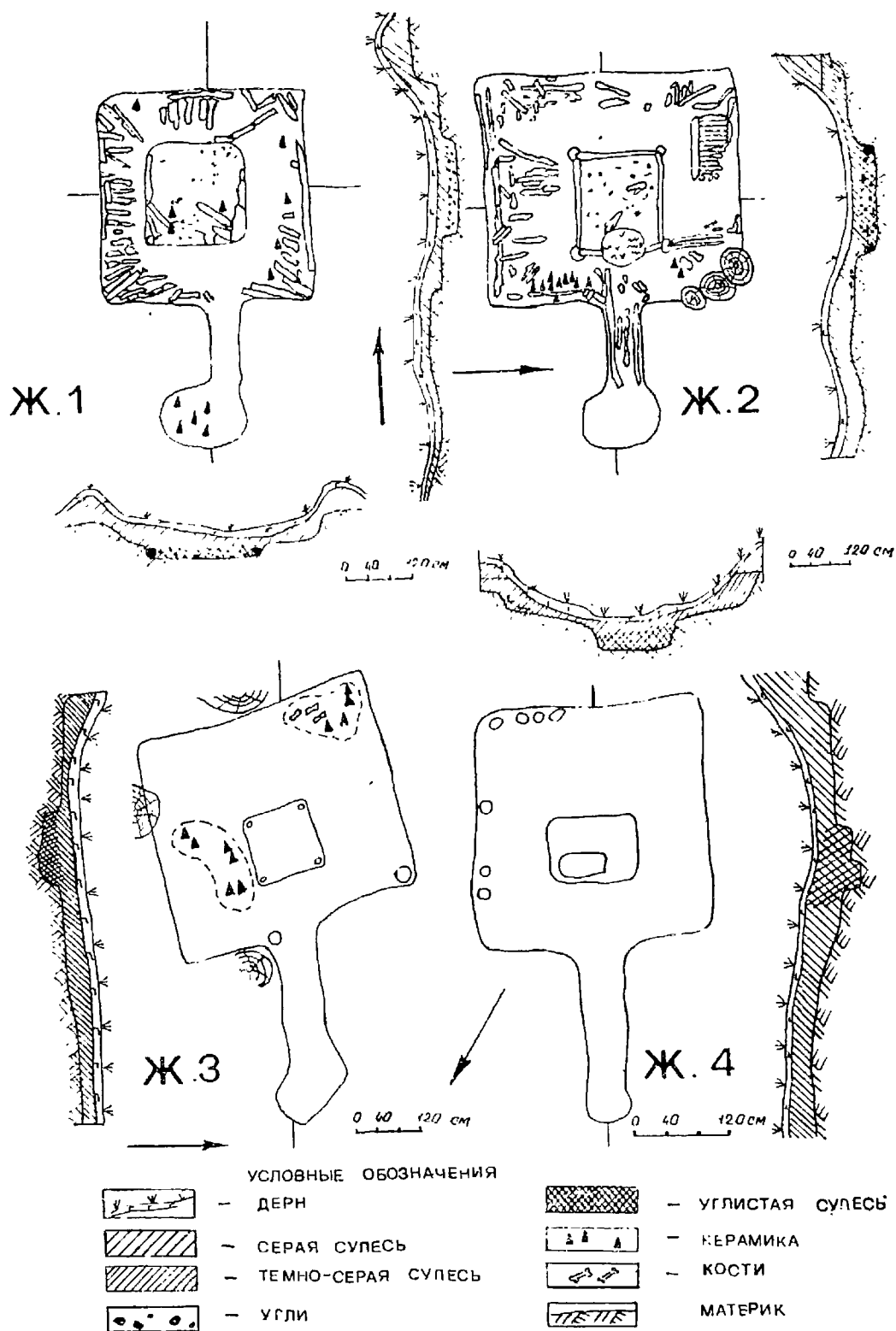

Рис. 7. Планы и разрезы жилищ 1, 2, 3, 4 поселения Юторское I

рого одинаков с внешним углублением жилища. На полу его находились развалы двух сосудов.

Жилище 2—квадратный котлован площадью 26 кв. м. Глубина от погребенной почвы 70—80 см, а от современной дневной поверхности (вместе с обваловкой) 100—130 см, заглублен в материк на 30—40 см, в центре его находится внутреннее углубление, уходящее в материк еще на 35 см размерами $2 \times 1,8$ м (рис. 7).

Вдоль стен лежали обугленные бревна диаметром 20 см. Они придавливали поперечные плашки длиной 80 см. Верхняя часть этих плашек также была придавлена жердями несколько тоньше тех, что находились у основания (диаметром 10 см). В южном и западном углах, по диагонали к центру, прослежены угловые балки.

В пределах внутреннего углубления находилось кострище, углубляющееся в материк еще на 10—12 см (прокал). Стенки самого углубления забраны бревнами (18 см), по углам сохранились следы от столбов (диаметром 20—30 см).

Пол жилища представлен темной супесью.

Выход находился в восточной стенке и был на уровне пола котлована, ширина его 85 см, длина 1,8 м и ведет в углубление круглой формы ($1,4 \times 1,2$ м). Вдоль стен выхода лежали две тонкие жерди, обломки головешек зафиксированы по всему коридору.

Находки из большого числа керамики были разбросаны по всему жилищу, но основная масса сосредоточивалась вдоль северо-восточной стенки, особенно в юго-восточной ее части.

Жилище 3 — квадратный котлован площадью в 9,5 кв. м. Глубина от погребенного слоя 60 см, вместе с обваловкой 100 см, врезан в материк на 20 см. В северном углу было пятно от столба (рис. 7). Пол не выделялся.

Внутреннее углубление квадратной формы ($1,4 \times 1,4$ м) врезалось в материк от уровня пола жилища на 20—40 см. Это был очаг-кострище мощностью 15—20 см из угля, золы и прокала. Стенки углубления забраны мелкими бревнами, крепившимися угловыми колышками, диаметром 10 см, заглубленными на 5—7 см.

Выход в восточной стенке длинный, узкий ($3,2 \times 0,8$ м), расширяющийся в конце. Он несколько возвышался над уровнем пола внешнего углубления. Перед выходом сохранилась яма от косячного столба диаметром 15 см, глубиной 10 см.

Находки распределились в два скопления. В северо-западном углу керамика перемешана с костями рыб и животных. Скопление в юго-восточной части жилища содержало только керамику.

Жилище 4 было раскопано за пределами городища (рис. 7). Оно имело котлован квадратной формы, площадью 9,3 кв. м. Глубина его 60 см от погребенной почвы, в материк на 20—25 см. Вдоль северо-восточной и юго-восточной стен сохранились ямки от 7 столбов (20×10 см).

Внутреннее углубление прямоугольной формы — 1,1×0,8 м, глубина от уровня пола 20 см. В северной части его сохранилось овальное кострище мощностью 15—20 см, из углей, золы, прокала.

Выход был в северо-западной стенке, длинный, узкий (2,2×0,5 м), расширяющийся в конце. Пол коридора несколько выше уровня пола жилища. Найдено несколько фрагментов керамики.

Жилища поселения однотипны, хотя в конструкции есть варианты. Постройки относятся к землянкам с деревянным каркасом в форме усеченной пирамиды с квадратным основанием. В первом варианте (землянки 1, 2) в глубоком котловане делали внутреннее квадратное углубление для очага. Стены его забирали плахами или бревнами, по углам ставили четыре столба-стойки (диаметр 20—30 см), сверху соединяли их рамой-обвязкой, на которую настилали, судя по остаткам, внахлест плахи, укрепляя их у основания между жердями или тонкими бревнами. Сверху шатровое перекрытие застилали берестой и засыпали землей. Коридор также был крытым. Он заканчивался помещением-сенями, которые, возможно, также имели деревянные конструкции, но менее основательные (типа навесов) — во всех землянках не сохранилось никаких следов (рис. 4, А).

Другой вариант отличается от первого тем, что в нем не было опорных столбов в центре, несущие конструкции состояли из поставленных в наклон по углам бревен, жестко скрепленных сверху рамой. Возможно, опорных столбов было больше (землянка 4) (рис. 4, В).

В этнографии такой тип жилищ с различными вариантами известен хорошо. З. П. Соколова, описывая жилища хантов, указывала, что в их этнографии отсутствуют полуземлянки с четырьмя опорными столбами и известны только из археологии (Соколова, 1953. С. 340). Как специфические селькупские такие жилища рассматривает Г. И. Пелих (1972.

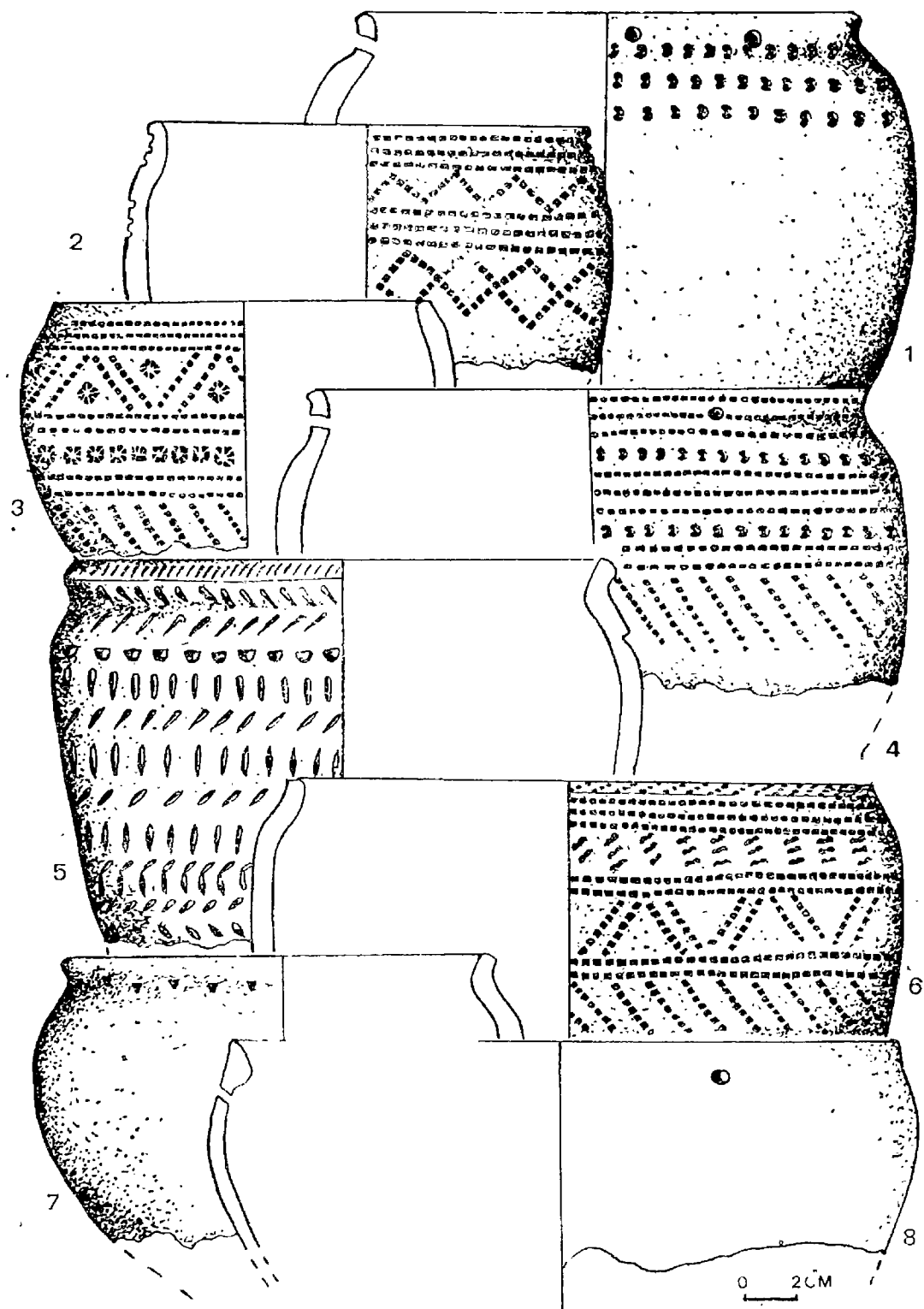

Рис. 8. Керамика поселения Юторское I

С. 52—53), относя их к типу тья-мат. В то же время второй вариант юторских землянок имел широкое распространение в Западной Сибири (ИЭАС, 1961; Соколова, 1957, 1963; Прокофьева, 1956; Пелих, 1972; Шатилов, 1927).

Керамика поселения представлена значительной серией (50 фрагментов венчиков). Однако сохранность ее очень плохая. По своим технологическим свойствам она заметно отличается от керамики городища. Цвет ее в основном желтый и серо-желтый, равномерный. Примесями в данном случае служат шамот и, возможно, органические добавки. Поверхность части сосудов покрыта обмазкой из мелкой дисперсной глины. Толщина стенок 0,5—1,5 см. Форма сосудов: широкогорлые сосуды с низкой слабопрофилированной шейкой и высоким, слабопрофилированным плечиком, срез венчика отогнут наружу. Сосуды круглодонные.

Для орнаментации керамики поселения характерно применение таких элементов, как гребенка многозубая и двузубая. Мотивы: горизонтальный, наклонный зигзаг, елочка (рис. 8). Штампы (розетка и елочка) встречаются в единичных случаях, ямки отсутствуют. Один сосуд орнаментирован гребенчатой качалкой.

Орнамент нанесен по шейке, чаще чуть ниже экватора. Обрез венчика украшен в 5 случаях. Изменился стиль: орнамент расположен неплотно, часто небрежно, не наблюдается той аккуратности исполнения, которая присутствует на керамике из слоя городища. Композиция состоит из 3—4 полос 2—3 рядов горизонтальной гребенки, между которыми находятся либо зигзаг, либо оттиски двузубой гребенки или палочки. Именно в композиции орнамента можно заметить преемственность в керамике городища и поселения. Обоим комплексам характерно наличие разделяющих горизонтальных полос гребенки, состоящих из 2—3 рядов. Эта устойчивая традиция, возможно, отражала магическое смысловое значение этих чисел.

Кроме керамики к этому комплексу, очевидно, можно отнести и большой железный нож (длиной 26 см) с прямой спинкой и уступом при переходе к рукоятки, который обнаружен в заполнении рва (рис. 6, 1).

В жилище 3 поселения собран остеологический материал (табл. 2).

Как видно из табл. 2, население Юторского I поселения занималось комплексным ведением хозяйства (скотоводство, охота и рыболовство).

Т а б л и ц а 2

Вид животных	Количество особей	Количество костей
Крупный рогатый скот	1	1
Лошадь	1	1
Собака	1	1
Лось	1	1
Щука	1	1
Неопределимые		9

Датировка поселения вызывает значительные трудности и в настоящее время возможна как предварительная. Это связано как с малоисследованностью поселений развитого и позднего средневековья, так и с неразработанностью средневековой хронологии Среднего Приобья. Большинство имеющихся источников — могильники, данные которых невозможно с достаточной долей уверенности синхронизировать с материалами поселений. Существует дата, полученная с помощью радиоуглеродного анализа (1120 ± 30 ; Ковалюх, 1980), она проблематична и противоречит датировке по ближайшим аналогам. Керамика Юторского I поселения наиболее близка материалам могильников Мысовского и Мигалка, исследуемых в последние годы (Чиндина, 1987, 1989). Керамика с Мысовского могильника датирована временем до XVI в. (Чиндина, 1987. С. 25), могильник Мигалка — XVI—XVII вв. (Чиндина, 1989. С. 15). Керамика первой хронологической группы Тискинского могильника, которую также можно отнести к кругу близких аналогий (Боброва, 1982. С. 36, 37, рис. 1—1, 3, 10), датируется XII—XIV вв.

Таким образом, можно сделать три основных вывода.

1. Городище Ютор I существовало в конце IX—X вв. и является памятником заключительного этапа релкинской культуры.

2. Юторское поселение I возникло значительно позднее городища, когда последнее перестало функционировать.

Абсолютную хронологию поселения окончательно установить трудно. Аналоги дают две различные даты (XII—XIV вв. и XVII в.). Этот конкретный случай еще раз свидетельствует об острой необходимости разработки хронологической шкалы для керамики средневековья.

3. В методическом плане следует обратить внимание на необходимость более осторожных обобщений по визуальным признакам при характеристике видовых, хронологических и культурных особенностей памятников и, в частности, поселенческих.

А. И. БОБРОВА, Н. В. ПЕТРОВА

ТЯГОЛОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

Тяголовский курганный могильник находится в 10—15 км к северу от пос. Усть-Чая, вниз по течению р. Оби, на ее левом берегу, на северо-западной окраине брошенной деревни Тяголово, в Колпашевском районе Томской области. Площадь памятника 0,5 кв. км. На могильнике зафиксировано около 50 насыпей, частью поросших кустарником и молодым лесом, частью распаханых под огороды. Впервые памятник обследован разведочным отрядом Томского университета в 1976 г. (Боброва, 1976), в 1981 г. снят его план (рис. 1, Файзулина, 1982), в 1982 г. раскопано три кургана (Боброва, 1982).

Курган I (рис. 2) располагался в юго-восточной части могильника. Насыпь овально-вытянутой формы: длина по линии СЮ 8 м, по линии ЗВ 7,2 м, высота от условного нуля, крайней северной точки раскопа — 8 см. Вокруг кургана и на нем зафиксировано шесть ям различных размеров и формы; на их месте заложен раскоп 12,6×9,1 м, который был разделен на четыре участка. Из-за сильной залесенности околокурганные ямы 3,5 не выбраны.

Стратиграфия. Дерн и поддерновая основа — гумусированный песок темно-серого, почти черного цвета мощностью 10—40 см. Под ним слой желтого песка мощностью 4—34 см, ниже суглинок темно-серого цвета (2—28 см). Слой, подстилающий его, — песок светло-серого цвета, в нем прослежено несколько ям. Материк — толща песка серовато-белого цвета.

В раскопе обнаружено четыре погребения.

Погребение I (рис. 2), одиночное, грунтовое в материке, мужское, старше 40 лет¹. Расположено в северо-западном

¹ Определения здесь и далее выполнены А. Р. Кимом (1981 г.), список 75.

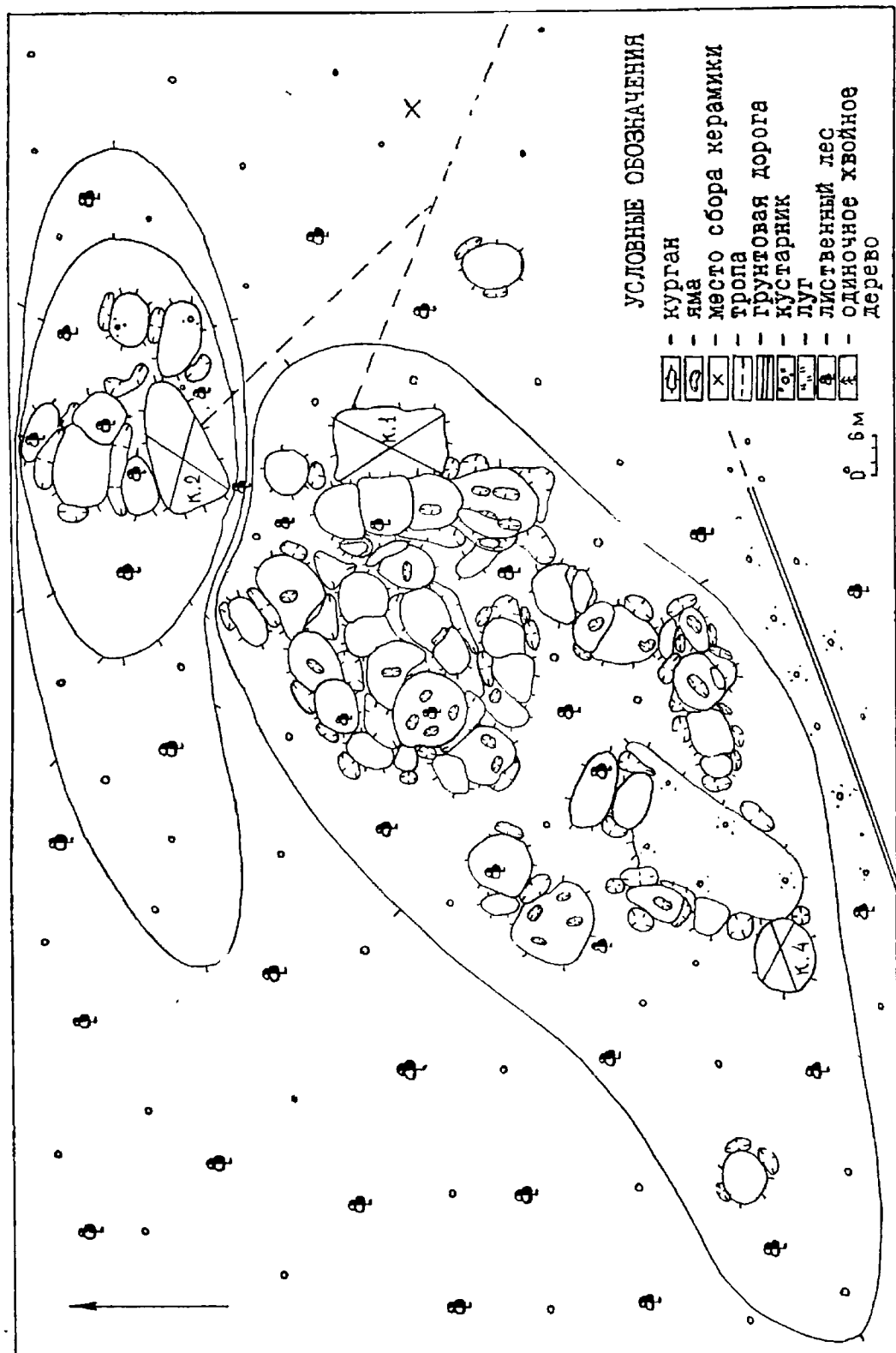

Рис. 1. Тяголовский курганный могильник. Ситуационный план

участке раскопа. Контуры могильного пятна прямоугольной формы размером 240×56 см, ориентированного по линии северо-восток — юго-запад, прослежены на глубине от 20 до 54 см (здесь и далее в тексте глубины даны от современной дневной поверхности). При выборке обнаружены фрагменты человеческого черепа. Заполнение засыпи могилы — светло-

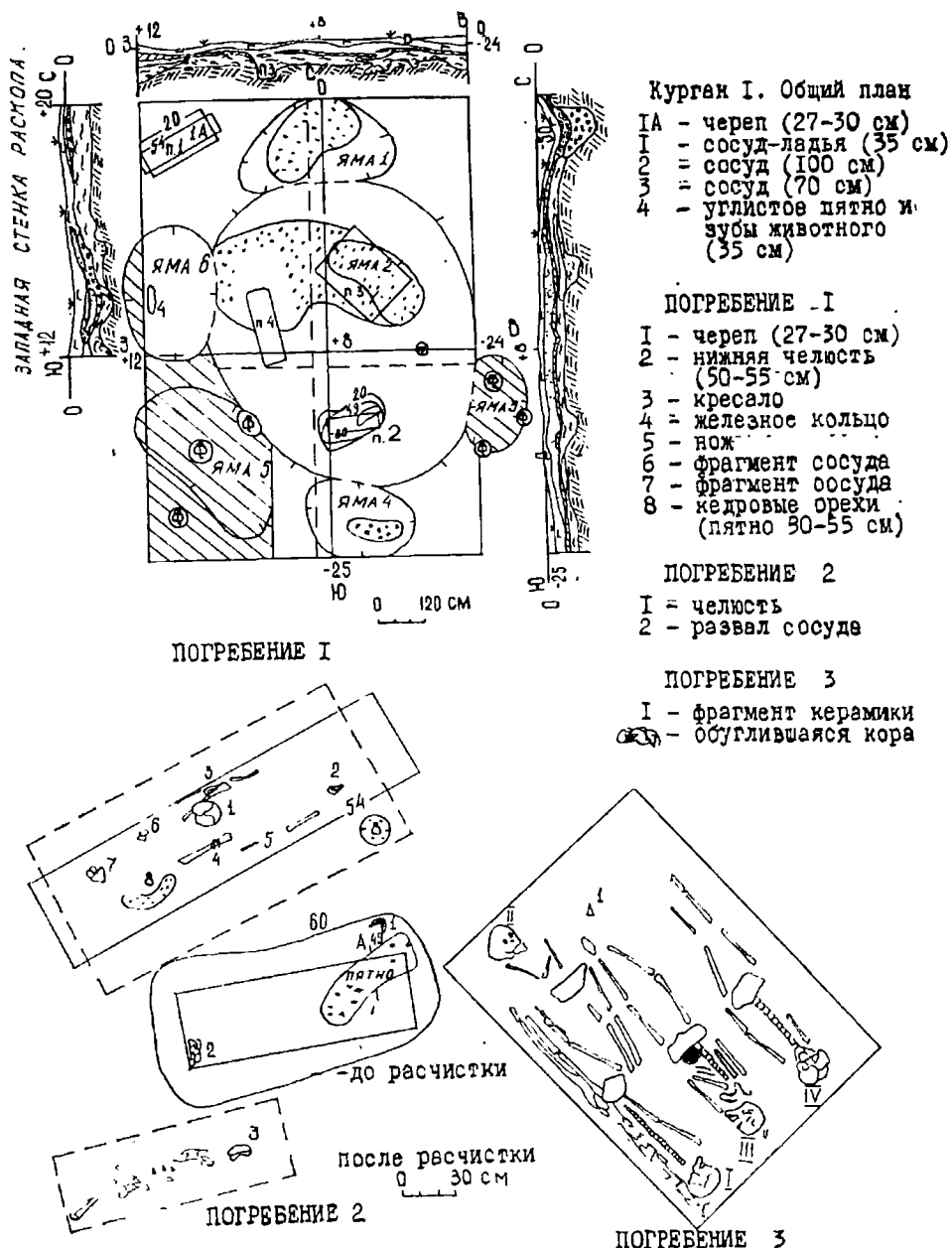

Рис. 2. Общий план и планы погребений из кургана 1

серый песок. Деревянные конструкции погребального сооружения не сохранились. Кости скелета фрагментарны: в северо-восточной части — нижняя челюсть, юго-западнее — кости рук и остатки двух бедренных костей. Под бедренной костью правой и на бедренной кости левой ноги обнаружены два железных кольца (рис. 6, 1), в 10 см от одного из них, слева — железный нож (рис. 6, 2). Около бедренной кости правой ноги сохранились остатки кресала (рис. 6, 3). В юго-западной части погребения расчищены фрагменты сосуда (рис. 6, 4) и железный предмет (рис. 6, 5).

Погребение 2 (рис. 2). Одинокое, грунтовое, мужское (20—40 лет), расположено на юго-восточном участке. Контуры могильного пятна, ориентированного по линии юго-запад — северо-восток, по форме приближающегося к окружности, зафиксированы на глубине 20 см. На глубине 49 см в северо-восточной части окружности отмечено пятно темно-серого суглинка с забросами угля, в 10 см к северу от него найдены остатки нижней челюсти человека (рис. 2, 1), в юго-западной части — развал сосуда (рис. 6, 6). На глубине 80 см пятно приобрело прямоугольные очертания (140×45 см), заполнение его — темно-серый песок, в нем обнаружены останки погребенного. Анатомический порядок нарушен, кости скелета плохой сохранности. Предположительная ориентация умершего головой на ВСВ. Деревянных сооружений над ним не встречено, но остатки настила из коры (?) прослежены под костями. С погребенным находок нет.

Погребение 3 (рис. 2). Коллективное, грунтовое в материке, расположено на северо-восточном участке раскопа. На поверхности над ним зафиксированы контуры ямы 2. При выборке ее песчаного заполнения отмечены углистые забросы. На глубине 100 см прослежена западная граница погребения в виде обуглившейся коры, на которую был положен один из погребенных, видимо, закрыт он был корой же, фрагменты ее сохранились на костях ног. Остатки истлевшего дерева отмечены и на костях черепа. Каких-либо других фрагментов погребального сооружения не обнаружено. Прямоугольные контуры ямы фиксировались темно-коричневым слоем мощностью 8 см, а после снятия костей — железняковистыми стяжениями на ее дне. Ориентация могилы по линии северо-запад — юго-восток, размеры 220×160 см. Умершие похоронены друг около друга в ряд, трое ориентированы головой на юго-восток, один на северо-восток. Со-

хранность костей плохая. Костяк I: мужчина, 35—40 лет. Умерший похоронен вытянуто, на спине, череп развернут лицевым отделом вправо. Фаланги правой руки — на костях таза, кости левой — вдоль туловища. Костяк II: женщина, 40—45 лет. Умершая похоронена вытянуто, на спине, лицевым отделом череп развернут влево. Руки скрещены на груди. Костяк III: мужчина 30—35 лет. Умерший похоронен вытянуто, на спине, лицевым отделом череп повернут к костяку I. Руки скрещены на груди. Костяк IV: женщина, 18—20 лет. Плохая сохранность костей затрудняет возможность определения положения умершей, можно сказать лишь, что руки были вытянуты вдоль туловища, а череп лежал на затылочной кости.

С погребенными найден неорнаментированный фрагмент керамики.

Погребение 4 (рис. 2). Выделено условно, по наличию могильного пятна и найденного в его заполнении сосуда. Расположено на северо-западном участке раскопа на глубине 30—40 см, в 5—8 см заполнения встречены мелкие угольки. Могильное пятно (200×60 см) имело четкие прямоугольные контуры, заполнение его состояло из темно-серого песка мощностью до 100 см. В нем не было ни остатков дерева, ни костей, но на глубине 70 см почти в центре расчищен целый сосуд (рис. 6, 7). Пятно было обозначено как погребение, имевшее грунтовую могильную яму.

Кроме погребений на юго-западном участке раскопа на глубине 35 см в слое желтого песка был обнаружен сосуд (рис. 6, 8).

Курган 2 (рис. 3). Располагался к ССВ от кургана I. Представлял собой два слившихся всхолмления: западное, круглой формы, диаметром около 7 м, и восточное, слабое возвышение, отделенное от центра неглубокой западиной круглой формы. Она приходилась на границу с основанием полы западной части кургана. Кроме нее зафиксированы еще четыре ямы и ровик. На месте кургана и ям заложен раскоп 12,4×8,4 м, который был разделен на четыре участка.

Стратиграфия. Дерн и поддерновая основа — гумусированный песок темно-серого цвета мощностью 8—28 см. Насыпь — мешаный песок желто-серого цвета, однородный по структуре, мощность 4—36 см. Под насыпью слой погребенной почвы, песка темно-серого цвета мощностью 4—8 см, под ним песок светло-серого цвета, отделенный от материка

Рис. 3. Общий план и планы погребений кургана 2

прослойкой суглинка темно-серого цвета (4 см). Материк — толща песка серовато-белого цвета.

На раскопе обнаружены два скопления костей человека и два погребения.

Скопление 1 (рис. 3) расположено на юго-восточном участке раскопа, на глубине 20 см. В слое мешаного песка зафиксированы остатки трубчатых костей человека и плаха погребального сооружения. Под одной из костей найден фрагмент керамики. Скопление имело размеры 67×32 см и было ориентировано по линии запад—восток со слабым отклонением к северу и югу.

Скопление 2 (рис. 3) расположено в западной части кургана на площади 210×110 см, где были обнаружены разрозненные кости и остатки трех черепов (2, 3, 4), а также скопление керамики (рис. 6, 9). Все это в перемешанном состоянии встречено на глубине 30—50 см. В северо-западной части скопления найдены фрагменты деревянного сооружения, располагавшиеся бессистемно. Скопление ориентировано по линии северо-запад — юго-восток.

Погребение I (рис. 3) расположено в восточной части, на месте западины округлой формы, на границе двух участков на глубине 40—50 см. Западная граница погребения смыкалась с основанием пола кургана, фиксируя грунтовое захоронение в неглубокой яме. Размеры 174×104 см даны по наибольшей длине сохранившегося от погребального сооружения дерева в юго-западной части и вещественному материалу. От скелета зафиксированы трубчатые кости и кости ребер. Погребение ориентировано по линии северо-запад — юго-восток.

В его восточной части найдены: скопление керамики (рис. 6, 10, 11), камень без следов обработки, железный нож (рис. 6, 12), фрагмент керамики (рис. 6, 13). В западной — скопление керамики от двух сосудов (рис. 6, 14, 15) и развал третьего (рис. 6, 16).

Погребение 2 (рис. 3). Одинокое, наземное на погребенной почве (?). Расположено в северо-западной части кургана, на северо-западном участке раскопа, на глубине 40—50 см. Размеры: 160×65 см. Под дерном на глубине 14—18 см зафиксирована мешаная земля темно-серого цвета, насыпанная над погребением. От погребального сооружения прослежены остатки древесного тлена вдоль правой половины скелета, часть костей которого отсутствует. Найденные ко-

линии север—юг — 7,2 м, по линии запад—восток — 7,8 м, высота от условного нуля крайней северной точки основания кургана — 24 см. К юго-востоку от кургана отмечена яма (1) округлой формы (240×220 см).

В насыпи обнаружено шесть погребений.

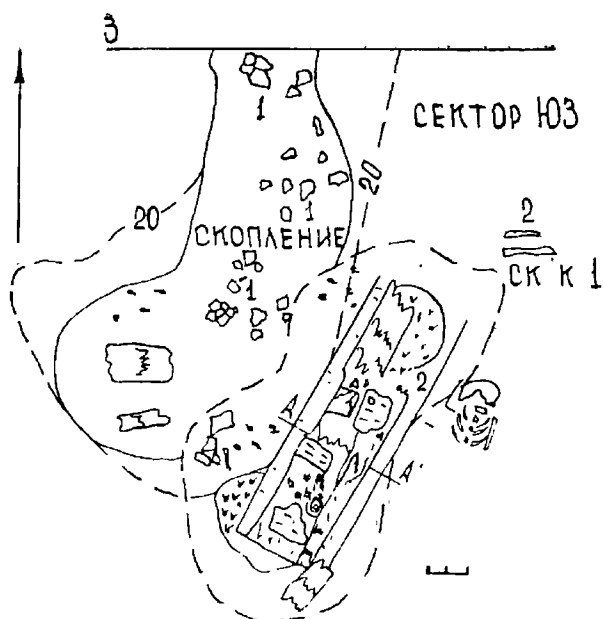
Стратиграфия. Дерн и поддерновая основа — гумусированный песок темно-серого цвета (5—40 см). По линии разреза север—юг на фоне желтого песка прослежен песок светло-серого цвета, заполнявший углубление в южной половине и яму грунтовой могилы (погребение 2) — в северной. По линии запад—восток он не зафиксирован. Тонким слоем отмечен песок темно-серого цвета (2—10 см), прерывающийся на месте грунтовых ям (погребенная почва). Материк — песок серовато-белого цвета.

При снятии дерна в северо-восточном секторе и на глубине 20 см в юго-западном секторе найдены многочисленные фрагменты керамики и скопления 1 от двух сосудов (рис. 7, 1, 2, 3). В южной части пятна-скопления встречены мелкие угольки. Юго-восточнее его на той же глубине зафиксированы контуры другого пятна в виде вытянутой с юго-запада на северо-восток восьмерки, прослеженной узкой каймой темно-серого песка по краю пятна. К юго-востоку от него расчищено погребение 1.

Погребение 1 (рис. 5). Грунтовое, в материке, одиночное, детское (3—6 лет)². Размеры даны по углистым контурам могильного пятна: 148×50 см. Наиболее сильным огонь был в северо-восточном и юго-западном концах погребения, где отмечены пятна прокаленного песка ярко-красного цвета, оконтуренные черной каймой углистого заполнения. При обуглившихся конструкциях погребального сооружения, состоявшего из бревенчатой рамы-обкладки, перекрытия из плах и фрагментов бересты (?), кости погребенного оказались совершенно незатронутыми огнем. Кости плохой сохранности, часть их отсутствует. В центре погребение нарушено. Найденные в насыпи в северо-восточной части сектора трубчатые кости ребенка, возможно, имели отношение к этому захоронению.

Умерший похоронен вытянуто, на спине, головой на ССВ, лицевой отдел черепа повернут на В. Возле нижней челюсти на остатках свалявшегося длинного меха рыжего цвета най-

² Определения здесь и далее выполнены В. А. Дремовым, 1981, список 81.

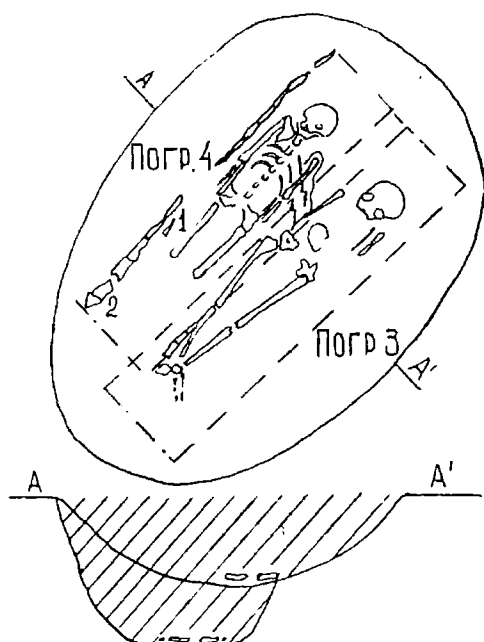
ПОГРЕБЕНИЕ 1 СКОПЛЕНИЕ 1

ПОГРЕБЕНИЕ 1 СКОПЛЕНИЕ 1

- 1 - скопление керамики № 1
- 2 - трубчатые кости
- 3 - бронзовые подвески
- 4 - вертикальный колышек

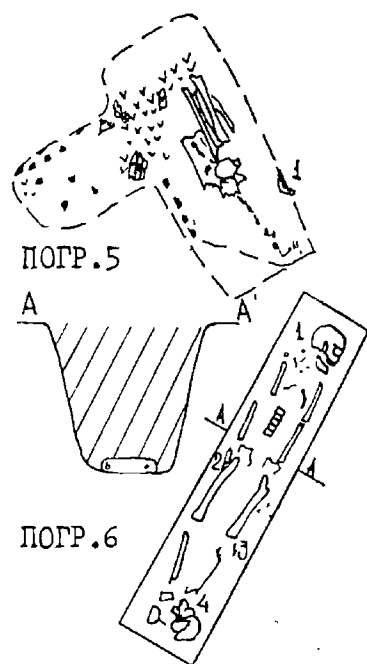
ПОГРЕБЕНИЯ 5, 6

- 1 - бусина
- 2 - нож с костяной рукоятью
- 3 - неопределенный железный предмет
- 4 - сосуд

ПОГРЕБЕНИЯ 3, 4

- 1 железный нож (?)
- 2 сосуд-ладья

ПОГРЕБЕНИЯ 5, 6

0 30 см

Рис. 5. Погребения кургана 4

дено 5 бронзовых бубенчиков с прорезью (рис. 7, 4). Левее черепа в пятне прокаленного песка встречено несколько мелких бело-голубого цвета кальцинированных косточек. По ним трудно судить, кому они принадлежали: человеку или животному. Возможно скопление керамики I (рис. 7, 5, 6) и остатки кальцинированных косточек представляли собой единый комплекс, связанный с поминальными действиями над погребением 1. В погребении обнаружена бронзовая полая подвеска (рис. 7, 7).

В юго-западной части погребения, нарушая целостность сооружения и прорезая его почти до дна, стоял обуглившийся колышек.

Погребение 2 (рис. 5). Грунтовое в материке, женское (16—20 лет). На глубине 36—40 см в северо-восточном секторе обнаружены контуры могильного пятна, ориентированного по линии юго-запад — северо-восток. Заполнение — светло-серый песок. Погребение нарушено: к северу от него на глубине 15—30 см на площади 80×60 см в слое мешаного песка обнаружены разрозненные кости взрослого человека и фрагменты керамики от двух сосудов скопления 2 (рис. 7, 8, 9), которые можно рассматривать как выброс погребения 2. Могила располагалась в материке на глубине 40 см. В северо-западной части у границы ямы и материка зафиксирована вбитая в грунт толстая плаха высотой около 60 см, она находилась над погребением и лежала плашмя, в направлении север—юг. В могильной яме в северо-восточной ее части обнаружен череп. Ближе к юго-восточной и южной границам встречены фрагменты керамики (рис. 7, 10), лунница (рис. 7, 11) и напоясло (рис. 7, 12).

Погребения 3 и 4 (рис. 5) расположены в юго-восточном секторе кургана. Перекрывают друг друга. На глубине 20 см над ними были прослежены контуры пятна округлых очертаний, ориентированного по линии юго-запад — северо-восток, представлявшего собой окантовку серого песка на фоне желтого. После выборки заполнения на 10 см расчищены кости таза одного из погребенных (погребение 3). Все кости, кроме нижней челюсти, лежали в анатомическом порядке, кости грудного отдела не сохранились. Размеры погребения 3 (200×50 см) даны по контурам могильного пятна, заполнение которого — песок светло-серого цвета мощностью 7—10 см. Погребение, видимо, мужское, 40—60 лет. Остатков погребального сооружения не встречено. Умер-

ший похоронен вытянуто, на спине, головой на северо-восток. Инвентарь отсутствует.

Погребение 4 расположено на 30—40 см ниже погребения 3. Размеры: 180×50 см. Остатки погребального сооружения в виде древесного тлена зафиксированы в северо-западной части около погребенных и под костями левой руки (погребение 4). Видимо, они представляли собой подстилку и покрытие из коры. Кости плохой сохранности. Погребение женское (около 35 лет). Умершая похоронена вытянуто, на спине, головой на СВ, руки вдоль туловища. Возле бедренной кости правой ноги обнаружены остатки железного ножа (рис. 7, 13), в юго-западном углу погребения — сосуда без орнамента (рис. 7, 14).

Погребение 5 (рис. 5). Нарушено, видимо, одиночное (?), взрослое. На глубине 40 см в северо-восточном секторе у самого основания полы, при слиянии ее с полкой другого кургана, обнаружены остатки углей, прокаленный песок, забросы угля и кости человека, а в стенке — фрагмент черепа. Часть костей лежала на обуглившейся плахе настила, остатки которого зафиксированы и далее к юго-востоку. Подпрямоугольной формы пятно в северо-западной части меняло конфигурацию — перпендикулярно длине были прослежены контуры еще одного пятна прямоугольных очертаний, заполнение которого — прокаленный песок и угли, они находились в одной плоскости с тем, где были обнаружены кости и плаха. При расчистке обнаружен фрагмент венчика сосуда (рис. 7, 15).

Погребение 6 (рис. 5). Одиночное, грунтовое, в материке, женское (30—40 лет). Расположено на границе двух секторов на глубине 92 см. На втором горизонте вдоль западного края погребения зафиксированы темно-серые контуры пятна, на глубине 50 см они оставались стабильными. К востоку от него на той же глубине выявлены контуры нового пятна, заполненного песком темно-серого цвета.

Могильная яма (185×40 см) имела прямоугольную форму.

Умерший похоронен вытянуто, на спине, головой на северо-восток. Руки вдоль туловища. Кости скелета плохой сохранности.

В области черепа и нижней челюсти обнаружены бусы (рис. 7, 16), подвеска (рис. 7, 17), вдоль бедренной кости правой ноги — железный нож с костяной рукоятью (рис. 7, 18), в ногах — развал сосуда (рис. 7, 19).

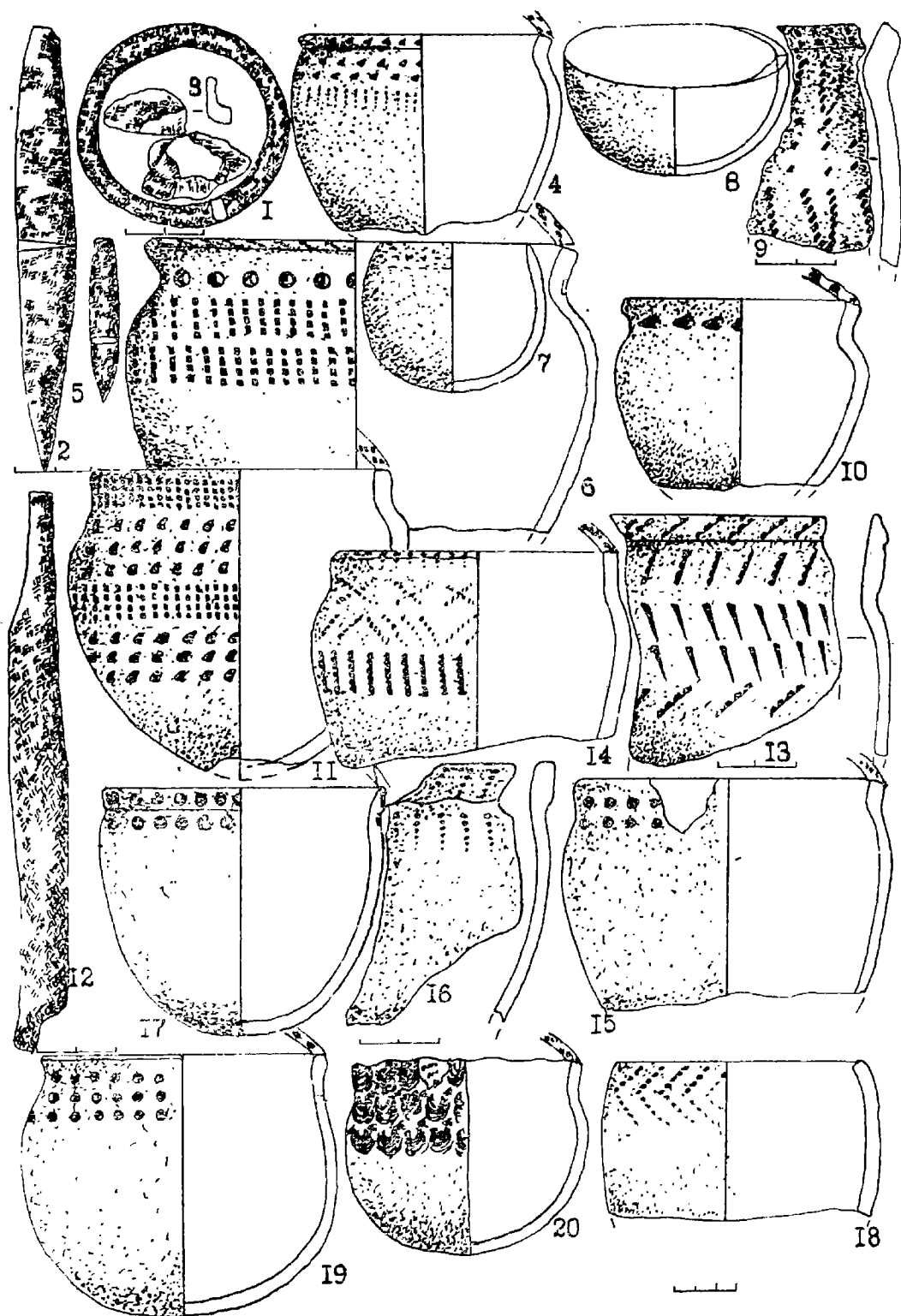

Рис. 6. Инвентарь: 1—5 — курган 1, погребение 1 (1, 2, 5 — железо); 6 — курган 1, погребение 2; 7, 8 — курган 1, погребение 4; 9 — курган 2, скопление 2; 10—16 — курган 2, погребение 1; 17, 18 — курган 2, погребение 2; 19—20 — курган 2, отдельные находки

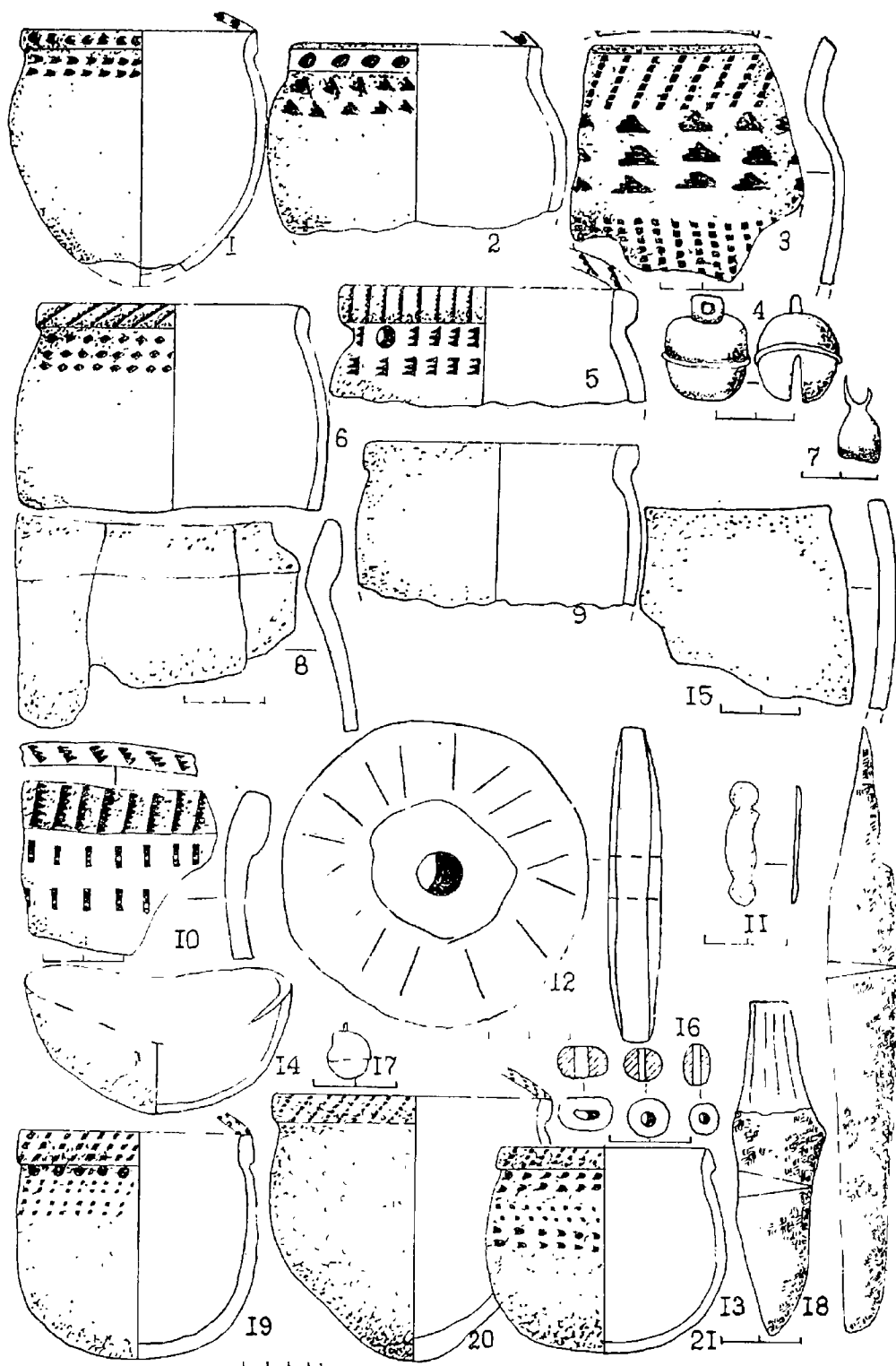

Рис. 7. Инвентарь: 1—3 — курган, сектор северо-восточный и юго-западный; 4—7 — курган 4, погребение 1 (4—7 — бронза; 8—12 — курган 4, погребение 2 (11 — бронза); 13—14 — курган 4, погребение 4 (13 — железо); 15 — курган 4, погребение 5; 16—21 — курган 4, погребение 6 (16 — стекло; 17 — ?, 18 — железо)

Над погребением в области черепа и ног, на глубине 25 и 30 см в засыпи могилы были обнаружены фрагменты керамики от двух сосудов, по-видимому, поставленных специально (рис. 7, 20, 21).

Наиболее представительной категорией инвентаря является керамика. В коллекции 29 сосудов: целых — 11, для 8 форма восстановлена почти полностью, у остальных — верхняя часть. Техника изготовления небрежная, допускалась асимметрия в форме, поверхность иногда бугристая, есть следы починки.

По форме сосуды делятся на горшки, банки, ладьи.

Горшки. Полностью реконструировано 12, верхняя часть — у 12, 15 имеют воротничковый венчик.

Орнамент нанесен на срезе венчика, шейке, плечиках, иногда до половины сосуда. Распространенными элементами орнамента были оттиски гребенчатого штампа (мелкозубого, крупнозубого, с усиленным концом или косо поставленного) и оттиски палочки. На одном сосуде сделаны пальцевые защипы в сочетании с оттиском гребенки.

Мотивы орнамента: горизонтальный, вертикальный, наклонный, елочка и крест.

Композиции орнамента несложные. Простейшие состояли из мотива одного элемента. Без орнамента два сосуда.

Банки — 3 экз. (курган 1, погребение 4, курган 2, погребение 2, курган 4, погребение 5). Целая — одна (курган 1, погребение 4), низкая (диаметр 8 см, высота 7), слегка закрытая, круглодонная, край венчика закруглен, орнаментирована в верхней части двумя горизонтальными процарапанными пунктирными линиями. Две остальные банки реконструированы по фрагментам венчиков. Слегка закрытые, с мягкой профилировкой, край венчика скошен внутрь, верхняя часть сосуда из погребения 2 кургана 2 орнаментирована гребенчатым штампом (мотив елочка). Сосуд из кургана 4 погребения 5 не орнаментирован.

Ладьи — 2 экземпляра (курган 1 из находок в юго-западном участке, курган 4, погребение 4). Целые, неорнаментированные.

Керамика имеет аналоги в поселенческом комплексе и 1-й хронологической группе погребений Тискинского курганного могильника (X — первая половина XII—первая половина XIV вв. н. э.).

Погребальный обряд населения, оставившего Тяголовский могильник характеризуется следующими чертами. Ме-

сто погребения выбрано на невысокой гриве в пойменной части р. Оби. На могильнике встречены грунтовые погребения под курганными насыпями, без насыпей, наземные, под насыпями. Отмечены многократные захоронения под насыпью. Ведущей формой погребения была ингумация, кремация в виде поверхностного обжигания и частично(?) зафиксирована в 3 погребениях. Умерших хоронили вытянуто, на спине, головой преимущественно на северо-восток для них возводили погребальные сооружения в виде ящика из плах, рамы-обкладки из бревен (сруб в один венец). Для подстилки и покрытия использовали кору деревьев.

Хоронили с инвентарем, среди которого обязательной была глиняная посуда (горшки, банки, лады). Орнамент на посуде, как правило, наносили лишь в верхней трети сосуда, в основном это оттиски гребенчатого штампа. Обязательной специфической чертой для этого могильника было устанавливание целых и, возможно, разбитых сосудов в насыпи могильных ям.

По косвенным данным для датировки — наличие посуды над погребенными, небольшие по размерам ножи, форма и орнаментация посуды, раскопанные комплексы могильника ближе к релкинскому времени, нежели к позднему средневековью. Верхняя дата XIII—XIV вв. определяется по наличию в наиболее молодом из погребений кургана 4 бубенчиков с прорезью, известных в новгородских древностях (Седова, 1981. С. 156). По аналогии с керамикой Тискинского поселения нижняя дата может быть предварительно определена X в. н. э. (Боброва, 1982. С. 44).

1955а; 1957; Ураев, 1956; Пеняев, 1948; Синяев, 1950). В. И. Матющенко в 1975 г. исследовал 11 насыпей Берегаевского могильника XVI—XVII вв., известного по материалам А. П. Дульзона (Матющенко, Коркина, 1978. С. 30—50). В период с 1977 по 1985 год Средне-чулымским археологическим отрядом Томского университета под руководством О. Б. Беликовой были произведены рекогносцировочные раскопки на некоторых памятниках позднего средневековья (рис. 1), описанных ниже. Предлагаемая работа ставит перед собой цель введения в научный оборот полученных материалов, расширение круга источников по археологии Причулымья.

Тукайский I курганный могильник (рис. 1; 2). Сведения о памятнике опубликованы Р. А. Ураевым в 1956 г. (Ураев, 1956). В 1983 г. могильник обследован разведочной группой Средне-чулымского отряда (Беликова, 1984).

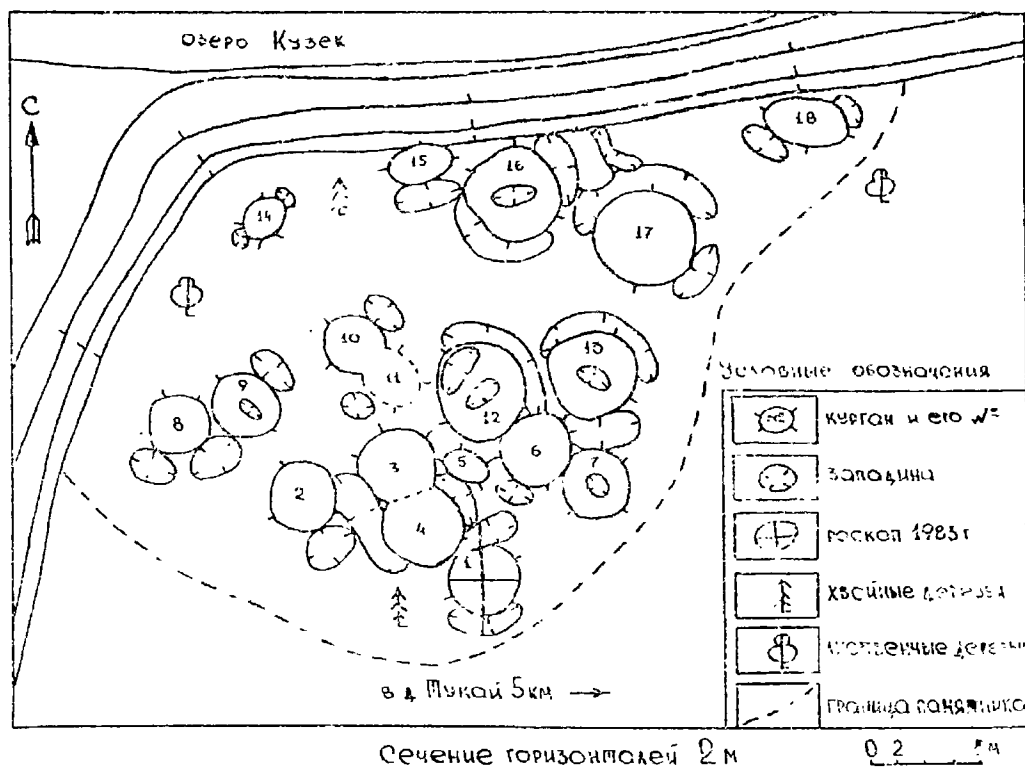

Рис. 2. Общий план Тукайского I курганного могильника

Могильник расположен в 5 км к югу от д. Тукай Зырянского района Томской области на тупоугольном мысу правой коренной террасы р. Кии (левый приток Чулыма),

под которым расположено озеро Кузек. Зафиксировано 19 курганных насыпей размерами от 3,2 до 7,5 м в диаметре и высотой до 1,5 м, некоторые имеют следы грабительских раскопов. В полах курганов прослеживаются околочурган-ные ямы. Площадь памятника (около 2500 кв. м) поросла смешанным лесом.

На насыпи кургана 1 размерами 4,8×5,4 м, высотой до 0,5 м и прилегающей к ней с юга околочурганной западине был заложен раскоп размерами 6,5×4,8 м. Грабительская яма до раскопок не прослеживалась. После снятия насыпи и выборки пятна мешаной супеси темно-серого цвета на фоне желтого материка расчищено погребение (рис. 3) в яме размерами 2,05×0,6 м, глубиной 0,33 м от уровня дневной поверхности. Яма ориентирована в направлении СЗЗ—ЮВВ.

Погребальное сооружение представляло собой обкладку из плашек, положенных на ребро, вдоль северной и южной стенок ямы. Плашки со следами обожжения, особенно по южной стенке. Зафиксированы остатки дерева и бересты(?), что, возможно, является остатками перекрытия и подстилки. Положение костяка (женщина, предположительно 45 лет) — на спине, головой на ЮВВ, кости рук вытянуты вдоль тела. Часть скелета до тазовых костей зафиксирована в анатомическом порядке. Отсутствуют левая тазовая кость, кости нижних конечностей (кроме нескольких фаланг пальцев ног). Антропологические определения здесь и дальше проведены А. Н. Багашевым (Архив кабинета антропологии ТГУ, список 108).

Из инвентаря особый интерес представляет находка полумаски (маски?), закрывавшая часть черепа погребенной — от подбородочного выступа до грушевидного (носового) отверстия. Хорошо сохранились пять бронзовых бляшек, орнамент которых выполнен техникой выдавливания (рис. 3, 1—5; 4, 1—5). Они крепились на матерчатую основу изнаночной стороной, при помощи имеющихся по краям отверстий. На момент снятия полумаска была перекрыта двумя слоями бересты, являющейся, скорее всего, фрагментом общего перекрытия погребения. В области черепа обнаружены две бронзовые серьги в форме «знак вопроса», одна с надетой на стержень черной пастовой бусиной с белыми «глазками» (рис. 3, 6—9; 4, 8—9). С костями левой руки расчищены следующие предметы: остатки железного кресала с кремнем (рис. 3, 9, 10; 4, 11), железное кольцо (рис. 3, 14; 4, 10), два спекшихся железных кольца (рис. 3, 18; 5, 1), же-

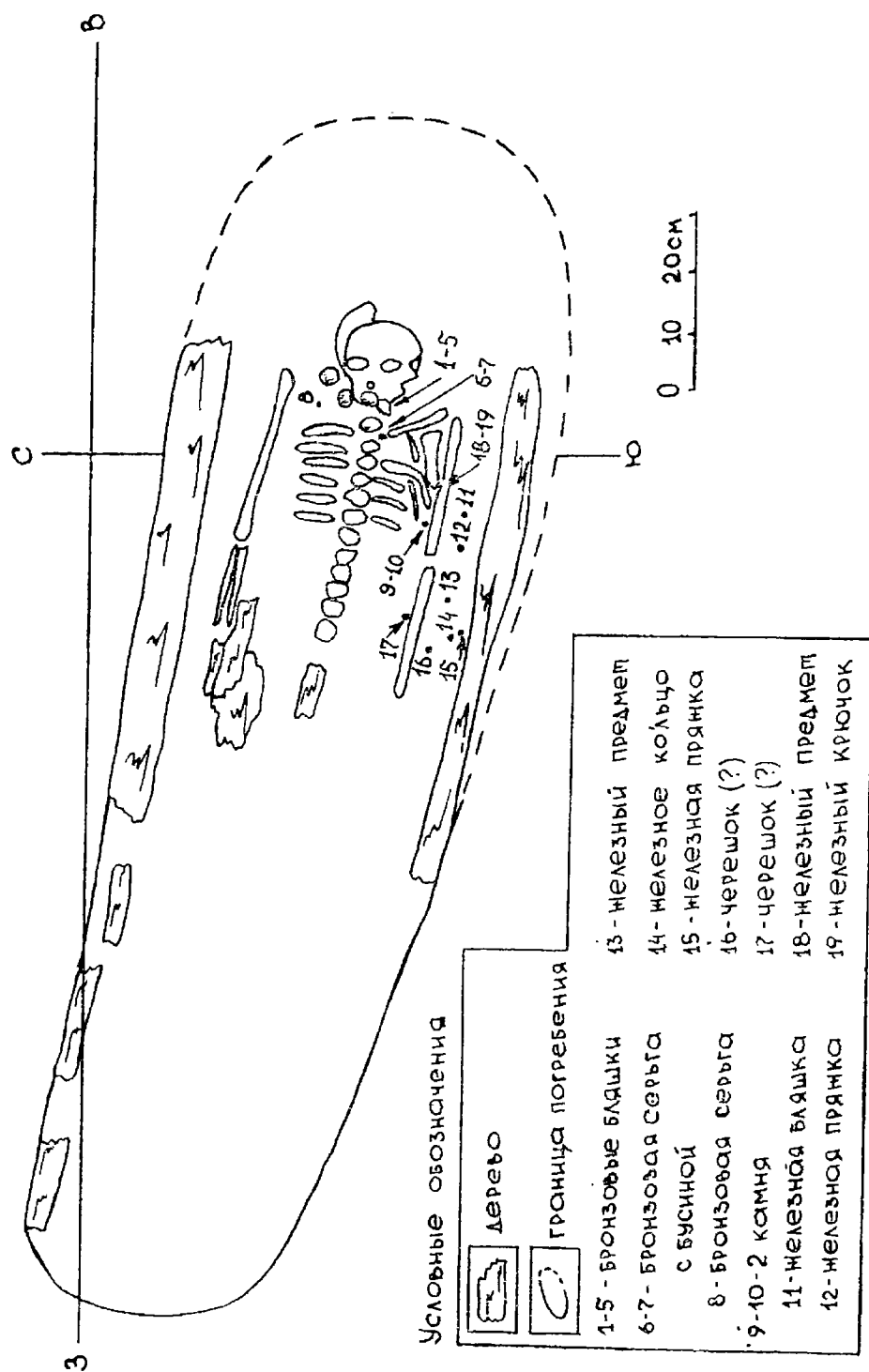

Рис. 3. Тукайский I курганный могильник. Курган I. Погребение

лезный крючок со шпеньком (рис. 3, 19; 5, 6), два железных кольца со шпеньками (рис. 3, 18; 5, 4—5), железная пряжка (рис. 3, 15; 5, 2), сломанная железная пряжка со следами

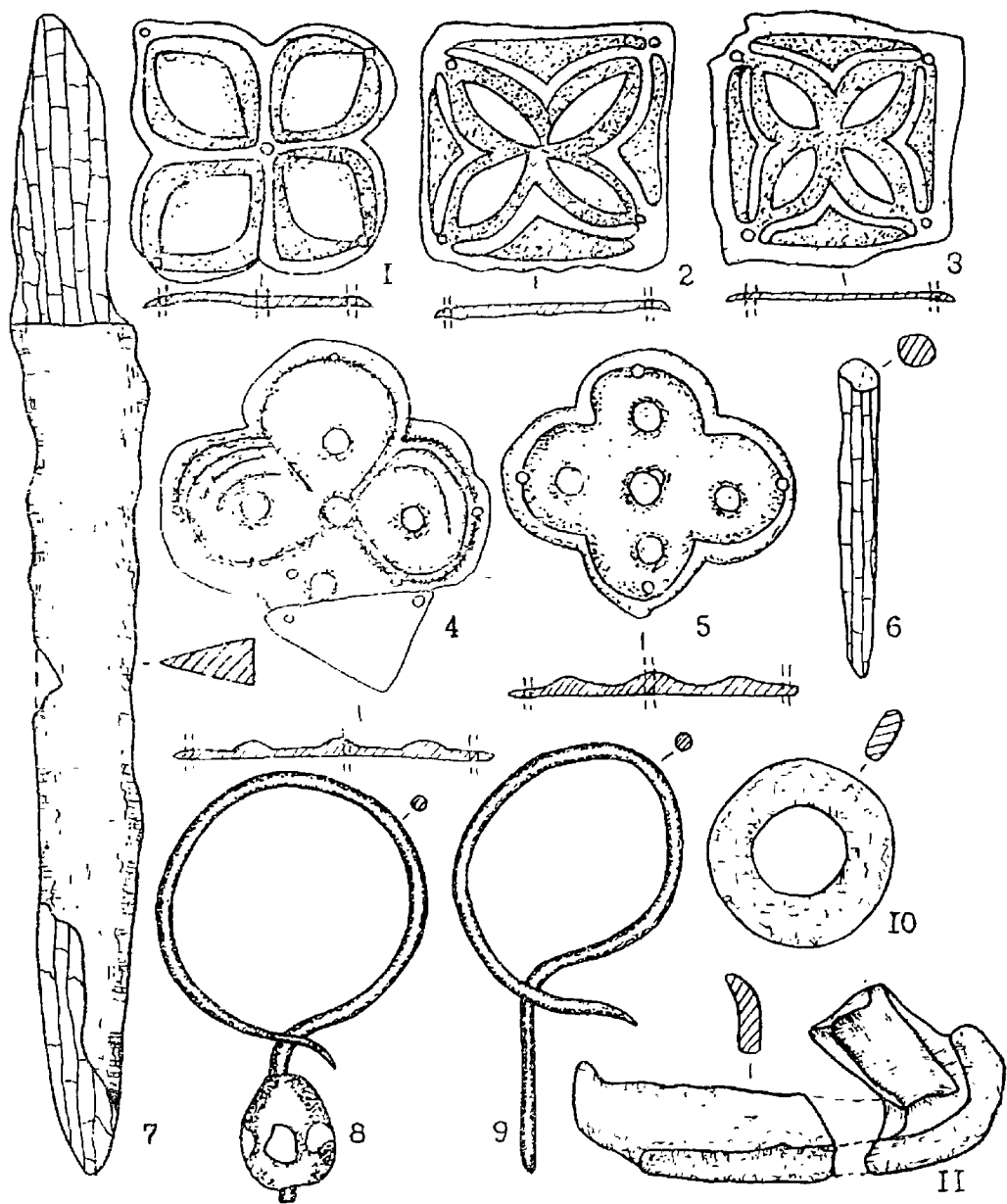

Рис. 4. Тукайский 1 курганный могильник. Курган 1. Погребение: 1—5, 9 — бронза; 8 — бронза, стекло; 6, 7, 10 — железо; 11 — железо, камень

дерева (рис. 3, 12; 5, 3), железный нож (рис. 3, 18; 4, 7), два железных черешка с остатками дерева (рис. 3, 16, 17; 4, 6), восемь железных обломков поясных накладок со шпеньками (рис. 3, 11, 13; 5, 7—14).

Стратиграфия кургана I: 1) дерн, мощность 6—8 см; 2) насыпь, супесь серого цвета, до 0,48 м; 3) погребенная почва, до 0,12 м; 4) могила, заполненная мешаной супесью коричневого цвета, до 0,33 м; 5) материк, песок желтого цвета.

Наиболее близкие аналоги как в погребальном сооружении (наличие грунтовой могилы с ориентировкой погребенного головой на ЮВВ, рама-обкладка из деревянных плах, поставленных на ребро, обжигание покойника сверху), так и в инвентарном комплексе (присутствие бронзовых серег в форме «знак вопроса», ножей, кресал, пряжек, железных колец и т. д. (прослежены в курганном могильнике XVI—XVII вв. у «Остяцкой горы» (Дульзон, 1955. С. 102—132).

Предварительно описанное погребение можно датировать XVI—XVII вв.

Ингарский курганный могильник (рис. 1, 3; 6). Сведения о памятнике впервые опубликованы А. П. Дульзоном (1956, № 174). В 1977 г. О. Б. Беликовой снят уточненный план могильника (Кокорина (Беликова), 1978). Памятник расположен в 2,1 км от д. Городок Первомайского района Томской области вверх по течению р. Чулым на его правой коренной террасе высотой около 10 м. Зафиксировано 10 курганных насыпей на площади 450 кв. м. В 1978 г. на насыпи кургана 6 размерами 3,85×4 м и высотой 0,4 м был заложен раскоп 7,4×6 м (Кокорина, 1978). После снятия насыпи на древней дневной поверхности прослежена площадка обожженной супеси с вкраплениями углей размерами 3,5×2,8 м, мощностью 4—10 см. На ней расчищено два погребения.

Погребение I (рис. 8) обнаружено на глубине 0,1—0,3 м от поверхности кургана. Погребальное сооружение в форме рамы из бревен размерами 2,4×0,8 м, высотой 0,18—0,20 м, ориентированное по линии СЗЗ—ЮВВ. Диаметр бревен 8—15 см. Поперечные бревна вставлены в пазы продольных. Ближе к углам по внешней стороне продольные бревна укреплены четырьмя вертикальными столбиками, вбитыми на глубину 0,20 м в погребенную почву. Верхние концы столбиков зафиксированы вровень с верхними краями рамы. Сверху рама была перекрыта плашками толщиной 4—5 см, а затем еще и берестой, которая с северо-восточной сторо-

ны закрывала боковые стенки рамы и частично лежала на обожженной площадке.

В раме на берестяной подстилке расчищен костяк женщины не старше 18 лет, предположительно 13—15 лет, антропологический тип — грацильный монголоидный. Погребенная располагалась на спине, головой на ЮВВ (вверх по течению р. Чулым), положение рук неопределенное: кости левой руки в стороне, правой — справа от черепа. Фаланги пальцев рук и ног отсутствовали. Под черепом прослежена береста, сложенная в несколько слоев. Обнаружены следующие предметы: слева и справа от черепа две бронзовые серьги в форме «знак вопроса» с тремя нанизанными на стержень бусинами из стекла (рис. 5, 17; 8, 1, 4, 11), вокруг черепа расчищен белый бисер (рис. 8, 13), в области левой ключицы — две бусины из стеклянной пасты с медными ушками (рис. 5, 20—21; 8, 2, 3, 5), на тазовых костях с правой стороны лежала бронзовая круглая подвеска, к которой при помощи кожаных ремешков крепились бронзовые пронизки из скрученной спиралью проволоки, на концах пронизок и выступа подвески приделаны стеклянные бусины (рис. 5, 15; 8, 7), рядом с подвеской найдены две стеклянные бусины (рис. 5, 18—19; 8, 6, 8), зеленая и голубая; у правой ноги, в области отсутствующей плюсны, расчищены остатки берестяного предмета (?) с орнаментом в виде вдавленных точек (рис. 5, 16; 8, 10), гирькообразная медная подвеска (рис. 5, 22).

Погребение 2 прослежено на уровне погребения 1, параллельно ему, на расстоянии 0,3—0,35 м к югу. Погребальное сооружение — колода размерами 1,5×0,32 м, высотой 0,12—0,15 м, без крышки. Ориентирована по линии СЗЗ—ЮВВ. Восточный конец колоды разрушен, западный обрублен под прямым углом. Толщина продольных стенок до 5 см, торцевой западной — до 13 см. Колода была обернута берестой. В ней расчищены остатки костяка ребенка до 0,5 года, который, судя по местонахождению костей ног, был положен головой на СЗЗ. Находок не обнаружено.

Стратиграфия кургана 6: 1) дерн, 4—8 см; 2) насыпь, супесь желтого цвета, от 4 до 24 см; 3) погребенная почва, прослойка обожженной супеси с углями, 4—10 см; 4) материк.

При определении датировки описанного погребального комплекса необходимо отметить его совпадение в обряде и инвентаре с раскопанными А. П. Дульзоном погребением 1 кургана 3а и погребением 5 кургана 13 из курганного мо-

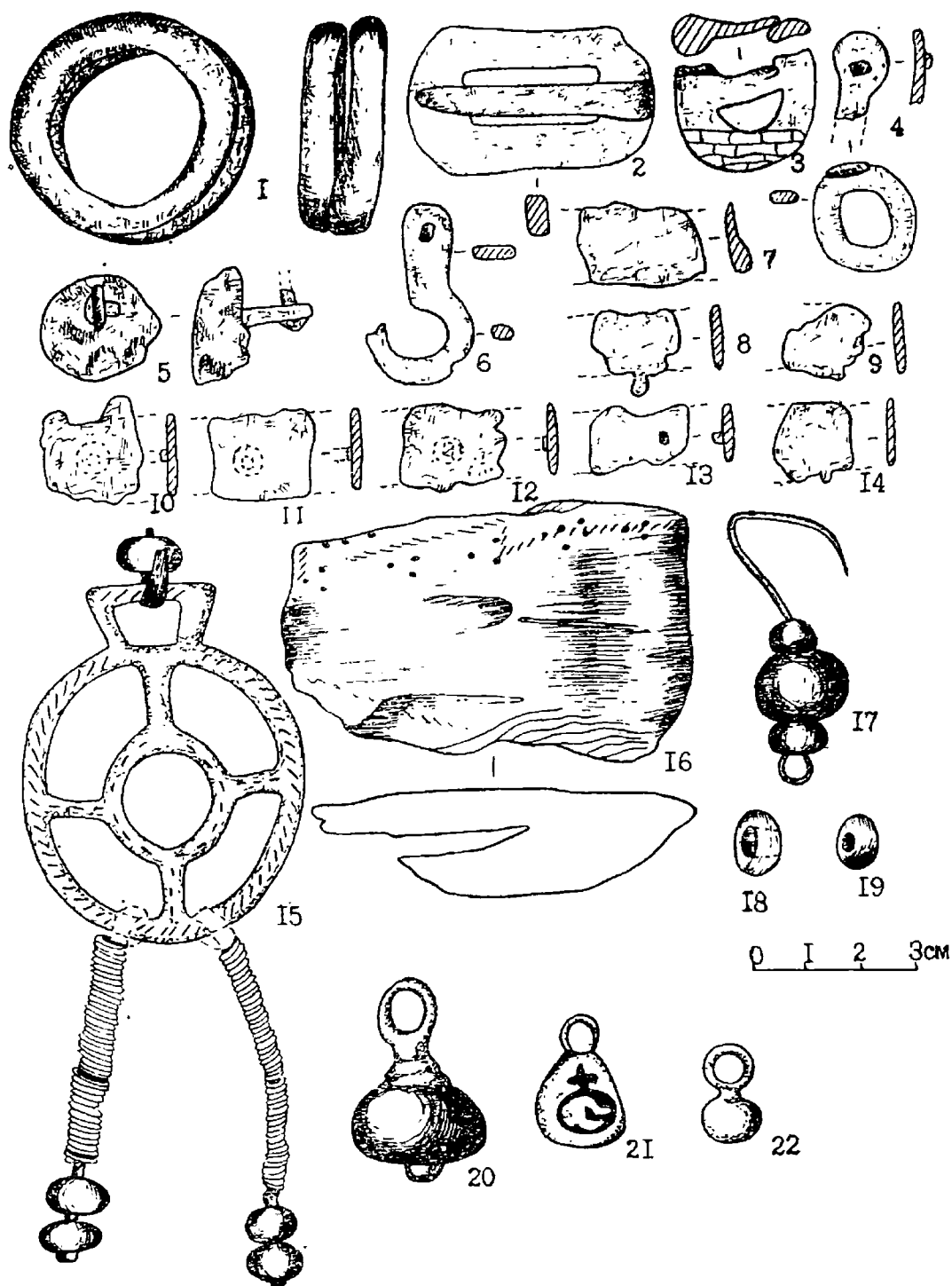

Рис. 5. 1—14 — Тукайский курганный могильник, курган 1, погребение; 15—22 — Ингарский курганный могильник, курган 6, погребение 1; 15, 17, 20, 21 — бронза, стекло; 16 — береста; 18, 19 — стекло; 22 — медь (?)

гильника XVII в. у с. Молчаново на р. Оби. Близкие аналоги встречаются в памятниках XVI—XVII вв. (Дульзон, 1957. С. 151. Табл. XI. Рис. 4, 11). Курган 6 Ингарского могильника предварительно датируется XVII в.

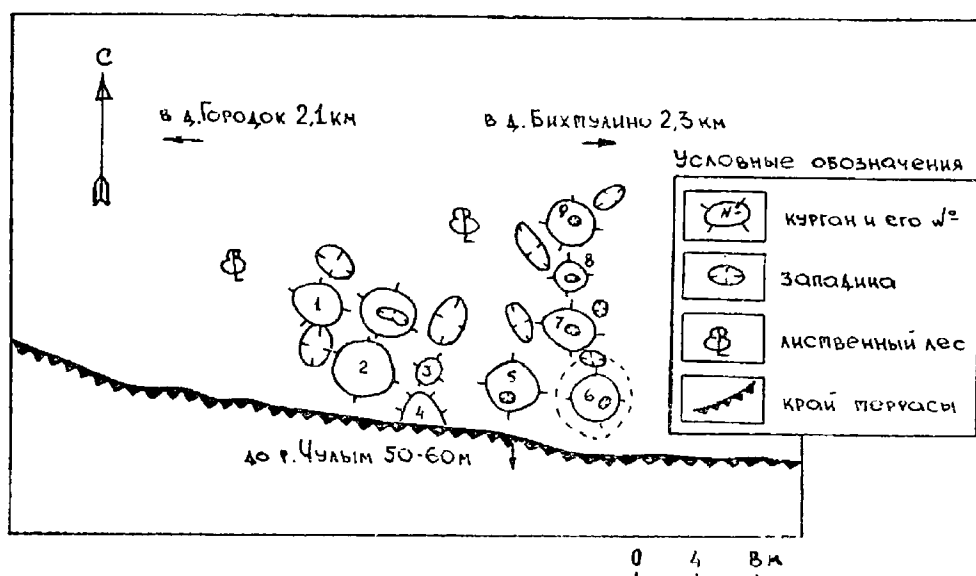

Рис. 6. Общий план Ингарского курганного могильника

Каштаковский-II курганный могильник (рис. 1, 2; 7). В связи с тем, что у Р. А. Ураева есть сведения о Каштаковском курганном могильнике, то памятнику, обследованному О. Б. Беликовой в 1978 г., присвоен цифровой индекс «П»

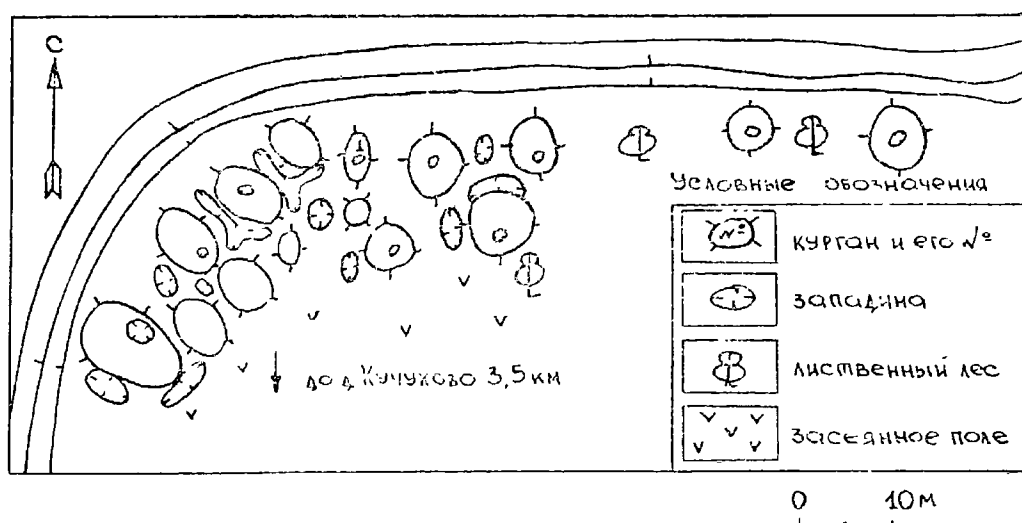

Рис. 7. Общий план Каштаковского-II курганного могильника

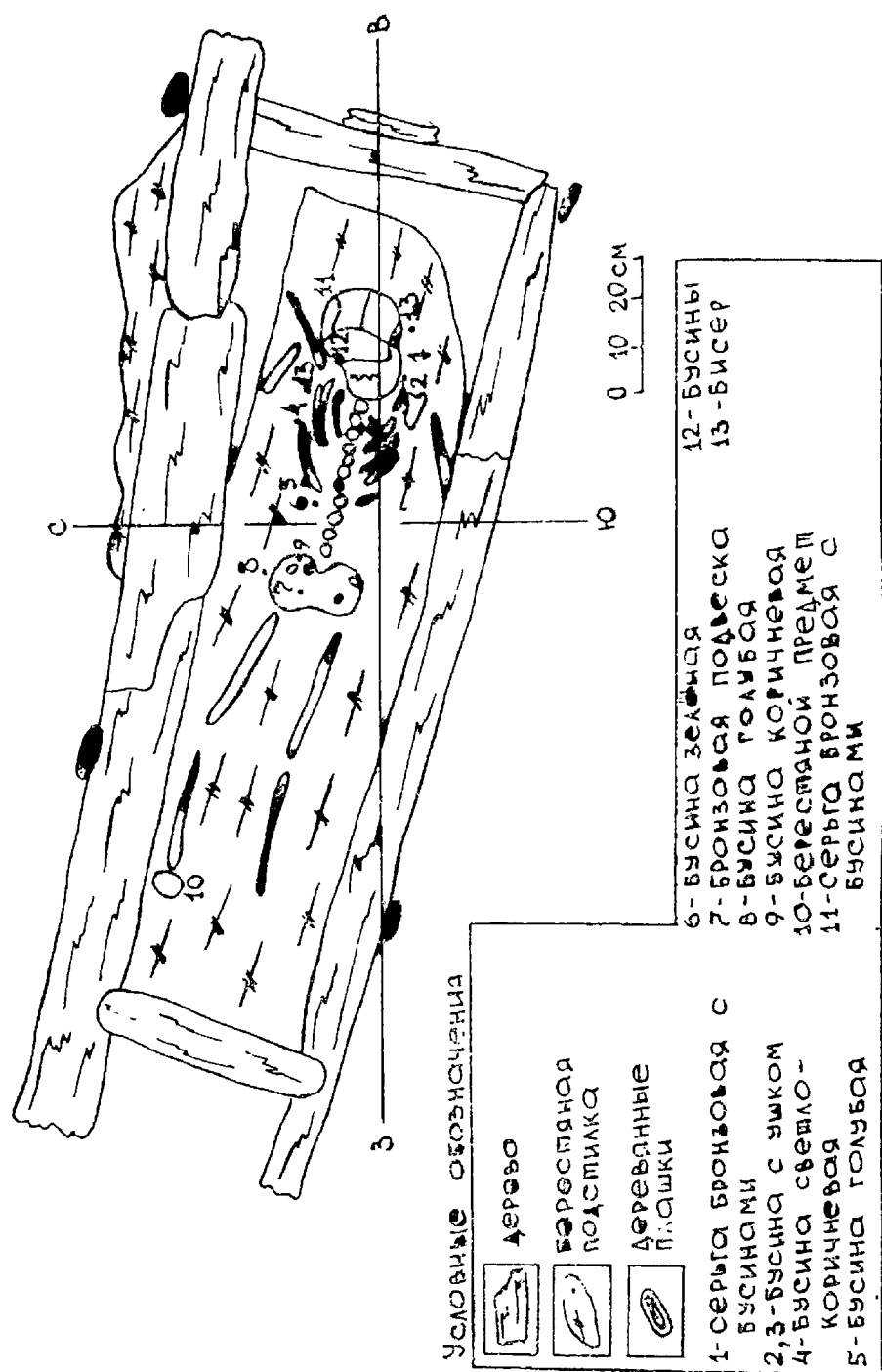

Рис. 8. Ингарский курганный могильник. Курган 6. Погребение I

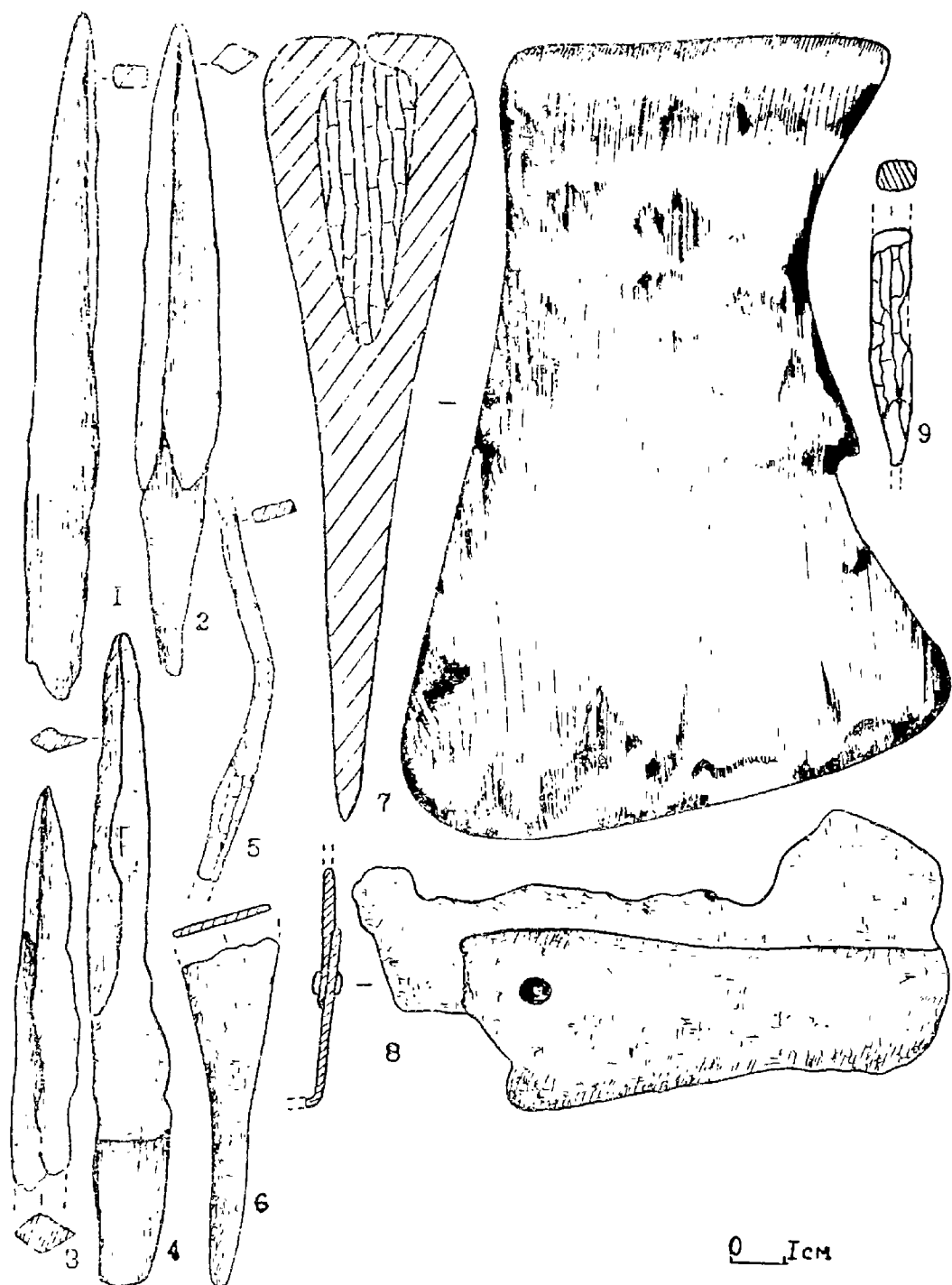

Рис. 9. Каштаковский-II курганный могильник. Курган 1: 1—4 — кость; 5—9 — железо

(Ураев, 1956. № 623; Кокорина, 1979. С. 13—14. Рис. 23, 24). Расположен в 3,5 км от д. Кучуково Зырянского района Томской области вверх по течению р. Чулым, на тупоугольном мысу его левой коренной террасы высотой около 14 м. Зафиксировано 15 насыпей на площади 1400 кв. м. В 1985 г. на насыпи кургана I размерами $3,7 \times 4,0$ м и высотой до 0,64 м был заложен раскоп $5,5 \times 5,4$ м. В центре насыпи прослеживалась грабительская яма размерами $2,6 \times 1,2$ м, глубиной до 0,15 м (Беликова, 1986. С. 48—49. Рис. 110—116). Характер погребального сооружения не выявлен, так как при снятии насыпи стало ясно, что грабительская яма полностью разрушила погребение. Отдельные кости человека (мужчина 40—45 лет) и различные вещи оказались поднятыми на высоту 5—36 см от уровня древней дневной поверхности: фрагменты железного клепаного котла (рис. 9, 8), костяные наконечники стрел (рис. 9, 1—4), обломанный железный наконечник стрелы (рис. 9, 6), железный черешок с остатками дерева (рис. 9, 9), погнутый железный наконечник стрелы с остатками дерева на черешке (рис. 9, 5), небольшой обломок медной пластины. На уровне погребальной почвы найден железный топор с остатками сгнившего дерева в проухе (рис. 9, 7), рядом с ним зафиксировано углистое пятно размером $0,8 \times 0,75$ м, мощностью 3—4 см, где обнаружено восемь небольших обломков (1—4 см) обожженных костей животного.

Стратиграфия кургана 1: 1) дерн мощностью 6—8 см; 2) насыпь, суглинок желтого цвета, до 0,38 см; 3) погребенная почва, 4—8 см; 4) материк.

Находки топора, аналоги которому прослеживаются в Кыштовском могильнике, в курганных могильниках у «Остятцкой горы» и у с. Молчаново на р. Оби, а также остатков железного клепаного котла позволяют датировать Каштаковский-II курганный могильник XVI—XVII вв. (Молодин, 1979. С. 65—66. Табл. XXX. Рис. 1—6; Дульзон, 1956. С. 164).

Богословский курганный могильник (рис. 1, 4; 10). Памятник расположен в 3,5 км к северо-западу от д. Богословка Зырянского района Томской области и в 5—6 км к северо-востоку от р. д. Зырянского. Первые сведения о памятнике опубликованы Р. А. Ураевым в 1956 г. (Ураев, 1956). В 1983 г. О. Б. Беликовой и Р. А. Андреевым снят план могильника. На площади около 1300 кв. м зафиксировано 15 насыпей, расположенных на тупоугольном мысу левой ко-

ренной террасы р. Чулым, под которой находится озеро Марчиха (Андреев, 1983).

На насыпи кургана I размерами $4,6 \times 4,6$ м и высотой до 0,4 м и двух околочурганых ямах был заложен раскоп $8,6 \times 8,8$ м. До раскопок на насыпи прослеживалась грабительская яма расплывчатых очертаний размерами приблизительно $1,27 \times 1,6$ м, глубиной 0,1—0,15 м. При снятии насыпи найдены костяной гребень (рис. 11, 1) и железный нож с обломанным лезвием (рис. 11, 5). На глубине 0,26 м от поверхности была расчищена площадка древней дневной поверхности, в центре которой прослежено потревоженное погребение

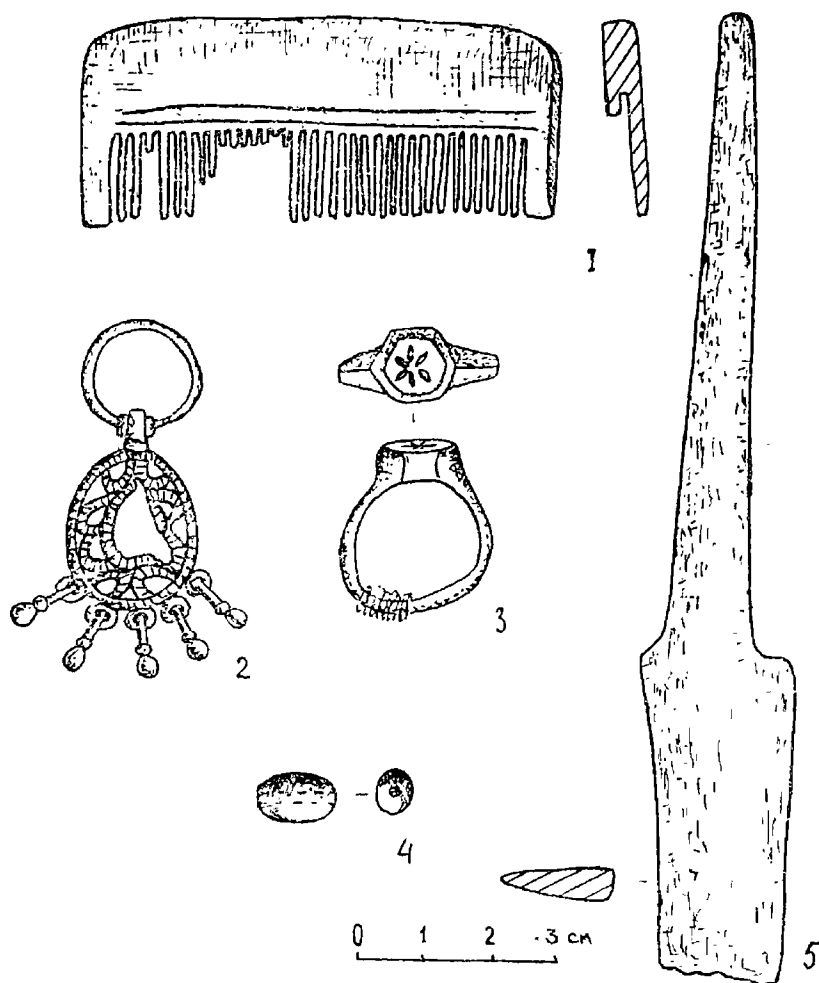

Рис. 10. Общий план Богословского курганного могильника

рис. 12). Погребальное сооружение представляло собой деревянную раму из плах. Размеры ее $1,5 \times 1,33$ м, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Поперечные плашки положены на

продольные без жесткого крепления углов. Внутри рамы расчищены отдельные кости человека и предметы: бронзовая серьга (рис. 11, 2; 12, 1), пастовая бусина серо-розового цвета (рис. 11, 4; 12, 2), бронзовый перстень со вставкой из хрусталя или халцедона, на которой выгравирован шести-лепестковый цветок, на дужке перстня намотана нить для уменьшения диаметра дужки (рис. 11, 3; 12, 4).

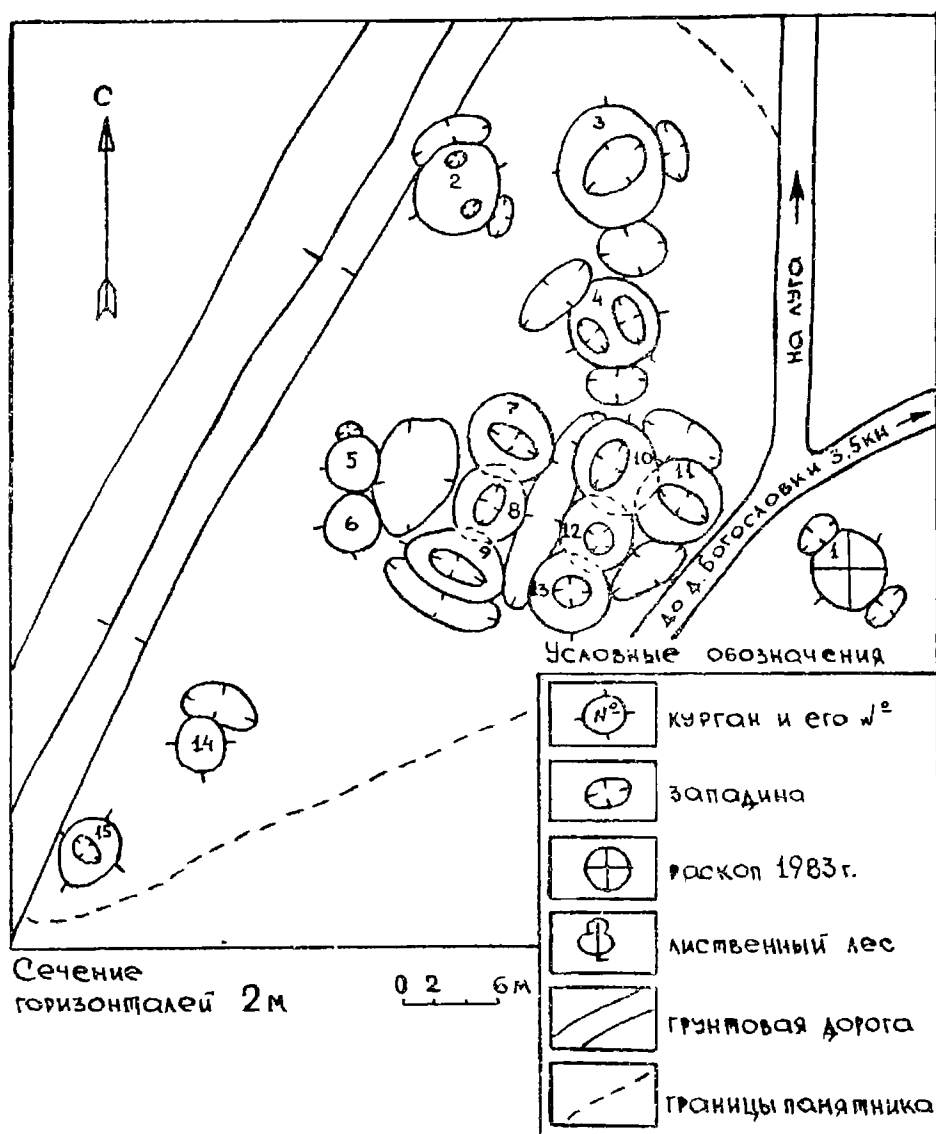

Рис. 11. Богословский курганный могильник. Курган I: 1 — кость; 2 — бронза; 3 — бронза, камень; 4 — стекло; 5 — железо

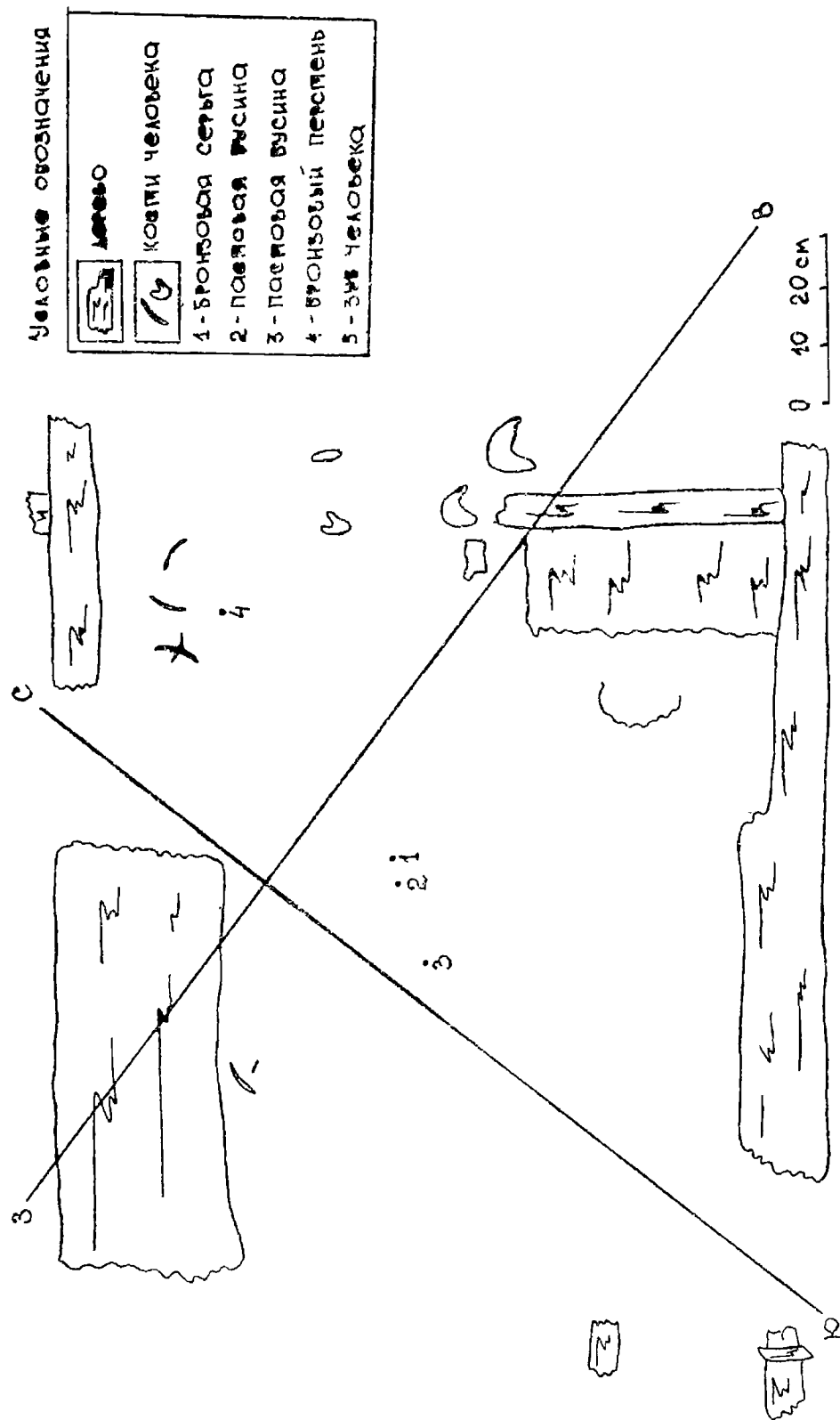

Рис. 12. Богословский курганный могильник. Курган I. Погребение

Стратиграфия кургана 1: 1) дерн, мощность 6—8 см; 2) насыпь, суглинок коричневого цвета, до 0,3 м; 3) материк.

Сходство в погребальном сооружении и инвентаре с курганным могильником у «Остяцкой горы» (Дульзон, 1956) позволяет предварительно датировать Богословский курганный могильник XVI—XVII вв. Культурная и этническая характеристики могильников Среднего Причулымья, уточнение датировки возможно при их дальнейшем изучении.

Я. А. ЯКОВЛЕВ, Ф. И. МЕЦ

СЕЛИЩЕ ЗОЛОТАЯ ГОРКА

(к постановке вопроса об этнической ситуации
в Томском Приобье II тыс. н. э.)

Памятник находится на западной окраине с. Победа Шегарского района Томской области, за огородами усадеб по ул. Коммунистической, № 104, 110 (рис. 1). Он занимает кромку правой террасы р. Оби современной высотой 4,0—4,5 м, значительно разрушенной деятельностью человека и весенними разливами реки. Наиболее пострадала южная часть селища, где в 1974 г. берег был прорезан траншеей длиной более 30 м и шириной около 7 м с целью сооружения более пологого и удобного спуска к воде. Обнажение песка в бортах траншеи и склоне берега, незадернованность части площади селища способствовали эоловой эрозии и являлись еще одним фактором разрушения культурного слоя.

Памятник открыт В. И. Матющенко в 1959 г., описавшим его как безымянные «остатки поселения» (Матющенко. Дневник 1959 г.) и составившим небольшую коллекцию находок (фонды МАЭС ТГУ. Колл. № 6866). В 1977 г. селище осмотрено Я. А. Яковлевым. В обрывах берега и траншей прослежены остатки 5 полуразрушенных жилищ, составлен план (Яковлев. Отчет 1977 г.), произведены сборы керамики (фонды МАЭС ТГУ. Колл. № 7306). По местному названию береговой возвышенности памятник наименован Золотой Горкой. В 1978—1979 гг. членами археологического кружка исторического факультета ТГУ на селище заложено два раскопа общей площадью 92 кв. м, куда вошли остатки жилищ 1, 2, околожилищное пространство, а также склоны берега и траншеи с обильной осыпью культурного слоя и находками (Яковлев. Отчеты 1978, 1979 гг.; Он же, 1980; Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1990. № 248).

Первоначальные границы и площадь селища в настоящее время определить невозможно. Протяженность пяти обследованных жилищ вдоль края берега — около 60 м. Судя по

9. Заказ 2075. Л. А. Чиндина.

находкам керамики, южная и восточная окраины памятника разрушены огородами. На 40—45 м к северу от крайнего жилища 5 верхний слой террасы уничтожен, здесь отдельные обломки посуды прослежены вплоть до забора сушилки, за которым берег укреплен насыпным гравием и возможности для наблюдения и сбора находок не представляет. Сохранившиеся жилые объекты организованы по линейно-рядовому принципу и приурочены к речному ориентиру.

Жилище 1 (рис. 2). Наблюдалось на южной стенке спуска-траншеи в виде заполненного черной супесью кот-

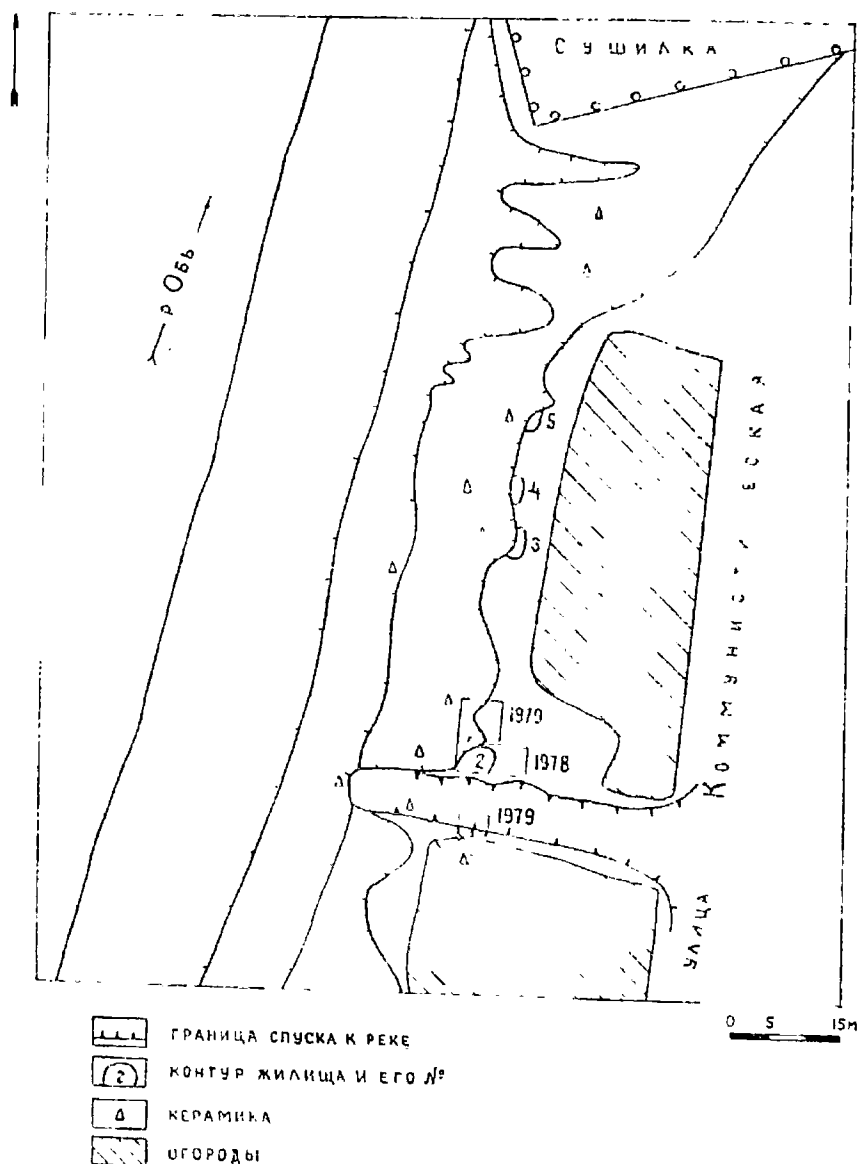

Рис. 1. Селище Золотая Горка

лована и осыпавшихся вниз по склону культурному слою и находкам. Незначительное расстояние между кромкой траншеи и забором обусловило малую площадь раскопа — 16 кв. м, причем участок, где имела возможность выборки жилища, не превышал 8 кв. м. Здесь частично прослежены его юго-западная и юго-восточная стенки, южный угол уходил под забор огорода. Судя по направлению этих стенок, жилище было ориентировано углами по сторонам света. Его

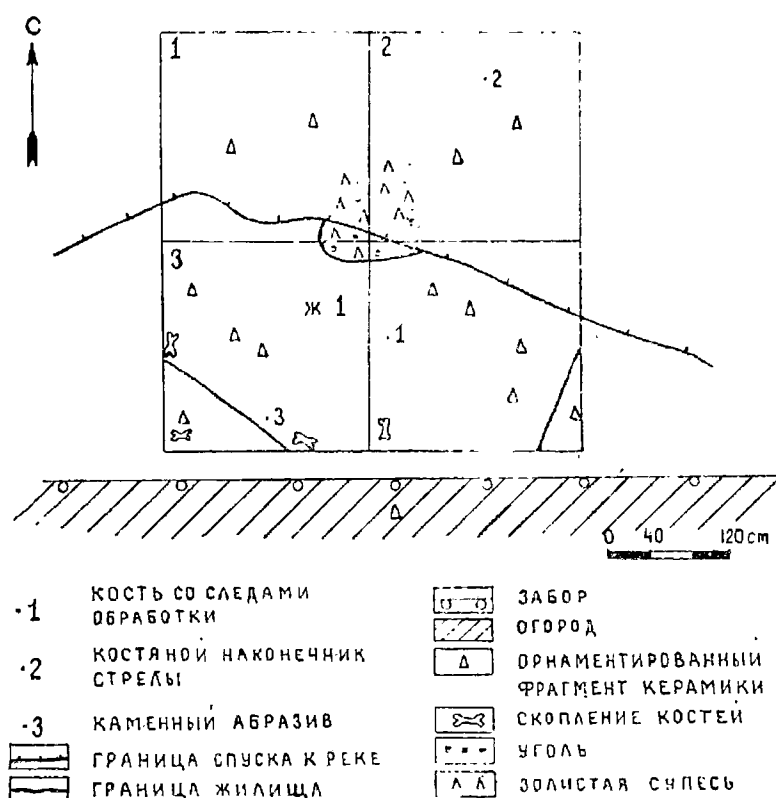

Рис. 2. Селище Золотая Горка. Жилище 1

заполнение в виде темно-серой и черной супеси появилось сразу под дерново-гумусным слоем в 5—10 см и имело мощность 0,3—0,4 м, и только 5—8 см приходилось на материковое углубление.

В центре жилища располагался открытый очаг. Позже по нему прошла кромка траншеи, поэтому в раскопе прослежена лишь его южная часть, а остальное было разрушено и фиксировалось на склоне в виде углей и золистей супеси. Мощность уцелевшего участка очага составляла около 0,2 м, прокол материкового песка ярко-оранжевого цвета — 4—10 см. Находок здесь не обнаружено.

Не отмечено также никаких следов углублений внутри жилища, нижняя граница его заполнения была очень ровной.

В жилище найдено значительное количество расколотых костей животных.

Жилище 2 (рис. 3), как и предыдущее, зафиксировано заполнением котлована на обрыве террасы и северном

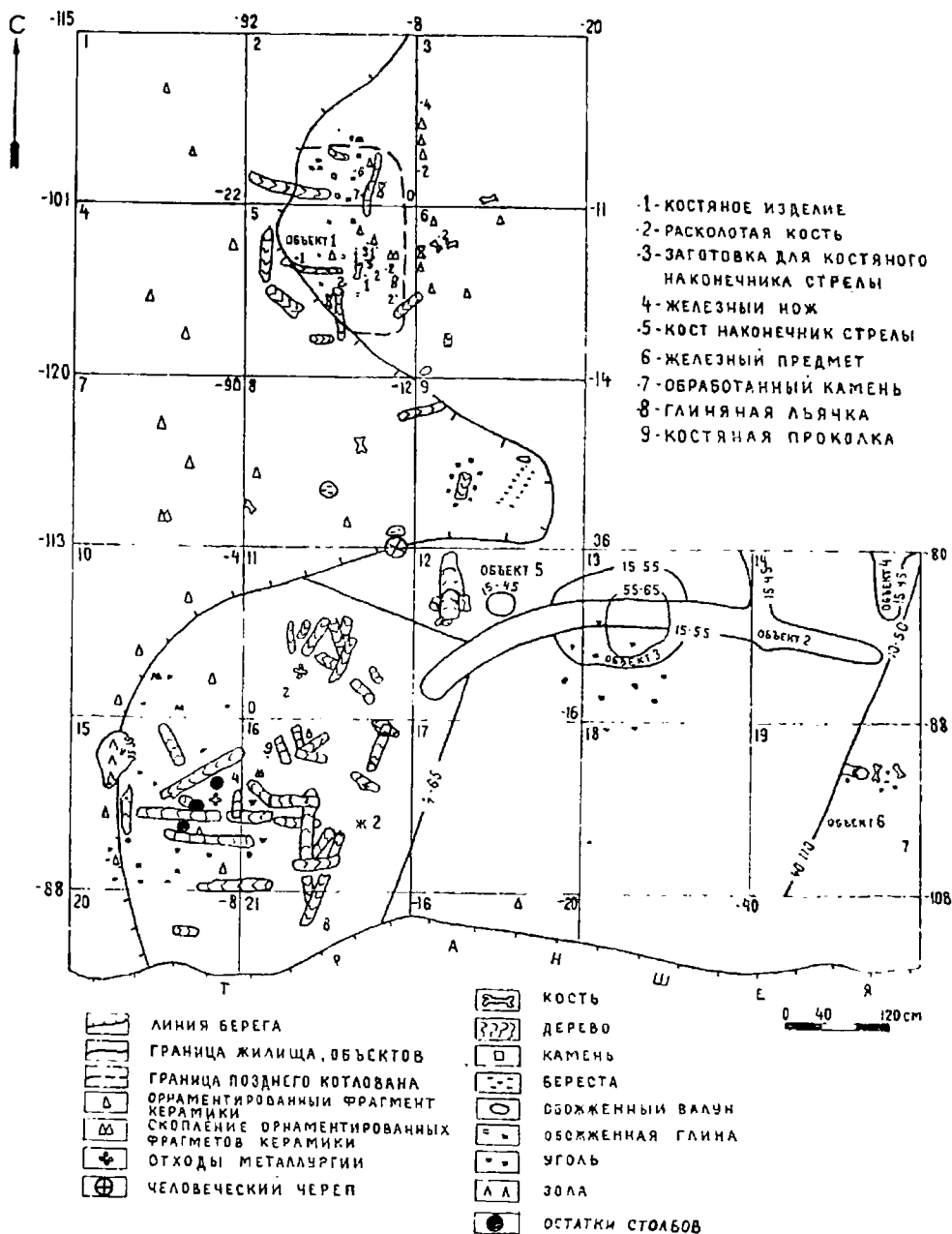

Рис. 3. Селище Золотая Горка. Жилище 2

борту траншеи, по обильным находкам из разрушенного культурного слоя. В раскоп вошло около 12 кв. м жилища, его западная часть не сохранилась. Частично установлены северо-восточная и юго-восточная стенки, судя по расположению которых, углы жилища 2, как и его южного соседа, были направлены по сторонам света.

Заполнение объекта, выраженное 0,55—0,65 м темно-серой и черной мелкозернистой супеси с углистыми и зольными вкраплениями, проявилось на удалении 4—12 см от линии современного горизонта. На глубине от 0,4 м вплоть до материка в жилищном котловане прослежены многочисленные обломки обгорелых досок длиной от 0,25 до 1,0 м и более, шириной 0,15—0,2 м и толщиной 3—4 см. Положение их на месте различно: в центре постройки заметно преобладающее расположение с запада на восток, а у границы — с северо-востока на юго-запад, то есть вдоль стены. Еще одной особенностью залегания досок является их однослойность: перекрывание отмечено лишь в редких случаях. Возможно, это часть рухнувшей при пожаре кровли. Другие доски сгорели дотла, о чем свидетельствуют многочисленные угли в заполнении, около центра жилища (квадраты 10, 15) лежавшие сплошным слоем.

Очевидно, остатками опорных столбов несущей конструкции перекрытия являлись 3 обгорелых столбика длиной 0,2—0,35 м и диаметром 0,15—0,2 м, расположенные параллельно стенам по линии северо-восток—юго-запад, скорее всего, по продольной оси жилища. Прослежены они были в нижней части заполнения котлована, без заметного углубления в материк.

Очаг, как и в жилище I, попал на линию разрушения и поэтому не имел четких контуров. Судя по сохранившейся части, его длина с севера на юг достигала 0,7 м, а мощность заполнения, выраженного сильно пережженным углисто-зольным песком с кусками спекшейся глины и остатками сожженных костей, составляла 0,15—0,25 м. Отсутствие полного контура постройки не позволяет определить местонахождение в нем очага.

Характер находок, считая заполнения жилищного котлована и очага, не оставляет сомнения в проведении в объекте металлопроизводящей деятельности и факте его гибели в результате пожара.

Скорее всего, жилища представляли слегка углубленные каркасно-столбовые постройки с самонесущими стенами.

Они имели прямоугольную или подквадратную форму и ориентировались углами по сторонам света. Размеры стен и площадь в настоящее время не устанавливаются. Несмотря на хорошую сохранность древесных остатков, ни одного обломка бревна, помимо трех опорных, в процессе раскопок выявлено не было. Это свидетельствует, скорее всего, о возведении стен в виде горизонтально уложенных досок, остатки которых прослежены внутри юго-восточной границы жилища 2. Трудно судить о способе их крепления. Здесь нужно принять во внимание находку в квадрате 12, снаружи от восточного угла жилища 2 двух параллельно наложенных друг на друга мощных досок длиной 0,35—0,6 м и шириной 0,25—0,3 м с перпендикулярно зажатой между ними торцевой частью доски меньших размеров. Это позволяет предположить, что в углу самонесущие стены жилища могли крепиться забором в зазор между двумя вбитыми или вкопанными в грунт крупными досками. Заметим, что возведение стен жилья именно из досок практиковалось в западно-сибирском аборигенном домостроительстве до недавнего времени (Попов, 1961. С. 132. Табл. 4, 1). В несущую основу перекрытия, возможно двухскатного, входила линия опорных столбов в центре строения. Не исключено, что они не углублялись в земляной пол, а сохраняли вертикальное положение под давлением кровли, поэтому правильнее было бы назвать их не столбами, а столбами-подпорками. Само перекрытие, очевидно, набиралось из таких же досок, что и стены. Очаг имел открытую форму и располагался в середине жилища или неподалеку от нее. Ориентация и устройство выхода не прослежены.

На межжилищном пространстве вскрыт ряд объектов.

К северу от жилища 2 на следующем береговом выступе в квадрате 2, 5 (рис. 3) раскопан объект I — сохранившаяся часть прямоугольного котлована размером 1,0×2,2 м и глубиной 1,5 м, заполненного прокаленным песком, золой, углями, обгорелыми бревнами. Скорее всего, это остатки кузницы, которая, по сообщению старожилов, в 1920—1930-х гг. находилась на указанном месте и погибла от пожара. Это подтверждается стратиграфией и залеганием находок. В заполнении котлована ни одного древнего предмета не зафиксировано. Стерильна в их отношении и светлопесчаная прослойка мощностью до 0,5 м выше границы котлована, являющаяся, очевидно, остатками кровельной засыпки куз-

ницы. И только переотложенный при сооружении спуска к реке культурный слой поверх отмеченной песчаной прослойки содержал многочисленные и разнообразные находки. За пределами котлована под переотложенным с жилища 2 и перемешанным с современным строительным мусором культурным слоем мощностью от 0,1 до 0,5 м хорошо прослеживалась погребенная почва с подстилающим материком. Нелзя, впрочем, исключать возможности нахождения на описанном месте древнего жилища, разрушенного позже кузницей, на это указывает повышенная по сравнению с другими участками раскопа концентрация находок и залегание в осыпи берега обгорелых досок, аналогичных найденным в жилище 2.

Объект 2 проявился на глубине 15 см в виде четкой полосы шириной 0,25—0,35 м. Начинаясь в границах жилища, она выходила в восточном углу за его контуры и дугообразно вытягивалась на 5,5 м в восточном направлении, пересекая объект 3. В квадрате 14 (рис. 3) полоса раздваивалась под прямым углом: северная ветвь перпендикулярно уходила в стенку раскопа, а восточная почти упиралась в объект 6. Это пятно было выражено черной супесью, мощностью 0,3—0,4 м, причем интенсивностью окраски оно выделялось даже на фоне заполнения жилища 2 и объекта 3. Находок при выборке объекта не обнаружено.

Объект 3 располагался в 1 м к востоку от угла жилища 2, в квадрате 12, 13 (рис. 3). На удалении 15 см от дневной поверхности он зафиксирован в виде овала диаметром: с севера на юг — 1,2 м, с запада на восток — 1,6 м. Был заполнен темно-серой супесью и по центральной продольной оси рассекался объектом 2, выделявшимся более темной окраской. Через 0,4 м вглубь, на уровне нижней границы объекта 2 описываемая яма сужалась к центру до окружности диаметром около 0,75 м и ступенеобразно углублялась в материк еще на 5—10 см. Находок не обнаружено.

Объект 4 вскрыт рядом с объектами 2 и 6, в северо-восточном углу раскопа (рис. 3). На глубине 15 см от линии современного горизонта он проявился в виде выходящего из северной стенки раскопа языка темно-серого песка размерами 0,3—0,35 м по линии запад-восток и 0,8 м по линии север—юг. В заполнении объекта, имеющего мощность 0,4 м, ничего не найдено.

Объект 5, почти примыкавший к объекту 2 посередине между восточным углом жилища 2 и объектом 3 (рис. 3), на

глубине 15 см от дневной поверхности имел округлую форму диаметром 0,3 м. Заполнение, выраженное темно-серым песком и не содержащее находок, исчезло через 0,3 м. Объект являлся, скорее всего, столбовой ямой.

Объект 6 вошел в юго-восточный угол раскопа (квадрат 14, 19, рис. 3) лишь частично. На глубине 0,1—0,4 м от линии современного горизонта он появился в виде пятна, параллельного своим западным краем контуру жилища 2 и уходящего в восточную и южную стенки раскопа. При выборке выяснилось, что объект имел наклонную к югу нижнюю границу: в северной части материк залегал через 0,5 м от дневной поверхности, в южной — через 1,1 м. Заполнение представлено чередующимися слоями темно-серого и светло-серого песка и содержало кости и зубы животных, чешую рыб, куски жженой глины, керамику, камень.

Трудно определить время возникновения и функциональное назначение отмеченных объектов. Показателен тот факт, что контуры объектов 2—6 обнажились практически на одном горизонте — на удалении 15 см от дневной поверхности. Сопоставима и мощность большинства из них — 0,3—0,5 м. Все это может служить в пользу синхронности объектов 2—6, возможно, являвшихся частью устройства для обеспечения процесса металлопроизводства. Не исключено и более позднее их по отношению к жилищу 2 возникновение.

Железные предметы. Нож с прямой или слегка вогнутой спинкой, округлым лезвием и заостренным насадом для рукояти. Заточка, скорее, двусторонняя. Общая длина 12,9 см, длина лезвия 9,9 см, ширина рабочей части 1,0—1,5 см (рис. 4, 1).

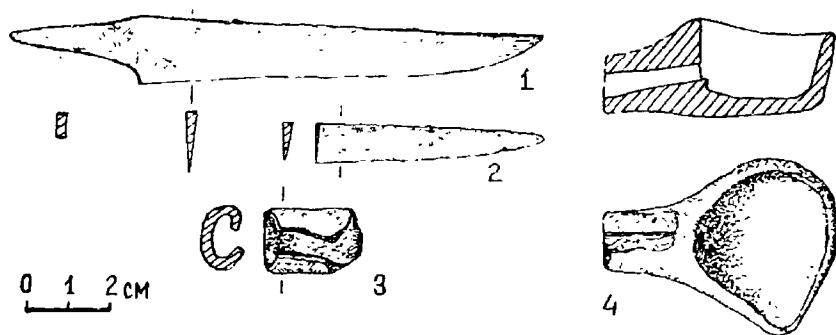

Рис. 4. 1—3 — изделия из железа; 4 — лычка

Обломок острия подобного ножа. Длина 5,3 см, наибольшая ширина 0,9 см (рис. 4, 2).

Сильно коррозированный предмет длиной 3,4 см, напоминающий фрагмент ножа или прокола.

Несомкнутая втулка овального сечения высотой 2,3 см, диаметрами 1,0 см и 1,5 см. Является, возможно, обломком от тесла (рис. 4, 3).

Следы металлургического, производства. Глиняная льячка-ковшик емкостью 6 мл. Имеет плоское округлое дно диаметром 3 см, овально-подтреугольное устье с литником-носиком в боковой стенке и цилиндрическую ручку длиной 2 см со сквозным отверстием внутри. Высота 1,5—1,8 см, толщина стенок 2—3 мм. Оригинальной чертой, выделяющей эту льячку от всех ей подобных, является такое взаиморасположение ручки и литника, при котором разлив металла удобен левой, а не правой рукой (рис. 4, 4). Появление этого вида льячек относится к рубежу тысячелетий н. э. Они известны в материалах IX—X вв. мордвы и марийцев Поволжья (Финно-угры и балты... Табл. XLI, 7, 9, L, 23, 24), X — начала XIII вв. родановской культуры Прикамья (Там же. Табл. LXV, 2), кон. IX—XIII вв. усть-пшимской культуры лесного Прииртышья (Там же. Табл. LXXXIII, 36). Этим же временем — кинтусовским этапом конца IX—начала XIII вв. — датируется начало применения подобных льячек в Сургутском Приобье (Федорова и др., 1991). Обнаружены они и в непосредственной близости от Золотой Горки: в позднесредневековом селькупском могильнике на Остяцкой горе (Дульзон, 1955. Табл. IX, 5) и на Кижировском поселении. Последнюю находку Л. М. Плетнева (1977. С. 14. Рис. 2, 7) и Л. А. Чиндина (1984. С. 30. Рис. 9, 11) сочли возможным датировать ранним железным веком, что представляется неверным. Все известные аналогии не выходят за пределы ранее IX в. н. э., в кулайских древностях льячки-ковшечки также отсутствуют. Скорее всего, кижировскую льячку следует увязывать с жилищами и керамическим комплексом II тыс. н. э., выделенными Л. М. Плетневой на этом многослойном поселении (Плетнева, 1977. С. 14).

В жилище 2 кроме вышеописанной находки найдено значительное количество литейных и сыродутных (железистых) шлаков. Последние в виде крупных тяжелых «лепешек» в квадратах 11 и 15 образовывали скопления совместно с раз-

новеликими кусками спекшейся глины, которые зачастую с одной из сторон имели плоскую и гладкую поверхность.

Костяные и роговые предметы. Костяная проколка длиной 15,5 см, сохранившая характерную форму и изогнутость ребра животного. На толстом конце — у основания ребра — выделена шейка-ложбинка, служившая, скорее всего, для привязывания стягивающих материалов: нитей, жил и пр. (рис. 5, 1). Легкость изготовления и необ-

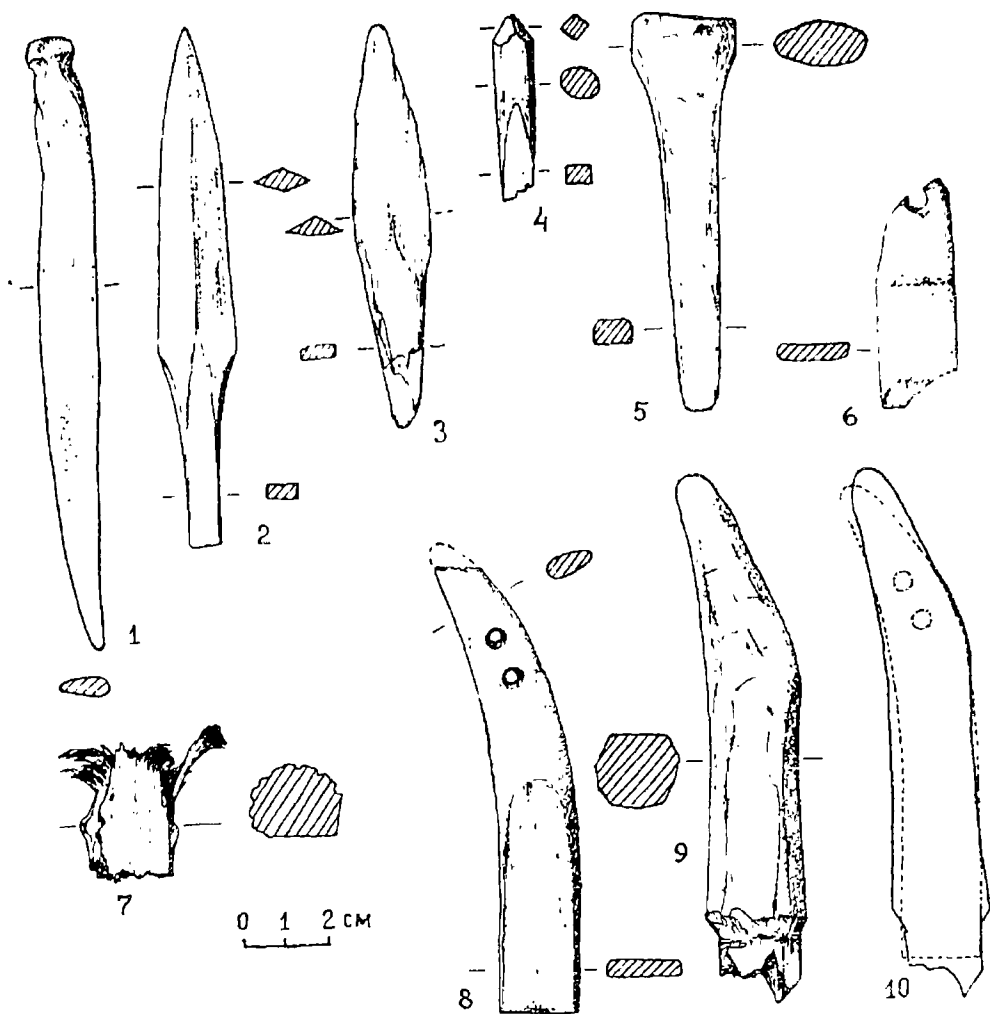

Рис. 5. Заготовка, изделия и отходы костерезного производства

ходимость бытования обусловили широкое и долгое существование подобных проколов. В эпоху позднего средневековья, например, они отмечены у соседей обитателей Золотой Горки: нарымских селькупов (Дульзон, 1955. С. 109), чу-

лымских тюрков (Он же, 1952. Табл. VI, 4, VII, 1), барабинских татар (Левашова, 1928. Табл. III-12).

Костяной полированный плоскочерешковый наконечник стрелы ромбического сечения длиной 12,7 см (рис. 5, 2). Костяной плоскочерешковый наконечник стрелы, сохранившейся длиной 10,1 см. Фигура сечения близка треугольнику (рис. 5, 3). Бытование подобных наконечников стрел в широчайших хронологических и территориальных границах не позволяет очертить круг их аналогий. Можно лишь вновь отметить подобие находок селница Золотая Горка и близлежащих позднесредневековых памятников: Тургайского и Балагачевского могильников на Чулыме (Дульзон, 1952. Табл. II, 5, 7), Вознесенского городища в Барабе (Левашова, 1928. Рис. IV, 3; Соболев, 1978. Рис. 5, б, в) и т. д.

Костяной плоскочерешковый пулевидный наконечник стрелы округлого сечения. Острие срезано на 4 грани. Черешок обломан, сохранившаяся длина 4,5 см (рис. 5, 4).

Костяной предмет длиной 9,8 см. С одной стороны имеет уплощенный черешок, с другой — фрагмент эпифиза — овальное утолщение диаметром 1,2 и 2,6 см. Являлся, скорее всего, тупым наконечником стрелы, используемым при пушной охоте (рис. 5, 5).

Рядом с костяным наконечником стрелы (рис. 5, 3) в квадрате 5 найдено еще 3 предмета. Роговое изделие, сохраняющее естественный изгиб исходного материала. Общая длина 11,5 см. С более широкого конца изделие уплощено: с одной стороны на $1/3$ длины, с другой — почти наполовину. Противоположный конец закруглен. В этой половине сверлением встык сделаны 2 отверстия диаметром 5—6 мм, отстоящие центрами на 13 мм друг от друга (рис. 5, 8). Еще от одного такого же изделия сохранился обломок центральной части длиной 5,5 см. С одной стороны наблюдается начало уплощения, с другой — линия излома прошла по отверстию диаметром 5,5 мм (рис. 5, 6). Фрагмент отростка рога длиной 14 см, являющийся, скорее всего, заготовкой для изделий вышеописанного облика. Сильными ударами под прямым и острым углами у основания отростка было нанесено кольцо-бородка глубиной до $1/5$ диаметра, по которому рог обломан. Затем горизонтальными срезами была начата работа по уплощению, но почему-то не доведена до конца, и изделие осталось на стадии полуфабриката (рис. 5, 9—10). Точных аналогий этим предметам не найдено. В какой-то мере сопоставимы с ними находки раннего железно-

го века с селища Ордынка IX Новосибирского Приобья и городища Саровского (Чиндина, 1978. Рис. 8, 7), но полного тождества здесь нет. Трудно судить и об их функциональном назначении. Зная о распространении в Южной Сибири начала II тыс. н. э. стержневых псалий изогнутой формы с двумя отверстиями посередине (Савинов. 1977. С. 40—41), можно лишь высказать крайне осторожное предположение об использовании в упряжи и пахоток с Золотой Горки.

Характерное для западносибирского населения II тыс. н. э. широкое использование кости и рога в качестве производственного сырья подтверждается и на материалах описываемого селища. Кроме готовых изделий найдены 2 заготовки или выбраковки костяных наконечников стрел, обломки костей со следами обработки (соструги, насечки, лунки), отходы косторезного производства. Из последних привлекает внимание нижняя часть спицы рога косули, который, судя по глубине проникновения рубящего удара (до 20 мм) и развороту щепы, обрабатывался в свежем или размягченном состоянии (рис. 5, 7) (консультация А. П. Бородовского).

Остеологический материал представлен суммарно по всему периоду существования селища. Сохранность части раскопанных костей нельзя признать удовлетворительной. Многие из них, особенно рыбы и птички, в результате термического и иного воздействия полностью утратили свою форму и структуру, фиксируясь лишь в виде белых органических вкраплений в культурном слое. Всего при раскопках удалось извлечь 251 экземпляр фаунистических остатков*. Из них 10 экземпляров принадлежат ихтиофауне, 1 — орнитофауне, 240 экземпляров — млекопитающим. Статистический анализ последних затруднен в связи с усеченностью их морфологии: немало крупных костей животных было расколото еще в древности и дошло во фрагментах. По этой причине 76 обломков костей млекопитающих, то есть почти 1/3, сотрудником Института экологии растений и животных УрО АН СССР П. А. Косинцевым были отбракованы, и остеологическому анализу подвергнуты только оставшиеся 164. Отметим довольно многочисленные находки хорошо сохранившихся лошадиных зубов.

* Здесь не учтены костяные изделия и кости со следами обработки. В частности, уже упоминалось определение А. П. Бородовским рога косули.

Учитывая мнение В. И. Громовой, К. Л. Паавера и Т. М. Потемкиной о том, что реальные количественные отношения видового состава остеологической коллекции с археологического памятника наиболее приближены к среднему показателю между процентом «количества костей» и процентом «минимального количества особей» (Потемкина, 1983. С. 50), добавим эти данные к выстроенной по традиционному шаблону табл. 1. Опираясь на них, можно сделать вывод о почти равном соотношении (47,8%:52,2%) костей домашних и диких животных, свидетельствующем, что основу хозяйства обитателей селища составляли охота и животноводство. Последняя отрасль носила исключительно узкоспециализированный характер: никаких иных костей домашних животных, кроме лошадиных, в раскопе не обнару-

Таблица 1

Результаты остеологического изучения материалов
из раскопок селища Золотая Горка

Вид животных	Кол-во костей	%	Мини- мал. кол-во особей	%	Средн. % видового состава
Лошадь	102		11		
Всего домашних	102	62,2	11	33,3	47,8
Сев. олень	13		4		
Лось	6		2		
Заяц	20		5		
Лисица	1		1		
Куница	1		1		
Marles sp. (соболь или куница)*	4		1		
Бобр	10		4		
Выдра	5		3		
Барсук	2		1		
Всего диких,	62	37,8	22	66,7	52,2
в т. ч. пушных	43	26,2	16	48,5	37,4
Всего	164	100	33	100	100

* До вида неопределимы.

жено. Охота имела преимущественно пушное направление, доля пушных животных достигает более 1/3 общего числа определимых видов и почти 2/3 — от количества диких животных. Основным объектом охоты были заяц и бобр. В качестве аналогии развитого коневодства и широкомасштабного бобрового промысла можно привести остеологический материал другого средневекового западносибирского городища — Перегребное I (Морозов, Пархимович, 1985. С. 97—98). Сходство прослеживается и в другом: за исключением барсука все остальные виды диких животных с селища Золотая Горка служили объектом промысла и обитателей Перегребного I. Видовое определение остеологического материала с других позднесредневековых поселений, опубликованное В. П. Левашовой (1950. С. 347), не имеет твердой статистики, и сравнение с ним возможно лишь по признаку «наличие—отсутствие». Привлекает внимание факт доминирования, а для селища Золотая Горка и исключительности лошади в домашнем стаде. Общими объектами охоты жителей Золотой Горки с обитателями северных городищ (нижнепртышских Искера и Самарово) были лось и заяц; южных городищ (барабинских Вознесенского и Чиняхи) — лось, косуля, лисица и заяц. Различие между поселениями Золотая Горка и Перегребное I, с одной стороны, и барабинско-нижнепртышскими городищами — с другой, прослеживается в том, что основным объектом мясного промысла населения первых являлся северный олень, а вторых — лось.

Керамика — самый массовый материал из раскопок Золотой Горки. Обнаружены фрагменты примерно 320 сосудов. По форме и орнаменту их можно разделить на две группы.

I группа. Представлена фрагментами 47 сосудов (14,3% всего количества сосудов). Судя по венчикам (42 экз.), это были слабопрофилированные горшки. Венчики прямые, с внешней стороны могли иметь карниз. Срез, как правило, скошен наружу. Форма ряда крупных фрагментов и отсутствие плоских днщ указывают на круглодонность керамики этой группы. Орнамент наносили лишь на верхнюю часть сосуда, он состоял из пояса ямок, вертикально или косо поставленных отпечатков гладкого либо гребенчатого штампа. Отмстим сосуд, у которого под поясом вертикальных гребенчатых отпечатков этим же штампом нанесены стреловидные фигуры (рис. 6, 7). Срез венчика или карниз орнаментировался косо поставленными отпечатками гребенки,

гладкими вдавлениями, крестообразными фигурами (сеткой). В ряде случаев орнаментация сосуда ограничивалась лишь украшением венчика (рис. 6).

Керамика I группы хорошо известна по материалам памятников, расположенных в Новосибирском и Томско-Чулымском Приобье. Так, в Новосибирском Приобье она встречена в могильниках Туруновском (Соболев, 1978а. Рис. 2, А), Седова Заимка-II (Романцова, 1983. Рис. 2, 27),

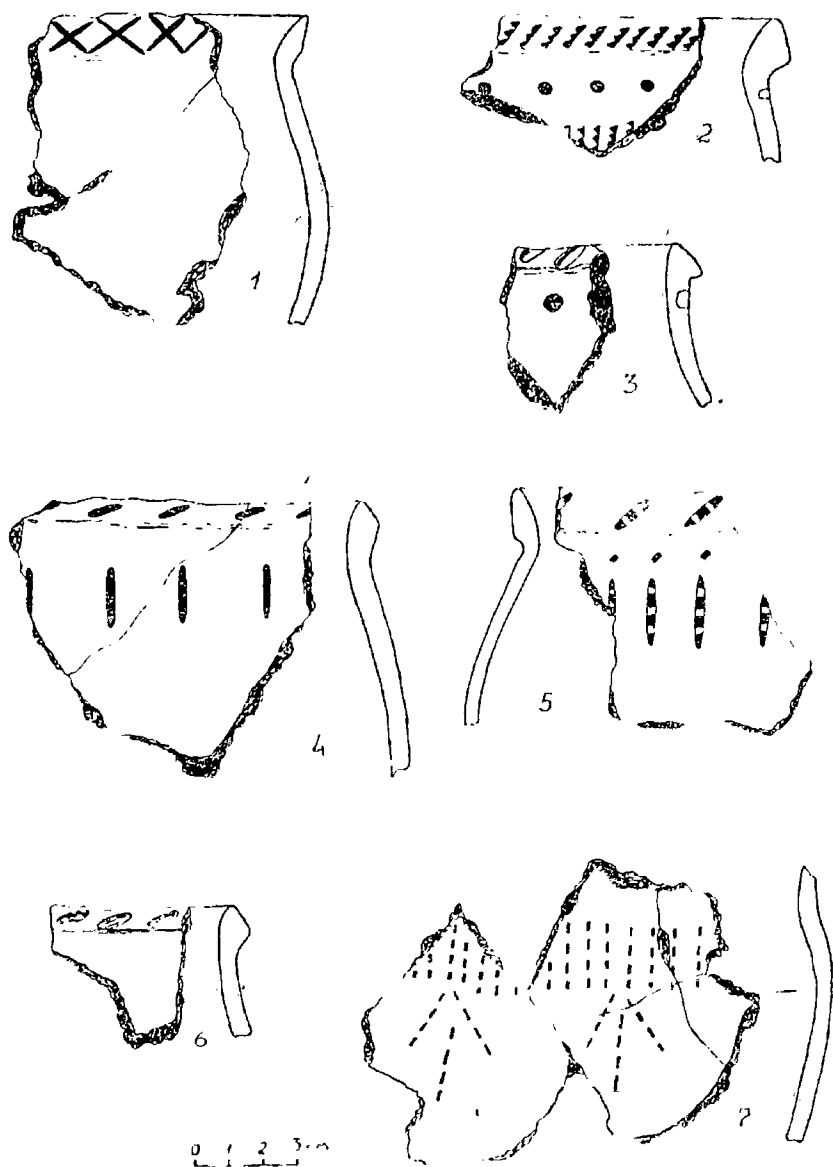

Рис. 6. Селище Золотая Горка. Керамика I группы

Красный Яр-I (Троицкая, 1978. Рис. 6, 9—10), на городищах Седова Заимка (Романцова, 1978. Рис. 2), Вознесенское (II тип: Соболев, 1978. Рис. 3, а—е), Каменушка I (Соболев, 1979. Рис. 3, 1—6). Близка керамике I группы и посуда городищ Умна-IV, Крутоборка-II (Романцова, 1976), поселение Ордынское V (Романцова, 1972). Правда, сосуды последних трех памятников отличаются плоским дном.

В Притомье аналогичные материалы зафиксированы в Астраханцевском, Усть-Малокиргизском (Плетнева, 1987), Басандайском (Гриневич, 1948. Т. 14, 8; 13, 2; 27) могильниках, на селище Шеломок I (Мец, 1990), городище Кижирова (Старцева, 1966). В Причулымье сходная с I группой керамика известна из раскопок Берегаевского могильника (Матющенко, Коркина, 1978. Рис. 12, 1). Определенные черты близости демонстрируют и материалы Змеинкинского могильника (Беликова, 1988. Рис. 2, 1).

Датировка всех перечисленных памятников укладывается в пределы XI—XIV вв. н. э. Что же касается этнической привязки, то, по мнению ряда исследователей, памятники развитого средневековья Томско-Чулымского Приобья имеют непосредственное отношение к тюркизации этой территории (Матющенко, Коркина, 1978. С. 47; Плетнева, 1987; Беликова, 1988. С. 125).

II группа. Представлена фрагментами 254 сосудов (79,1%). Судя по венчикам (34 экземпляра), сосуды имели закрытую баночную или, иногда, горшковидную, приближающуюся к баночной форму. Венчик отогнут наружу, с внешней стороны имеет утолщение или карниз. Днища, видимо, также были круглыми. Срез венчика либо карниз часто орнаментировался вдавлениями гребенки. Орнамент покрывал всю боковую поверхность сосуда и наносился вертикально или наклонно поставленным штампом: чаще — гребенчатым, реже — гладким. Изредка применялись геометрические мотивы: гребенчатая елочка, гребенчатый зигзаг, пояс ромбов, составленных из трех отпечатков гребенчатого штампа. В двух случаях встречен мотив вертикальной елочки, выполненный оттисками угла гребенки. Ряд фрагментов этой группы (19) орнаментирован пальцевыми вдавлениями, которые иногда могли сочетаться с отпечатками гребенки или уголка палочки. Судя по некоторым крупным обломкам орнамент верхней трети сосуда мог выделяться особым «окаймляющим» мотивом.

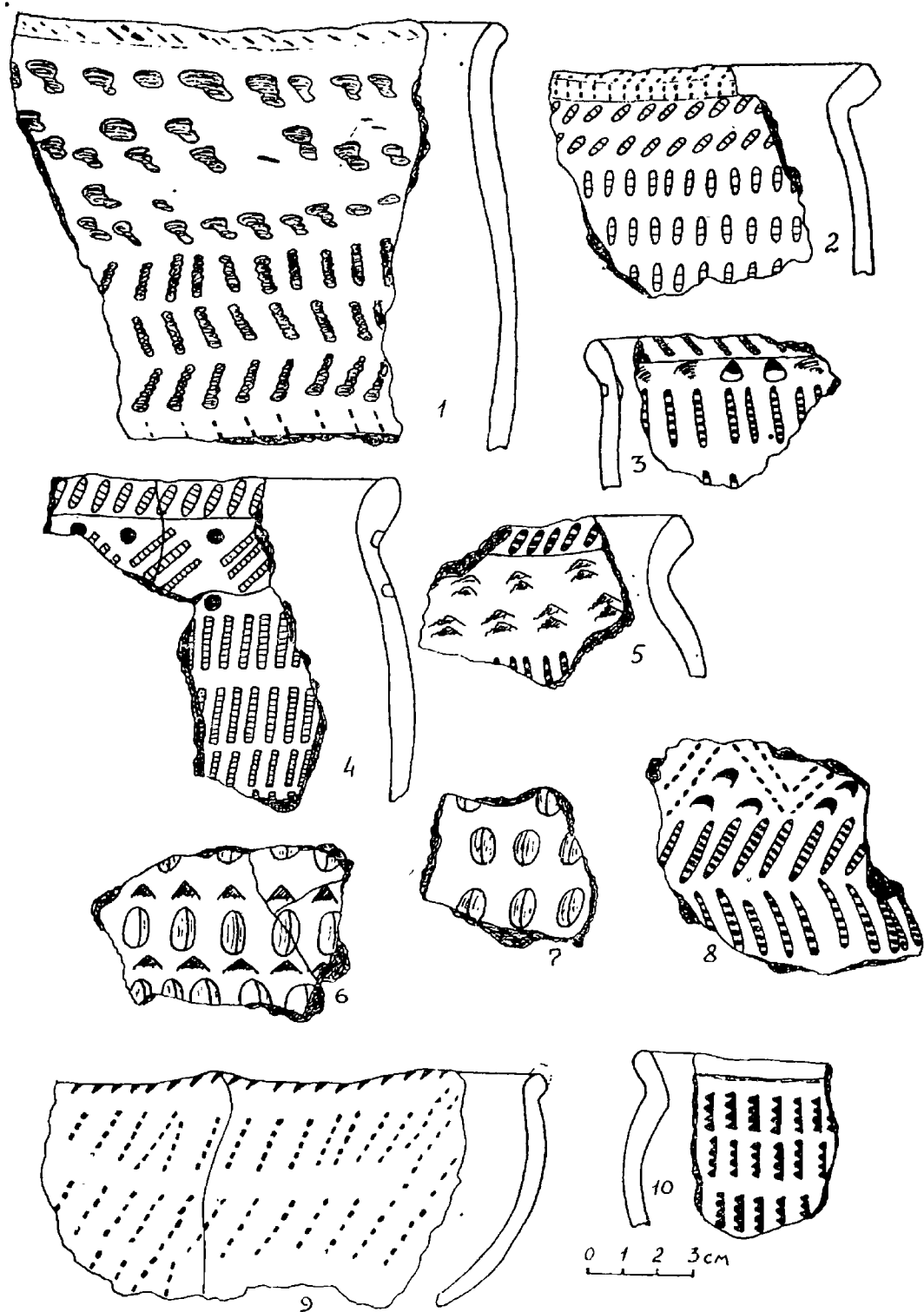

Рис. 7. Селище Золотая Горка. Керамика II группы

Ближайшие аналогии керамике II группы выявляются в материалах памятников второй половины II тыс. н. э. из районов Томско-Нарымского Приобья. В Томском Приобье это городище Кижирова (Старцева, 1966), Басандайский могильник (Гриневиц, 1948. Тт. 17, 1, 6; 21, 1; 24, 2), селище Шеломок I (Мец, 1990); в Нарымском Приобье — это серия широко известных могильников Пачанга, Остяцкая Гора, Тискино, датированных, на основании находок в некоторых из них счетных жетонов и монет, XVI—XVII вв. По мнению ряда исследователей, эти памятники были оставлены селькупам (Дульзон, 1953; Чиндина, 1975; Пелих, 1981; Боброва, 1990).

Явная близость керамики II группы Золотой Горки указанным материалам, прослеживающаяся в форме сосудов (круглодонные закрытые банки, приближающиеся к банкам слабопрофилированные горшки с отогнутым наружу венчиком) и в орнаментации — как в отдельных элементах (отпечатки уголка гребенки), так и в облике орнамента в целом (заполнение узором всей поверхности, сходные мотивы, выделение верхней трети сосуда «окаймляющим» мотивом), позволяет ставить вопрос о селькупской принадлежности этого памятника.

Не противоречит этому и наличие фрагментов сосудов «особых» форм — ладьевидного и с ушками. Позднесредневековые памятники Западной Сибири, на которых встречается такая посуда, образуют довольно обособленную локальную группу, не выходящую за пределы Нарымского Приобья — территорию расселения селькупов (Боброва, Мец, 1989). Находки с Золотой Горки — первое свидетельство бытования сосудов «особых» форм вне Нарымского Приобья.

Обращает на себя внимание группа фрагментов, украшенных пальцевыми вдавлениями и характерная для керамики Притомья (Мец, 1990).

Необходимо, однако, отметить, что некоторые аналогии керамике II группы есть и южнее — в памятниках Новосибирского Приобья второй половины II тыс. н. э. Так, ряд черт сходства демонстрируют сосуды из керамической печи поселения Ордынское VI (Молодин, 1972) и фрагменты с Чиняевского городища (Левашова, 1950. Т. II, 9). Чиняевскую керамику сближает прежде всего такой мотив, как ромбы. Однако этот же мотив встречается и на керамике нарымских памятников (Боброва, Мец, 1989).

Кроме выделенных групп керамики в материалах памятника присутствуют фрагменты 20 сосудов (6,6%), которые не могут быть отнесены ни к одной из групп. По форме это были открытые банки. Облик венчиков (14 экземпляров) индивидуален, но чаще они прямые. Орнамент беден: ямки, наколы, изредка применен гребенчатый штамп. Отсутствие аналогий делает хронологическую привязку этой керамики мало перспективной. По форме венчиков ряд фрагментов напоминает керамику Притомья I тыс. до н. э. (Плетнева, 1977. Рис. 8, 10, 11), но характер орнаментации и структура теста позволяют предполагать более поздний ее возраст.

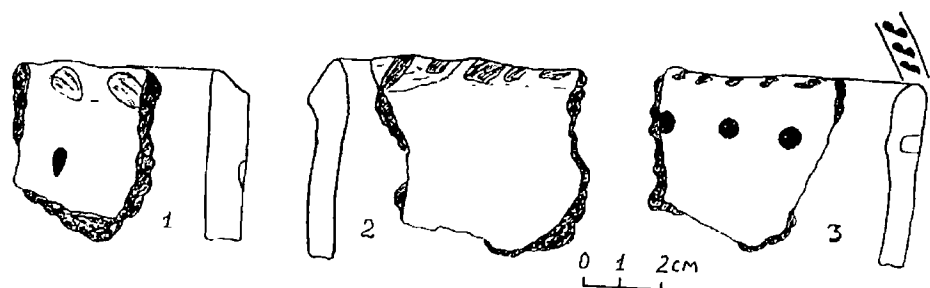

Рис. 8. Селище Золотая Горка. Керамика, не вошедшая в группы

Завершая характеристику керамического комплекса, необходимо отметить наличие в сборах с селища двух фрагментов сосуда с крестовой орнаментацией, датируемого эпохой поздней бронзы.

Таким образом, керамический материал селища Золотая Горка дает основание выявить наличие в нем, по крайней мере, двух этнохронологических пластов. Первый, представленный керамикой I группы, характеризуется наличием тюркских элементов и датируется в пределах XI—XIV вв. Второй представлен керамикой II группы и датируется ею XVI—XVII вв. Возможно, он связан с приходом селькупского населения. Наличие аналогичной ситуации на селище Шеломок I, когда тюркская керамика начала II тыс. н. э. вытеснялась в позднем средневековье самодийской (Мец, 1990), позволяет предполагать в XVI в. продвижение каких-то групп селькупского населения на юг.

Во II тыс. н. э. все этнические процессы в Томском Приобье и Притомье протекали под знаком становления группы томских татар. Сложность и протяженность во времени эт-

ногенетических связей, невыявленность источников по ранним этапам формирования обусловили неоднозначность взгляда на содержание этнонима «томские татары». Например, З. Я. Бояршинова называет так лишь дорусское население Притомья (Бояршинова, 1950. С. 33), А. П. Дульзон включает сюда и жителей р. Оби вблизи Томского устья (Томилов, 1980. С. 3), Н. А. Томилов в некоторых случаях предпочитает использовать для обозначения обитателей указанной территории этнографически более нейтральное наименование — «тюркоязычное население Томского Приобья» (там же).

Кто же обитал на правобережье Томского Приобья, где расположено селище Золотая Горка, к приходу русских? В отличие от районов Нарымского Приобья и Притомья, где письменные источники конца XVI—XVII вв. обозначают этнически определенные группы селькупов и томских татар, Томское Приобье — русло р. Оби между устьями р. Чулыма и р. Уени — и Обь-Томское междуречье остаются в этом отношении за пределами памятников археографии. Известно, что в XVII в. эти земли входили в состав Томского уезда, но границы русских административных участков этого времени не отличались стабильностью из-за постоянных военных столкновений русских, джунгарских (калмыцких) и енисейско-киргизских войск. В конце XVI в., приняв русское подданство, в Приобье переселились чаты и, основав Чагский и Мурзинский городки, «господствовали над мелкими группами охотников и рыболовов, населявшими район между Обью и Томью. Эти группы подчиненных чатам охотников и рыболовов назывались их «кыштымами»... В нашем распоряжении нет исторических данных, чтобы судить об этнической принадлежности чатских кыштымов. Это были, по-видимому, мелкие разрозненные тюркоязычные группы, населявшие район к востоку от Оби до р. Томи. Часть из них носила название темерчинцев...» (Бояршинова, 1950. С. 36).

К подобным же выводам вслед за З. Я. Бояршиновой пришел А. П. Дульзон. К его работе «Чулымские татары и их язык» приложены две карты: на одной (рис. 1) на месте расположения Золотой Горки имеется надпись «Томские тюрки», чуть выше — «Чаты»; на другой (рис. 2) эта территория отведена «Темерчинской волости» (Дульзон, 1952).

Касаясь картографического материала, можно отметить, что в опубликованной во II томе «Истории Сибири» Г. Ф.

Миллера (М.—Л., 1941) «Карте Сибири первой половины XVII в.», подготовленной К. Н. Сербиной, при сравнительно неплохой демонстрации этнографической ситуации район Томского Приобья остался «белым пятном».

Н. Ф. Емельянов считает население Обь-Томского междуречья татарским. О темерчинцах же он сообщает следующее: «...Стали предметом раздора между томскими татарами и чатами... Темерчинцы в первые два десятилетия XVII в... платили ясак в казну, но в 20-х годах они были захвачены чатским мурзой Касаем. Только в 1631 г. томские воеводы вновь включили их в ясак, выделив Темерчинскую волость» (Емельянов, 1980. С. 25—26).

Г. И. Пелих называет тюркоязычное население Томского Приобья карагасами, однако самодийские элементы их культуры выводит не от нарымских селькупов, как, например, А. П. Дульзон, а от древнесамодийского народа тубо (дубо) — основного субстрата карагасского этноса. Время его тюркизации Г. И. Пелих не уточняет (Пелих, 1972. С. 238—258).

Таким образом, большинство исследователей полагают, что на правобережье Томского Приобья в канун появления здесь русских проживало тюркоязычное население, однако его этнические корни до сих пор остаются невыявленными. Отличие этих обитателей от татар Притомья подчеркивалось неоднократно. Так, И. Георги выделял группу «обских татар», которые при внешнем сходстве облика, языка, быта жили более бедно, менее опрятно, имели склонность к охоте и рыболовству, не отличались ортодоксальностью ислама и быстро переняли христианство (Емельянов, 1980. С. 66). Отличие «обских новокрещен» от чатов и эуштинцев подчеркивал Н. Ф. Емельянов (1978. С. 86—87). В связи с этим представляется справедливым предложение Н. А. Томилова изучать этногенез и этническую историю каждой группы сибирских татар в отдельности, исходя из разнообразия и разноразличности их исторических компонентов (Томилов, 1978. С. 89). Промежуточное положение группы «обских татар» между тюркским миром и селькупам было, очевидно, не только географическим, но и историко-этническим. Причем эта буферная группа имела тенденцию к расширению своей северной границы в русле общего направления тюркской экспансии. Так, С. Патканов проводил южную границу расселения нарымских селькупов в начале XVIII в. по юртам Казырбак у впадения р. Шегарки в р. Обь (Бояршинова,

1950. С. 35); в середине XVIII в. И. П. Фальк определил ее «несколько выше» Шегарского устья (Дульзон, 1952. С. 88); через столетие А. М. Кастрен назвал наиболее южным селькупским поселением уже юрты Амбарцевские в 25 верстах выше устья р. Чулыма (Бояршинова, 1950. С. 35). Учитывая эту тенденцию, мы вправе при ретроспективном взгляде на тюрко-селькупскую границу увидеть ее значительно южнее устья р. Шегарки, т. е. того района, население которого даже в XVII в. почти единодушно признается нетатарским — селькупским или смешанным (Бояршинова, 1950. С. 34; Лукина, Пелих, 1963. С. 169; Емельянов, 1980. С. 29—30; и др.).

Керамика селища Золотая Горка позволяет предположить обскую южную границу расселения селькупов в XVI — начале XVII в. не только выше устья р. Шегарки, но и выше устья р. Томи. Очевидно, селькупы продвинулись сюда в XVI в. Трудно объяснить причины этого. Возможно, они были экологическими: преимущественно охотничье-рыболовческий хозяйственно-культурный тип селькупов и скотоводческо-земледельческий хозяйственно-культурный тип тюрков в освоении природной среды не приводили к конкурентным отношениям. Поэтому природно-климатические изменения, пусть и минимальные, на границах ландшафтных зон (в нашем случае — лесостепи и тайги) могли в незначительных размерах вызывать миграционные процессы. Скотоводам-тюркам требовались более продуктивные экологические районы, нежели охотникам-селькупам. Нельзя исключать и возможных политических причин селькупского проникновения в Томское Приобье. Смутная военно-политическая обстановка в Приобье XVI в., вызванная борьбой тайбугинов и чингисидов за власть, возникновением и падением Сибирского ханства и Пегой орды, переплетением тюрко-селькупских отношений от даннических до военно-союзнических (История Сибири. С. 110), могла в какой-то мере обусловить южное проникновение селькупов. В XVII в. самодийский форпост уже утратил былую этническую чистоту и начал испытывать не только политическое, но и этническое давление со стороны татар. Переселение на р. Обь чатов, тюрков р. Томи и р. Чулыма (Емельянов, 1980. С. 51, 55—56, 71) в XVII—XVIII вв. довершило тюркизацию томско-обского населения: начавшие было возобладать в XVI в. селькупские черты культуры постепенно угасают и сменяются тюркскими. Выяснение верхней хронологической границы этого процесса затрудняется отсутствием письменных источников XVII в. по населению

Томского Приобья, которое, попав в зависимость от чатов, долгое время находилось вне пределов наблюдения властей. По основополагающему этнопоказательному признаку русской администрации — языку — это население было отнесено к татарам. Хотя уже отмеченные отличия «обских татар» (по И. Георги) или «обских новокрещен» (по Н. Ф. Емельянову) от эуштинцев или чатов, близость по многим элементам культуры к нарымским селькупам не позволяют решать этот вопрос столь однозначно. Быстрая последующая русификация и христианизация этого населения также свидетельствуют о его этнической дезориентации.

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что селище Золотая Горка датируется в пределах развитого и позднего средневековья. Анализ оружия и орудий труда, отходов металлопроизводства, остеологического материала позволяет характеризовать хозяйство обитателей селища как комплексное. Из присваивающих отраслей доминировала пушная охота, из производящих — коневодство (очевидно, на первом этапе существования памятника), черная и цветная металлургия. Широкий территориально-хронологический диапазон вещевого инвентаря, отсутствие достоверных аналогий в домостроительстве не дают возможности этнической оценки населения, оставившего Золотую Горку. Однако керамика, отчасти ставшая ко II тыс. н. э. этнопоказательным признаком, позволяет увязать первый этап существования селища (XI—XIV вв.) с тюркским компонентом, второй (XVI—начало XVII вв.) — с селькупским. Предложенная схема тюрко-селькупских контактов не претендует на исчерпывающее решение этой проблемы. Достоверность, сроки, причины и масштабы селькупской миграции в Томское Приобье, проблемы этногенеза населения этого региона могут быть разрешены только в ходе дальнейших исследований.

Ю. В. ШИРИН

К ИСТОРИИ «КУЛЬТОВЫХ МЕСТ» ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Так называемые клады, или находки отдельных комплексов различных металлических изделий древних культур Западной Сибири, представляют многочисленную группу коллекций в собраниях музеев. Назовем лишь наиболее известные: Истяцкий (Чернецов, 1953а. С. 162—171), Мурлинский (Чернецов, 1953а. С. 150—156), Елыкаевский (Могильников, 1968. С. 263—268), Ишимский (Ермолаев, 1914), Парабельский (Ураев, 1956а. С. 326—327). Практически не вызывает сомнения связь этих комплексов с явлениями культового характера. Хронология инвентаря таких культовых мест-«кладов» уже неоднократно обсуждалась. Результаты всех исследований зависели от степени археологической изученности тех мест, на которых были сделаны находки. В Западной Сибири не было известно практически ни одного могильника, содержащего вещи, массово представленные в «кладах». Поэтому датировка инвентаря «кладов» проводилась на основе возможных аналогий, а также с привлечением типологических схем развития культового литья и оружия. С использованием предложенных датировок часть «культовых мест» была отнесена к раннему железу, функционирование остальных — к средневековью.

Не претендуя на детальное рассмотрение проблем, связанных с этим интереснейшим типом памятников Западной Сибири, хотелось бы сделать несколько замечаний, исходя из формального анализа «культовых комплексов» и используя накопленную археологическую информацию.

По-видимому, не всегда предметы, объединенные сборщиком «клада», входили в одну неделимую группу. Это видно на примере тех «культовых мест», которые удавалось обследовать после поступления первых находок вскрытием широкой площади. Археологические раскопки позво-

лили выявить отдельные скопления вещей на Кулайской горе (Мягков, 1929. С. 54) и на Парабельском «культовом месте» (Ураев. Отчет). Группы предметов находились на глубине около 30—40 см. Казалось бы, это можно отнести за счет накопления грунта. Но в некоторых случаях зафиксированы контуры ям (Ураев. Отчет) или обкладка предметов более плотным грунтом (Ураев, 19566. С. 329). Таким образом, попадает под сомнение и высказываемое предположение о том, что обнаруженные скопления предметов первоначально находились в культовом сооружении, похожем на амбарчик, где накапливались в течение длительного времени (Могильников, 1968. С. 268) и могли периодически использоваться в определенных ритуалах (Плотников, 1987. С. 125). По нашему мнению, на «культовых местах» производилось захоронение определенных групп предметов, исключаящее

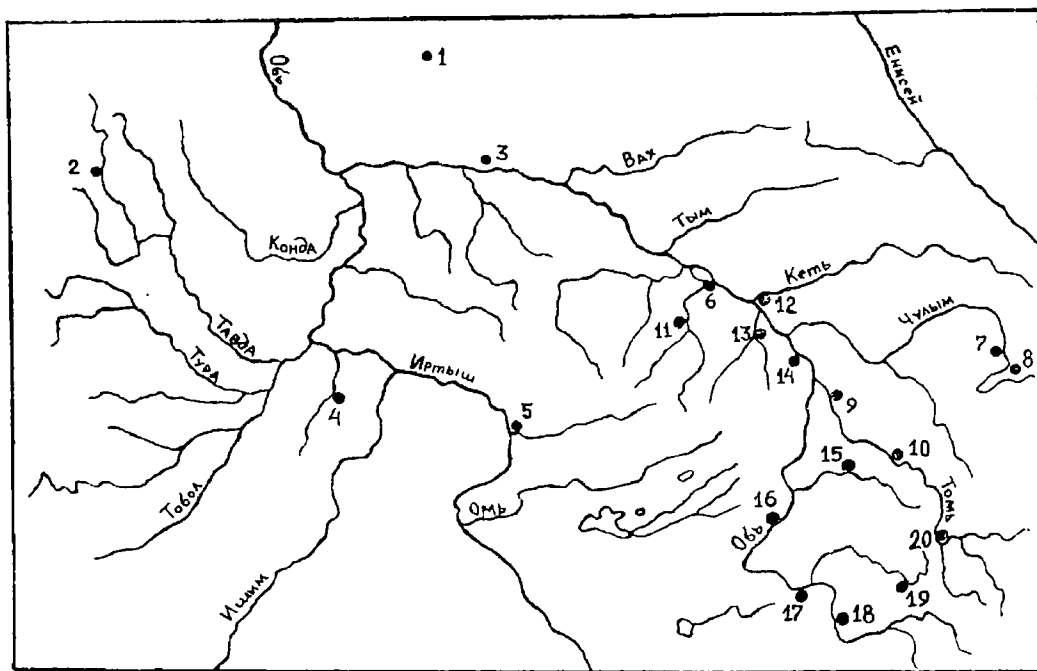

Рис. 1. Культовые памятники, упоминаемые в тексте: 1 — Холмогорское к. м.; 2 — Лозьвинское к. м.; 3 — к. м. на Барсовом Городке 1/9; 4 — Истяцкое к. м.; 5 — Мурлинское к. м.; 6 — Парабельское к. м.; 7 — Ишимское к. м.; 8 — Айдашинская пещера; 9 — к. м. на Томском могильнике; 10 — Глыкаевское к. м.; 11 — Шутовское к. м.; 12 — Пиковское к. м.; 13 — Кулайское к. м.; 14 — Кривошеинское к. м.; 15 — Лебединое к. м.; 16 — мог. Ирмень 2; 17 — Новообинцевское к. м.; 18 — мог. Ближние Елбаны-7; 19 — мог. Татарские могилки; 20 — мог. Усть-Абинский

Возможность их употребления в дальнейшем. Наиболее оптимально этому требованию соответствовали условия вертикальной карстовой полости Айдашинской пещеры, где найдены многочисленные аналогии инвентарю перечисленных «кладов» (Молодин и др., 1980. С. 208).

Для «кладов» характерна еще одна черта. В их составе исследователи выделяют определенные группы предметов в «антиквариат». К нему может быть отнесен один из видов художественного литья, бронзовые наконечники стрел, зеркала. В таких случаях опираются на этнографические свидетельства о почитании различных древних находок. Да, это действительно так. Но при известном разнообразии типов почитаемых находок: обломок бронзового художественного изделия, каменное оружие или фрагмент керамики. В анализируемых же «культовых местах» удивляет повторяемость «антикварных» групп. Немаловажной основой для выделения «антиквариата» служило наличие в культовом месте «поздней» группы предметов (художественное литье с высоким рельефом и железное оружие). Основанием для датировок «поздней» группы предметов служили, в лучшем случае, весьма отдаленные аналогии и формально-типологические наблюдения, в худшем — ссылка на «поздний» комплекс другого «культового места». Принятая для ряда мест (Ишимского, Елыкаевского, Парабельского) дата (VI—VIII вв. н. э.) представляется несколько завышенной. Весьма вероятно, что перечисленные комплексы в результате дальнейших исследований будут отнесены к позднекулайскому времени — не позднее V в. н. э., как это уже было предложено для Парабельского «культового места» (Чиндина, 1984. С. 70).

В известных нам позднекулайских погребальных комплексах на юге Западной Сибири (Ближние Елбаны 7 (Грязнов, 1956. С. 127—132), Ирмень 2 (Троицкая, 1979. С. 40), Татарские могилки (Уманский, 1974. С. 136—149), Усть-Абинский) практически отсутствует оружие. В результате реконструируемый для южной периферии кулайской общности «фоминский оружейный набор» (Худяков, 1990. С. 49, 50, 58) представлен явно неполно. В то же время, если в схему Ю. С. Худякова добавить оружие, собранное в культовых местах, «фоминский комплекс оружия» становится удивительно адекватен практически всем сравниваемым оружейным наборам первой половины I тыс. н. э. (Кокэль, Берсель, Кок-Паш). Основной опорой хронологии «поздних» комплексов культовых мест служили железные наконечники стрел. В исследо-

ванном нами могильнике фоминского этапа Усть-Абинском встречены практически все типы наконечников стрел из железа, известные в рассмотренных культовых местах. Материалы фоминских погребений не позволяют датировать их временем позднее V в. н. э. Вероятная дата фоминских комплексов III—IV вв. н. э. (Ширин, 1991. С. 158).

К позднекулайскому времени могут быть отнесены и некоторые из культовых мест, датируемые в прежних культурологических схемах более ранним временем, например, Истяцкий и Мурлинский клады. Близкая периодизация для этих памятников уже обосновывалась (Чиндина, 1984. С. 106—111), но так как ряд исследователей продолжают привлекать материалы Истяцкого клада в контексте его первоначальной ранней датировки, необходимо подробнее остановиться на доводах принимаемого нами омоложения этого культового места.

Ранняя датировка Истяцкого клада (II в. до н. э.) была определена на основании дат, предложенных для обломка серебряного бактрийского сосуда с изображением Артемиды, китайских бронзовых зеркал и конических железных шлемов (Чернецов, 1953а. С. 162—165). В настоящее время есть основания полагать, что истяцкие зеркала представляют собой копии с китайских образцов. Их выпуск был налажен в Средней Азии в III в. н. э. (Горбунова, 1990. С. 196). Причем они встречаются не только в месте своего изготовления, но и в позднесарматских курганах (Пшеничнюк, 1983. Табл. 54, 6). Железный конический шлем с наконечником был обнаружен в погребении азелинской культуры III—V вв. н. э. (Голдина, 1987. Рис. 10, 19). Важность этой находки заключается в том, что в материалах азелинских могильников есть и другие аналогии инвентарю позднекулайских памятников.

К началу I тыс. н. э. отнес истяцкие шлемы М. В. Горелик. Интересно, что в качестве одной из аналогий им был приведен шлем парфянского катафрактария с граффити III в. н. э. (Горелик, 1987. С. 125). Не ранее III в. н. э. появляются рельефные бронзовые изображения трехголовых птиц (Чиндина, 1984. С. 107). В Истяцком кладе есть гравированные изображения этого образа (Спицын, 1906. Рис. 46) и грубые плоские отливки (Чернецов, 1953а. Табл. 21, 8, 11), подражающие образцам, известным по материалам Ишимского (Ермолаев, 1914. Табл. 6, 4, 8), Парабельского (Чиндина, 1984. Рис. 37, 4—6), Холмогорского

(Чиндина, 1984. Рис. 37, 9), Пиковского (Чиндина, 1984. Рис. 37, 8) культовых мест. Упоминание железного копья в составе Истяцкого клада (Лыткин, 1890. С. 13) укрепляет наше представление о позднем характере этого культового места. Что касается серебряного изображения Артемиды или амазонки, то путь его мог быть довольно сложным, прежде чем оно попало в Прииртышье. На время его создания есть две точки зрения: первая — эта вещь датируется II в. до н. э. (Тревер, 1940. С. 64), вторая — I в. до н. э. — I в. н. э. (Пугаченкова, 1971. С. 239). О проблематичности датировок подобных фрагментарных изделий можно судить и на примере эмблематиды из Пуковского культового места. Первоначально она была датирована I в. до н. э. (Могильников, 1969. С. 254—259), а затем — I в. н. э. (Луконин, 1977. С. 125). Вероятно, вне зависимости от времени создания судьба подобных изделий кушанского периода могла быть одинаковой. То есть на север они могли попасть не ранее III в. н. э., когда после разгрома кушанского царства, в котором могли участвовать кочевники Прииртышья (Гумилев, 1959. С. 129—134), были разграблены храмовые хранилища и сокровищницы. Возможно, шлемы Истяцкого клада также являлись военным трофеем.

Подвергая омолаживанию «ранние клады», нельзя отрицать возможность осуществления votивных захоронений предметов и в I тыс. до н. э. Так, на Кулайской горе, хотя и можно выделить предположительно позднекулайские материалы, тем не менее довольно большой комплекс ажурного литья, связь которого с ранними кулайскими материалами вполне доказана, свидетельствует о том, что здесь могут быть одни из ранних захоронений предметов. К ранним захоронениям предметов может относиться и Новообинцевский клад (Бородаев, 1987. С. 96—114), хотя датировка его вряд ли более ранняя, чем время распространения кулайских памятников в районе Барнаула (конец II в. до н. э.—I в. н. э.) (Троицкая, 1979. С. 49). Клады как культовая обрядность с самого начала были выделены в одну из характерных черт кулайской традиции (Чернецов, 1953б. С. 223). Не случайно они встречались не только на территории формирования кулайской культуры — в Среднем Приобье, но и везде, где прослежено проникновение ее носителей (рис. 1): Барсов Городок 1/9 (Сосновкин, Коротаев, 1974. С. 112—119), Лозьвинский клад (Чернецов, 1953а. С. 156—162), Усть-Полуйское культовое место (Адрианов, 1936. С. 278).

Несомненно, у такой устойчивой обрядности должны быть глубокие исторические корни.

Попробуем рассмотреть возможность сближения «антикварных» групп вещей с комплексами III—V вв. н. э. Ведь даже удревнение «позднего» комплекса не снимает печать еще большей древности с таких категорий инвентаря «кладов», как бронзовые наконечники стрел, ажурное и плоское художественное литье, а также с предметов таштыкского и тагарского происхождения. Отмеченные трудности в датировке составляющих votивные наборы изделий и то, что захоронения групп предметов могли производиться на одном участке неоднократно, позволяют допустить, что антикварная часть связана с самым ранним из совершенных приношений. Так это и предполагается, например, для Айдашинской пещеры (Молодил, Бобров, Равнушкин, 1980. С. 84—94). Однако в ряде случаев мы не можем сомневаться в цельности «смешанных» групп (Ишимское культовое место), а для Парабельского культового места этот факт подтверждается фотографией и чертежом (Ураев, 1956, чертеж раскопа 5 и 6). В последнем случае вещи находились в одной яме размером $1,2 \times 0,8$ м, вытянутой с запада на восток (рис. 2). В 1,4 м к югу от этой ямы были расчищены остатки погребения

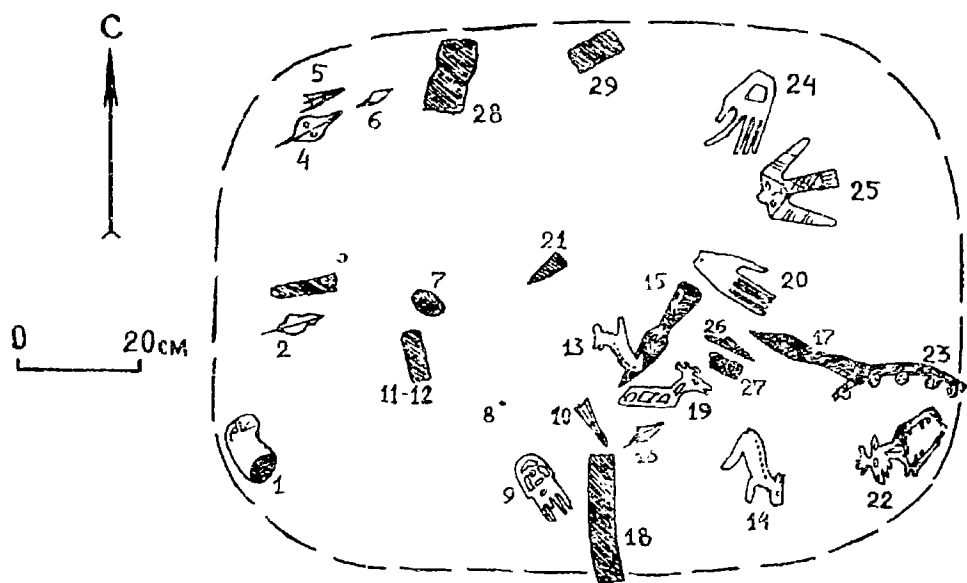

Рис. 2. Парабельское культовое место. Расположение предметов в скоплении возле погребения. Реконструкция автора по фотографии и чертежу Р. А. Ураева

ния $2,8 \times 1,4$ м, ориентированные с юга на север. Судя по отчету Р. А. Ураева, в погребении под толстыми кусками коры были найдены совершенно истлевшие кости, на некоторых из них были следы воздействия огня. Инвентаря в погребении не было (Ураев, 1956. С. 8).

Перечислим комплекс из ямы к северу от погребения (порядковый номер соответствует номеру на плане ямы (рис. 2)):

1 — медное полое изображение головы хищной птицы (рис. 3, 9);

Рис. 3. Вещи из скопления возле погребения на Парабельском культовом месте: 1—6, 10, 16 — железо; 7—9, 11—15, 17—19 — медь и бронза

2, 4, 6, 16 — железные плоские черешковые наконечники стрел (соответственно рис. 3, 4, 3, 6, 5);

3 — обломок железного ножа или кинжала;

5, 10 — бронзовые трехлопастные втульчатые наконечники стрел, во втулке одного из них сохранилось древко (рис. 3, 7, 8);

7 — овальный обломок железной пластины с двумя заклепками;

8 — осколки серебряной пластинки;

9 — железный гребень с 5 зубцами, вытянутыми ажурным щитком и округленным верхом (рис. 3, 16);

11, 12 — железные продолговатые согнутые пластинки, лежащие одна на другой (одна более длинная);

13, 14 — медные изображения скачущего зайца; моделировка односторонняя, с вторичной обработкой поверхности, вдоль хребта — канавка со шнуровым рельефом, на обороте в области передних ног петля; у отливки 13 (рис. 3, 14) глаз в виде овальной выемки, а у 14 (рис. 3, 15) — в виде бугорка с выемкой вокруг, лапы трехпалые;

15, 17 — железные втульчатые наконечники копий (рис. 3, 1, 2);

18 — бронзовая пластинка $21 \times 3,1$ см;

19—22 — медные ажурные изображения лося (рис. 3, 12, 13);

20 — медное изображение ладони левой руки с дырочкой на запястье (рис. 3, 19);

21 — железный вытянутый треугольный обломок пластины;

23 — медная ажурная «диадема» с навершиями в виде 5 схематичных личин (рис. 3, 17);

24 — медное изображение ладони правой руки с крупным отверстием на ладони (рис. 3, 18);

25 — медное изображение птицы с личиной на груди (рис. 3, 11);

26 — железный нож (рис. 3, 10);

27 — обломок железной пластины $5 \times 3,5$ см с заклепкой;

28 — обломок железной пластины $18,5 \times 5,6$ см с двумя петельками на одной из плоскостей;

29 — обломок железной пластины $8 \times 6,5$ см с прижавшими кусочками слюды.

В общем, не отрицая использование в культовых целях пережиточного инвентаря, считаем, что большая часть из

выделенных «ранних» групп представляет собой псевдо-антиквариат. Правда, доводы в пользу этого в настоящее время могут быть представлены лишь как постановка исследовательских задач. Например, пока не будет проведен достаточно глубокий анализ развития ажурного и плоского художественного литья с учетом семантики и технологии изготовления предметов, трудно утверждать и отрицать возможность воспроизводства подобных изделий в позднекулайское время. Наблюдение об одноразовом использовании грубых культовых отливок и предположение ряда исследователей о соответствии таких изделий консервативным родовым тотемным культам (Чернецов, 1953а. С. 177—178) делают эту возможность почти реальной. Проблема распространения тагаро-таштыкского импорта в таежной зоне также решается архсологами весьма противоречиво (Мартынов, Мартынова, 1978. С. 25—32; Чиндина, 1984. С. 114). При чем хронологическая основа этой дискуссии может измениться в связи с наметившимся омоложением дат позднетагарских и таштыкских комплексов (Вадецкая, 1991, с. 152).

Нельзя не признать, что какое-то из рассмотренных культовых мест могло использоваться и позднее V в. н. э. О продолжении культовой традиции кулайского времени говорят паходки, несомненно, средневековых кладов: Васюганский (Могильников, 1964. С. 227—231), Лебединский (Бобров, Добжанский, 1989. С. 133—135), Шутовской (Ураев, 1956а. С. 327). Но если учесть, что для них характерно отсутствие псевдоантиквариата, а часто и наличие деталей поясного набора, то косвенно подтверждается ограничение верхней даты «смешанных» кладов V в. В последних ни разу не встречены средневековые поясные наборы, а также канонизированные изображения воинов тех типов, что найдены в могильниках VI—VIII вв. н. э. (Чиндина, 1977. Рис. 33; 34; Беликова, Плетнева, 1983. Рис. 26, 4).

Обобщим основные признаки, которые можно принять для характеристики позднекулайских votивных захоронений предметов:

- наличие ажурного и плоского культового литья наряду с высокохудожественным объемным;

- наличие украшений и деталей одежды;

- наличие бронзовых дисков и зеркал с гравированными рисунками;

- наличие бронзовых наконечников стрел, при возможном преобладании различных типов железных;

— наличие больших групп разных видов железного оружия.

Учитывая названные признаки, считаем возможным выделить еще одно культовое место позднекулайского времени. В настоящее время этот памятник интерпретируется как могильник. Речь идет о погребениях 42—47 Томского могильника (Комарова, 1952: С. 47). Погребения были выделены в известной степени условно. Это были скопления предметов на глубине от 12 до 30 см. Из-за отсутствия костных остатков предполагалось, что могилы содержали пепел кремации. Это маловероятно, так как во всех известных позднекулайских погребениях остатки кремации представляли собой линзы белых кальцинированных костей значительной мощности. Их нельзя пропустить в темном почвенном слое. Полное отсутствие керамики и не характерное для позднекулайских погребений соотношение в категориях инвентаря подкрепляет наше предположение об отнесении погребений 42—47 Томского могильника к позднекулайским культовым местам.

Своеобразие позднекулайских культовых мест — в захоронении лучших образцов оружия. Представляется оправданным предположение о связи подобных приношений с потлачевидной обрядностью, в которой выразилось стремление общины противостоять возможности скапливания ценностей в личном пользовании (Чиндина, 1984. С. 152). Одним из признаков накопления значительного числа оружия мог быть запрет помещения его в могилу.

Возможно, что в структуре кладов позднекулайской общности отразились не только сложные процессы эпохи разложения первобытной общины, но и процессы формирования новых мировоззренческих явлений. О связи различных типов культового литья с различными уровнями развития духовной культуры, предполагаемой многими исследователями, мы уже говорили. Несомненно, что в позднекулайском обществе сложились социальные предпосылки и для усвоения образов и символов развитых религиозных культов, проникающих в среду таежных культур. Одним из таких возможных образов называется восточноиранский Митра. Если это действительно так, то митраизм, несомненно, был воспринят именно как религиозная система. Подробное обоснование этого предположения мы опускаем. Отметим только, что в культовых местах получает распространение не только образ всадника, который, как правило, и олицетворяет образ

Митры (Полосьмак, 1990. С. 180—191), но и его солярные символы — бронзовые диски и зеркала, птицы.

На южной периферии позднекулайской общности происходит резкая смена погребальной обрядности. Проникновению образа Митры могла способствовать многоплановость его канонизированных функций, отвечающая реальным потребностям позднекулайского общества, все институты которого, по-видимому, находились на стадии перехода от структур первобытности к потестарным. С одной стороны, Митра являлся гарантом различных иерархических договорных отношений, начиная с семьи и кончая союзом племен, с другой — строгим блюстителем равенства в исполнении общинных законов (Гемуев, 1990. С. 188—189). В духовной сфере заимствованный культ давал почву для сложения зарождающихся в недрах кулайской общности собственных религиозных систем. Митра выступал посредником между родовыми духами договорных отношений с людьми (Гемуев, 1990. С. 180). Судьба сибирского митраизма требует еще своего специального исследования. Кратко скажем, что, хотя образ Митры этнографически зафиксирован в наиболее развитом виде в угорской среде (Мир-Сусне-Хум) (Гемуев, 1990. С. 190—194), тем не менее не следует ограничивать сибирский митраизм этническими рамками. Об этом говорит не только широта распространения культовых мест, которые можно связать с образами Митры (рис. 1), но и выявление следов митраизма в мировоззрении других сибирских народов (Топоров, 1981. С. 160).

ЛИТЕРАТУРА

Августинник А. И., 1956. К вопросу о методике исследования древней керамики//КСИИМК. № 64. С. 149—156.

Авдеев И. И., 1936. Песни народов манси. Омск: обл. гос. изд-во, 127 с.

Агапов С. А., Кузьминых С. В., Терехин С. А., 1989. Моделирование процессов древней плавки меди//Естественнонаучные методы в археологии. М.: Наука. С. 100—108.

Адрианов В. С., 1936. Раскопки у Салехарда в 1936 г.//СА. № 1. Археология СССР. 1987. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Бабушкин Н., Кошелев Я., 1961. Легенды голубых озер. Томск: Кн. изд-во. 45 с.

Баландин Н. А., 1939. Язык мансийской сказки. Л.: Изд-во Главсевморпути. 80 с.

Балакин Ю. В., Чиндина Л. А., 1975. Поселения Круглое Озеро I и II//ИИС, вып. 19. Томск, Изд-во ТГУ.

Беликова О. Б., 1984. Отчет о полевых исследованиях Средне-Чулымской археологической экспедиции Томского госуниверситета 1983 г. //Архив МАЭС ТГУ, № 899. Томск.

Беликова О. Б., 1986. Отчет о полевых исследованиях Средне-Чулымского отряда археологической экспедиции Томского госуниверситета 1985 г.//Архив МАЭС ТГУ, № 959. Томск.

Беликова О. Б., 1988. Курган 53 Змеинкинского могильника на Чулыме//Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки. Новосибирск. С. 116—135.

Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983. Памятники Томского Приобья в V—VIII вв. н. э. Томск.

Бобров В. В., Добжанский В. Н., 1989. Лебединский клад//Проблемы изучения Сибири. Красноярск.

Боброва А. И., 1976. Полевая документация по трассе газопровода в Колпашевском районе в 1976 г.//Архив МАЭС ТГУ. № 691. С. 44—48.

Боброва А. И., 1982. Отчет о полевых исследованиях Среднеобского отряда археологической экспедиции Томского госуниверситета в 1982 г.//Архив МАЭС ТГУ. № 915. С. 4—20.

Боброва А. И., 1990. О древнем компоненте в культуре нарымских селькупов//Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск. С. 179—181.

Боброва А. И., Мец Ф. И., 1989. Ладьевидные сосуды и сосуды с ушками средневекового населения Нарымского Приобья//Тезисы об-

ластной научно-практической конференции «Памятники истории и культуры Омской области». Вып. 2: Археология. Омск. С. 52—54.

Борзунов В. А., 1982. Гамаюнская культура (основные характеристики)//Археологические исследования севера Евразии. Свердловск.

Борзунов В. А. Селища и жилища Западной Сибири начала эпохи железа//Очерки расогенеза и культурогенеза Западной Сибири. Т. II: Поселения и жилища Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та. (В печ.).

Борзунов В. А., Новиченков Н. Н., 1988. Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала//Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск. С. 88—103.

Бородаев В. Б., 1987. Новообинцевский клад//Антропоморфные изображения. Новосибирск.

Бояршинова З. Я., 1950. Население Томского уезда в первой половине XVII века//Тр. Томск. гос. ун-та. Сер. ист.-филол. Томск. Т. 112. С. 23—210.

Вадецкая Э. Б., 1991. Хронология таштыкского переходного этапа//Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул.

Васильев Е. А., 1978а. Гребенчато-ямочная керамика Среднего Приобья//Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск.

Васильев Е. А., 1978б. Отчет о полевых работах Парабельского археологического отряда летом 1978 года//Архив МАЭС ТГУ, № 836.

Васильев Е. А., 1978в. Энеолитическое время в бассейне р. Вах//Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск.

Васильев Е. А., 1989а. Энеолит и ранний бронзовый век средне- и северотаежного Приобья. Дис. ...канд. ист. наук//Архив МАЭС ТГУ.

Васильев Е. А., 1989б. Энеолит и ранний бронзовый век средне- и северотаежного Приобья. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М.

Гемуев И. Н., 1984. Семья у селькупов (XIX—XX вв.). Новосибирск: Наука, 155 с.

Гемуев И. Н., 1990. Мировоззрение манси: Дом и космос. Новосибирск.

Генинг В. Ф., 1973. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок//СА, № 1. С. 114—135.

Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969. Логиновское городище//ВАУ, Свердловск. Вып. 8. С. 102—127.

Голдина Р. Д., 1987. Погребальный обряд Худяковского могильника//Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола.

Горбунова Н. Г., 1990. Ферганский могильник Хангиз-I//СА. № 1.

Горелик М. В., 1987. Сакский доспех//Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. М.

Гребнева Г. И., 1982. Отчет об археологических исследованиях Кетского отряда летом 1982 г.//Архив МАЭС ТГУ, № 893.

Гриневич К. Э., 1948. Описание басандайской керамики//Басандайка. Томск. С. 125—137.

Грязнов М. П., 1956. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.—Л.: Наука. 163 с.

Гумилев Л. Н., 1959. Эфталиты и их соседи в IV в.//ВДИ. № 1.

Дульзон А. П., 1952. Чулымские татары и их язык//Уч. зап. ТГПИ. Т. IX. Томск. С. 76—211.

Дульзон А. П., 1953. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар//Уч. зап. ТГПИ. Т. X. Томск. С. 127—334.

Дульзон А. П., 1955. Остяцкие могильники XVI и XVII веков у села Молчаново на Оби//Уч. зап. ТГПИ. Т. XIII. Томск. С. 97—154.

Дульзон А. П., 1955а. Пачантский курганный могильник//Уч. зап. ТГПИ. Т. XIV. Томск.

Дульзон А. П., 1956. Археологические памятники Томской области//Тр. ТОКМ. Т. V.

Дульзон А. П., 1957. Остяцкий курганный могильник XVII в. у с. Молчаново на Оби//Уч. зап. ТГПИ. Т. XVII. Томск. С. 443—488.

Дульзон А. П., 1958. Томский неолитический могильник//Уч. зап. ТГПИ. Т. XVII. Томск.

Емельянов Н. Ф., 1980. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Изд-во ТГУ. 251 с.

Ермолаев А. П., 1914. Ишимская коллекция. Красноярск.

Земцов А. А., 1976. Геоморфология Западно-Сибирской равнины (северная и центральная часть) Томск: Изд-во ТГУ. 343 с.

Ильин Р. С., 1930. Природа Нарымского края//Материалы по изучению Сибири. Т. 2. Томск: Изд-во Томск. ун-та. 350 с.

История Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та. 1987. 472 с.

Кверфельдт Э. К., 1947. Керамика Ближнего Востока. С. 18.

Кирюшин Ю. Ф., 1974. Работы в Васюганье//АО, 1973. М.: Наука. С. 207.

Кирюшин Ю. Ф., 1975. Нововасюганское поселение//ИИС. Вып. 16. Томск.

Кирюшкин Ю. Ф., 1976. Поселение Тух-Эмтор IV, — памятник Васюганского Приобья//ИИС. Вып. 19. Томск.

Кирюшин Ю. Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья. Автореф. дис. ...докт. ист. наук. Новосибирск.

Кирюшин Ю. Ф., 1988. Периодизация культур неолита и бронзы Верхнего и Среднего Приобья//Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул.

Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., 1979. Бронзовый век Васюганья. Томск.

Кирюшин Ю. Ф., Посредников В. А., Фирсов Л. В., 1981. Абсолютный возраст некоторых памятников неолита и бронзы Западной Сибири//Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск.

Ковалева В. Т., 1986. Боборыкинская культура (итоги изучения)//Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск.

Ковалева В. Т., 1988. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Приобья//Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск. С. 29—47.

Кокорина (Беликова) О. Б., 1978. Отчет о полевых исследованиях Средне-Чулымского отряда археологической экспедиции Томского госуниверситета летом 1977 г.//Архив МАЭС ТГУ. № 741.

Кокорина (Беликова) О. Б., 1979. Отчет о полевых исследованиях Средне-Чулымского отряда археологической экспедиции Томского госуниверситета летом 1978 г.//Архив МАЭС ТГУ. № 788.

Комарова М. Н., 1952. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири//МИА. № 24. М.

- Комарова М. Н., 1956. Неолит Верхнего Приобья//КСИИМК. Вып. 64.
- Косарев М. Ф., 1973. Древние памятники в верховьях р. Кети//Проблемы археологии Урала и Западной Сибири. М.
- Косарев М. Ф., 1974. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.
- Косарев М. Ф., 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.
- Корякова Л. Н., 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 240 с.
- Кренке Н. А., 1984. Коллекция В. В. Радлова из раскопок курганов XVIII в. в Сибири//Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск.
- Кунгуров А. Л., 1987. Работы Бийского отряда//Исслед. памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. С. 40—43.
- Кунгурова Н. Ю., 1984. Отчет об археологических исследованиях на территории, подчиненной горсовету г. Барнаула и в Шипуновском районе Алтайского края летом 1984 г.//Архив лаб. археолого-этнограф. исслед. Алтайского гос. ун-та. № 71.
- Лашук Л. П., Хлобыстин Л. П., 1986. Север Западной Сибири в эпоху бронзы//КСИА АН СССР.
- Левашова В. П., 1928. Вознесенское городище//Изв. Зап.-Сиб. музея. Омск. № 1. С. 87—98.
- Левашова В. П., 1950. О городищах Сибирского юрта//СА. Вып. XIII. М. С. 341—350.
- Липинская В. А., 1974. Опыт анализа фотопланов при историко-этнографическом изучении поселений (по материалам Алтайского края)//Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М. С. 236—280.
- Лукина Н. В., Пелих Г. И., 1963. К вопросу о «карагасах» Томской области//Сб. научн. работ ист. кафедр. Томск. С. 162—173.
- Луконин В. Г., 1977. Искусство Древнего Ирана. М.
- Лыткин Н. А., 1890. Археологический отдел Тобольского губ. музея. Тобольск.
- Малахов И. В., 1890. Посмертные записки (1875—1895)//ЗУОЛЕ. М.: Изд-во Моск. ун-та. 2-я серия. С. 11—20.
- Матющенко В. И., 1959. Дневник разведывательной группы Музея истории материальной культуры при Томском университете летом 1959 г.//Архив МАЭС ТГУ. № 172.
- Матющенко В. И., 1973. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. I. Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (Верхнеобская неолитическая культура)//ИИС. Вып. 9. Томск.
- Матющенко В. И., Коркина И. А., 1978. Исследования Берегавского могильника на Среднем Чулыме в 1975 году//Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск. С. 30—50.
- Матющенко В. И., Синицына Г. В., 1988. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск.
- Мартынов А. И., Мартынова Г. С., 1978. Лесостепная тагарская культура и вопросы происхождения и хронологии кулайской культуры//Ранний железный век Западной Сибири. Томск.
- Мец Ф. И., 1985. Отчет о полевых работах археологической экспедиции Томского областного краеведческого музея летом 1985 года//Архив ТОКМ. Оп. 4. Д. 507.

Мец Ф. И., 1986. Отчет о полевых работах археологической экспедиции Томского областного краеведческого музея летом 1986 года//Архив ТОКМ. Оп. 4. Д. 509.

Мец Ф. И., 1987а. К вопросу о памятниках игрековского типа в Нарымском Приобье//Тез. докл. конф. «Исторические чтения памяти М. П. Грязнова». Омск. Ч. I.

Мец Ф. И., 1987б. Работы в Каргасокском районе Томской области //АО 1985. М.

Мец Ф. И., 1988. Раскопки поселения Березовый Остров//АО 1986 г. М.

Мец Ф. И., 1990. К вопросу о выделении этнопоказательных признаков (По материалам керамического комплекса II тыс. н. э. поселения Шеломок I)//Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск. С. 77—79.

Миллер Г. Ф., 1941. История Сибири. М.; Л. Т. II. 637 с.

Могильников В. А., 1964. Васюганский клад//СА. № 2.

Могильников В. А., 1968. Елыкаевская коллекция Томского университета//СА. № 1.

Могильников В. А., 1969. Находки из села Пиковка//СА. № 3.

Могильников В. А., 1972. Исследования в Омском Прииртышье //АО 1971 года. М.: Наука. С. 278—280.

Могильников В. А., 1983. Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа//Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск. С. 77—89.

Молодин В. И., 1972. Керамическая печь из поселения «Ордынское-6»//Вопросы археологии Сибири. Новосибирск. Вып. 38. С. 89—96.

Молодин В. И., 1977. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск.

Молодин В. И., 1979. Кыштовский могильник. Новосибирск. 180 с.

Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н., 1980. Айдашинская пещера. Новосибирск.

Молодин В. И., 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск.

Молодин В. И., Глушков И. Г., 1989. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск.

Морозов В. М., 1992. Поселения и жилища Зауралья, Сургутского и Нижнего Приобья//Очерки расогенеза и культурогенеза Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та (в печ.).

Морозов В. М., Пархимович С. Г., 1985. Городище Перегребное I//Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень. С. 89—99.

Мягков И. М., 1929. Древности нарымского края//Тр. ТОКМ. Т. 2. Томск.

Ожередов Ю. И., 1980. Отчет о работах Нарымского разведочного отряда в 1980 году в Колпашевском районе Томской области//Архив МАЭС ТГУ.

Панфилов А. Н., 1989. Новые данные по неолиту — раннему бронзовому веку Нижнего Приишимья//Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск.

Пеняев Е. М. Хозяйство чулымских татар в XVI—XVIII вв. Рукопись//Архив МАЭС ТГУ. № 618.

Пелих Г. И., 1965. Условия возникновения территориальной общины-юрты у селькупов Нарымского края//Уч. зап. ТГПИ. С. 251—284.

Пелих Г. И., 1972. Происхождение селькупов. Томск: Изд-во ТГУ, 422 с.

Пелих Г. И., 1981. Селькупы XVII века. Новосибирск: Наука. 175 с.

Перегудов Ф. И., Тарасенко Ф. П., 1989. Введение в системный анализ. М. 367 с.

Петров А. И., 1987. Периодизация и хронология памятников екатерининской культуры в Среднем Прииртышье//Источники по истории Западной Сибири. История и археология. Омск.

Плетнева Л. М., 1977. Томское Приобье в конце VIII—III вв. до н. э. Томск: Изд-во Том. ун-та. 140 с.

Плетнева Л. М., 1985. Отчет об археологических исследованиях Томского отряда археологической экспедиции Томского университета в 1984 г.//Архив МАЭС ТГУ. 139. 31 с.

Плетнева Л. М., 1984. Погребения IX—X вв. в Томском Приобье //Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск: Изд-во ТГУ. С. 64—87.

Плетнева Л. М., 1987. Погребение с конем в Томском Приобье эпохи средневековья//Проблемы археологии Степной Евразии. Кемерово. Ч. II. С. 172—174.

Плотников Ю. А., 1987. «Клады» Приобья как исторический источник//Военное дело древнего населения Средней Азии. Новосибирск.

Полосьмак Н. В., 1990. Мир-Сусне-Хум — небесный всадник//Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск.

Попов А. А., 1961. Жилище//Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 131—226.

Посредников В. А., 1973. Большереченское поселение II — археологический памятник Сургутского Приобья//ИИС. Вып. 5. Томск.

Потемкина Т. М., 1983. Некоторые аспекты интерпретации остеологических материалов с поселений и могильников при реконструкции хозяйства//Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул. С. 48—53.

Приль Л. Н., 1985. Отчет о проведении полевых работ в бассейне р. Качарма отрядом Томского областного краеведческого музея//Архив ТОКМ. Оп. 4. Д. 505.

Приль Л. Н., 1986. Разведки в бассейне Качармы//АО 1984. М.

Прокофьева Е. Д., 1947. Древние жилища на реках Тым и Кеть //СЭ. № 2. С. 199—202.

Прокофьева Е. Д., 1956. Селькупы//Народы Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 605—687.

Пуганченкова Г. А., 1971. Искусство Средней Азии и Казахстана//История искусства народов СССР. М. Т. 1.

Пшеничнюк А. Х., 1983. Культуры ранних кочевников Южного Урала. М.

Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука.

Романцова В. Д., 1972. Жилища поселения «Ордынское-5»//Вопросы археологии Сибири. Вып. 38. Новосибирск. С. 60—65.

Романцова В. Д., 1976. Городища XI—XIII вв. в Новосибирском Приобье//Языки и топонимия. Томск. С. 130—133.

Романцова В. Д., 1978. Городище Седова Заимка//Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск. С. 81—90.

Романцова В. Д., 1983. Курганный могильник Седова Заимка-2//Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск. С. 82—95.

Савинов Д. Г., 1977. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тыс. н. э.)//СЭ. № 1. С. 31—48.

- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода X—XV вв. М.: Наука. 156 с.
- Синицына Г. В., 1986. Игреково-I — памятник неолита в Среднем Приобье//Палеолит и неолит. Л.
- Синяев В. С., 1950. Материалы к археологической карте Нижнего Чулыма//СА. Т. XIII. М.; Л.
- Соболев В. И., 1978. Вознесенское городище — памятник середины II тыс. н. э.//Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск. С. 179—190.
- Соболев В. И., 1978а. Курганы XIII—XIV вв. у с. Туруновка//Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск. С. 91—96.
- Соболев В. И., 1979. Раскопки городища Каменушка-I//Сибирь в древности. Новосибирск. С. 76—80.
- Соколова З. П., 1957. Из истории жилища обских угров (к вопросу о развитии обско-угорской землянки)//*Congressus internationalis Finno-Ugristarum*. — Budapest. S. 334—338.
- Соколова З. П., 1962. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров//Сибирский этнографический сборник. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР. С. 114—125.
- Соловьев А. И., 1987. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние. 192 с.
- Сосновкин И. Н., Коротчаев В. П., 1974. Клад бронзовых вещей городища Барсов Городок 1/9//Вопросы истории Западной Сибири. Вып. 1. Тюмень.
- Спицын А. А., 1906. Шаманские изображения//Записки отделения русской и славянской археологии Русского географического общества. — Вып. 1. Т. 8. СПб.
- Старков В. Ф., 1975. Неолитические памятники Нижнего Приобья//Памятники древнейшей истории Евразии. М.
- Старцева Л. М., 1966. Керамика городища Кижирова//Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. Томск. С. 71—78.
- Стоколос В. С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.
- Терехин С. А., 1988. Отчет о работах Томско-Нарымского разведочного отряда археологической экспедиции Томского госуниверситета в Молчановском районе Томской области в 1987 г.//Архив МАЭС ТГУ. № 976. 24 с.
- Томилов Н. А., 1978. Новые материалы к этногенезу и этнокультурной истории сибирских татар//Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск. С. 88—95.
- Томилов Н. А., 1980. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. Томск: Изд-во Том. ун-та. 200 с.
- Топоров В. Н., 1981. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии (1—2)//Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.
- Тревер К. В., 1940. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л.
- Троицкая Т. Н., 1978. Красный Яр-I — памятник позднего железного века//Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск. С. 99—117.
- Троицкая Т. Н., 1979. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск.

Троицкая Т. Н., 1984. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье//Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск. С. 101—120.

Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И., 1980. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука. 183 с.

Уманский А. П., 1974. Могильник верхнеобской культуры на Верхнем Чулыме//Древняя Сибирь. Вып. 4. Новосибирск.

Урманцев Ю. А., 1988а. Общая теория систем: состояние, приложения и перспективы развития//Система, симметрия, гармония. М. С. 38—130.

Урманцев Ю. А., 1988б. Эволюционика и Общая теория развития систем природы, общества и мышления. Пушино. 79 с.

Ураев Р. А., 1956а. Дополнение к археологическим памятникам Томской области//Тр. ТОКМ. Т. 5. Томск.

Ураев Р. А., 1956б. Кривошейнский клад//Тр. ТОКМ. Т. 5. Томск.

Ураев Р. А. Отчет обследования Парабельских курганов в 1956 г. //Архив АН АИ СССР. Р-1, 1934.

Файзулина М. Р., 1982. Отчет о полевых исследованиях разведочной группы Среднеобского отряда археологической экспедиции ТГУ в 1981 г.//Архив МАЭС ТГУ, № 880. С. 5—6.

Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М., 1991. Сургутское Приобье в эпоху средневековья//Вопросы археологии Урала. Екатеринбург. С. 126—145.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах. М.: Наука. 1987. 510 с.

Худяков Ю. С., 1990. Вооружение кочевников Центральной Азии в первой половине I тыс. н. э.//Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск.

Чемякин Ю. П., 1980. Новый могильник в Сургутском Приобье//СА. № 3.

Чемякин Ю. П., 1992. Поселения раннего железного века Сургутского и Нижнего Приобья//Очерки расогенеза и культурогенеза Западной Сибири. Т. II: Поселения и жилища Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та (в печ.).

Чемякин Ю. П., Кокшаров С. Ф., 1984. Поселение начала I тысячелетия до н. э. на Барсовой Горе//Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск.

Чернецов В. Н., 1953а. Бронза усть-полуйского времени//Древняя история Нижнего Приобья. МИА. № 35. М.

Чернецов В. Н., 1953б. Усть-полуйское время в Приобье//Древняя история Нижнего Приобья//МИА. № 35. М.

Чернецов В. Н., 1957. Нижнее Приобье в I тыс. н. э.//Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири//МИА. № 59.

Чиндина Л. А., 1965. Отчет об археологической разведке в Колпашевском районе Томской области летом 1965 г.//Архив МАЭС ТГУ. № 284.

Чиндина Л. А., 1970. Керамика могильника Релка на Средней Оби//СА. № 1. С. 248.

Чиндина Л. А., 1970. Отчет об археологических исследованиях проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири при Томском университете летом 1970 г.//Архив МАЭС ТГУ. № 466.

Чиндина Л. А., 1972. Отчет об археологических исследованиях Нарымского отряда летом 1972 г.//Архив МАЭС ТГУ. № 516.

Чиндина Л. А., 1973а. Отчет об археологических исследованиях Нарымского отряда летом 1973 года//Архив МАЭС ТГУ.

Чиндина Л. А., 1973б. Культурные особенности среднеобской керамики эпохи железа//ИИС. Вып. 7. С. 161—174.

Чиндина Л. А., 1974. Отчет об археологических исследованиях Нарымского отряда летом 1974 г.//Архив МАЭС ТГУ. № 627.

Чиндина Л. А., 1975. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья//ИИС. Вып. 16. Томск. С. 61—93.

Чиндина Л. А., 1977. Могильник Релка на Средней Оби. — Томск: Изд-во Томск. ун-та. 192 с.

Чиндина Л. А., 1978. Саровское городище//Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск. С. 51—80.

Чиндина Л. А., 1979. Отчет об археологических исследованиях Нарымского отряда летом 1979 г.//Архив МАЭС ТГУ. № 793.

Чиндина Л. А., 1980. Отчет об археологических исследованиях Нарымского отряда летом 1980 г.//Архив МАЭС ТГУ. № 826.

Чиндина Л. А., 1980а. Полевая документация//Архив МАЭС ТГУ. № 821.

Чиндина Л. А., 1984. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск.

Чиндина Л. А., 1986. Отчет об археологических исследованиях Нарымского отряда летом 1986 г.//Архив МАЭС ТГУ. № 1005.

Чиндина Л. А., 1987. Отчет о полевых исследованиях Нарымской экспедиции Томского университета летом 1987 года//Архив МАЭС ТГУ. № 944.

Чиндина Л. А., 1989. Отчет о полевых исследованиях Нарымской археологической экспедиции летом 1989 г.//Архив МАЭС ТГУ.

Чиндина Л. А., 1991. История Среднего Приобья в эпоху средневековья (релкинская культура). Томск. 179 с.

Чиндина Л. А., Яковлев Я. А., Ожередов Ю. И., 1990. Археологическая карта Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та. Т. 1.

Ширин Ю. В., 1991. Хронология фоминского этапа//Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул.

Яковлев Я. А., 1978. Отчет на раскопках на поселении Золотая Горка в 1978 году в Шегарском районе Томской области//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 7491.

Яковлев Я. А., 1980. Отчет об археологической разведке в Шегарском и Кривошеинском районах Томской области//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 6583.

Яковлев Я. А., 1980. Раскопки поселения Золотая Горка//АО 1979 г. М. С. 244—245.

Яковлев Я. А., 1981. Отчет о работах Тымского отряда археологической экспедиции ТГУ в 1981 г. в Каргасокском и Колпашевском районах Томской области//Архив МАЭС ТГУ. № 855.

Яковлев Я. А., 1986. Отчет о работах Тымского отряда археологической экспедиции ТГУ в 1986 г. в Верхнекетском районе Томской области//Архив МАЭС ТГУ. № 967.

Яковлев Я. А., 1987. Отчет о работах Тымского отряда археологической экспедиции ТГУ в 1987 г. в Колпашевском и Верхнекетском районах Томской области//Архив МАЭС ТГУ. № 1000.

Karjalainen K. F. Die Religion der Jugra-Völker. — II. Übersetzung von Oskari Hackman. — Helsinki: 1922. 386 p. (Карьялайнен К. Ф., 1922. Религии югорских народов. II. Хельсинки. 386 с. Пер. с нем. Н. В. Лукиной, 1986//Архив МАЭС ТГУ. № 985).

СОКРАЩЕНИЯ

АО — Археологические открытия

ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания

ИА — Институт археологии АН СССР

ИИС — Из истории Сибири

ИЭАС — Историко-этнографический атлас Сибири

КСИА — Краткие сообщения Института археологии

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МАЭС — Материалы и исследования по археологии СССР

СА — Советская археология

СЭ — Советская этнография

ТГПИ — Томский государственный педагогический институт

ТГУ — Томский государственный университет

ТОКМ — Томский областной краеведческий музей

УЗ — Ученые записки

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Ф. И. Мец. Поселение Березовый Остров — археологический памятник Васюганского Приобья	5
С. А. Терехин. Экспериментальные работы в области цветной металлообработки кулайцев	26
Э. В. Угдыжеков. Керамика поселения Гришкино I	35
З. М. Габдрахманова, Л. А. Чиндина. Поселение Тур- бабино I	46
Я. А. Яковлев. Карбинское городище II — памятник релкин- ской эпохи	61
Н. В. Березовская, М. Г. Лоскутова, Л. А. Чиндина. Многослойное городище Ютор I	75
А. И. Боброва, Н. В. Петрова. Тяголовский могильник	97
А. В. Рейно. Рекогносцировочные раскопки могильников позд- него средневековья в Таежном Причулымье	113
А. Я. Яковлев, Ф. И. Мец. Селище Золотая Горка (к по- становке вопроса об этнической ситуации в Томском Приобье II тыс. н. э.)	129
Ю. В. Ширин. К истории «культовых мест» Западной Сибири	152
Литература	163
Список сокращений	172

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СРЕДНЕМ ПРИОБЬЕ

Редактор *М. И. Сваровская*

Технический редактор *Г. Н. Гридина*

Корректор *Л. Н. Проскурина*

Сдано в набор 16.03.93 г. Подписано в печать 06.10.93 г.
Формат 60×84¹/₁₆, бумага офсетная № 2. Печать высокая. Гарнитура
Литературная. П. л. 11; уч.-изд. л. 9,8; усл. п. л. 10,23. Заказ 2075.
Тираж 1000 экз.

Издательство ТГУ 634029. Томск, ул. Никитина, 4.
Типография издательства «Красное знамя» Томск, пр. Фрунзе, 103.

В издательстве Томского университета
выходит в свет

НОВАЯ КНИГА:

**Н. А. Томилов «Проблемы
этнической истории по материалам
Западной Сибири».**

В книге освещены методологические и теоретические положения этнической истории как цельного научного направления: определены объект, предмет и хронологические рамки ее изучения.

Для широкого круга читателей.